Раиса Юльевна Каганова
Ленин во Франции
Декабрь 1908 — июнь 1912. Революционер, теоретик, организатор
Изд. 2-е, доп. Главная редакция социально-политической литературы
М: «Мысль», 1977. 380 с. с ил.
Веб-публикация: библиотека Vive Liberia, 22 апреля 2010 года,
в 140-ю годовщину со дня рождения Ленина
В книге раскрываются связи В. И. Ленина с организациями РСДРП в России,
его борьба против всякого рода оппортунистов, за укрепление большевистской партии,
воссоздается содержание ряда ленинских рефератов, не сохранившихся в письменном виде,
прослеживаются на конкретном историческом материале связи Ленина с французским и международным рабочим движением.
Во втором, дополненном издания книги широко использованы ленинские документы,
впервые опубликованные в 1975 году в XXXVIII Ленинском сборнике.

Введение
Глава 1. В ПАРИЖЕ
Первые впечатления
Парик — центр русской политической эмиграции
«Мой адрес теперь: Парик»
Газета «Пролетарий»
Против ликвидаторов справа и «слева»
Книга «Материализм и эмпириокритицизм»
Совещание расширенной редакции «Пролетария»
Борьба с примиренцами и Троцким. Январский Пленум ЦК РСДРП 1910 года
Газета «Социал-Демократ»
«Рабочая газета». Борьба за созыв партийной конференции
Пражская конференция РСДРП
Глава 2. СВЯЗИ С РОССИЕЙ
«Всем духом своим на родине»
Руководство социал-демократической фракцией III Государственной думы.
Возрождение легальной марксистской печати в России .
Организация распространения нелегальной литературы
В Парик к Ленину! Подготовка новых кадров
Глава 3. «Я ДОЛЖЕН ВЫСТУПАТЬ!»
(Рефераты Ленина в годы парижской эмиграции)
Можно ли воссоздать содержание ленинских рефератов?
«Будущее за нами!»
Памяти Л.Н.Толстого
«Столыпин и революция»
«Снимите-ка с себя профессорские очки!»
Митинг памяти Герцена в зале Ваграм
«Революционный подъем российского пролетариата»
Последний раз в Парике
Глава 4. БОРЬБА ЛЕНИНА ЗА ПАРТИЮ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ
Острота финансового вопроса
Кто такие «держатели»?
Срыв решений январского Пленума блоком ликвидаторов справа и «слева»
Позиция «держателей» в момент конфликта
Ленин-норист
Глубоко партийные позиции
Глава 5. ЛЕНИН И ФРАНЦУЗСКОЕ РАБОЧЕЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
Ленин и Коммуна
Среди французских рабочих
Контакты с французскими социалистами
У истоков Французской коммунистической партии
Вместо заключения
На смерть Ленина
Франция чтит память Ленина
Источники и литература
Приложение (документы)

Иллюстрации выложены отдельно - в нашем сообществе:
http://www.diary.ru/~-vive-liberta/

ВВЕДЕНИЕ

После поражения русской революции 1905—1907 годов дальнейшее пребывание Большевистского центра в пределах Российской империи стало невозможным. В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин в нескольких строках характеризует этот период: «Годы реакции (1907—1910). Царизм победил. Все революционные и оппозиционные партии разбиты. Упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство, порнография на место политики. Усиление тяги к философскому идеализму; мистицизм, как облачение контрреволюционных настроений. Но в то же время именно великое поражение дает революционным партиям и революционному классу настоящий и полезнейший урок, урок исторической диалектики, урок понимания, уменья и искусства вести политическую борьбу... Разбитые армии хорошо учатся»[1].

Для того чтобы продолжать борьбу и сохранить нелегальную партию, Ленин вынужден был эмигрировать. В январе 1908 года он выехал в Швейцарию, в декабре переехал в Па-

риж, где прожил три с половиной года. Туда перебазировался и Большевистский центр с газетой «Пролетарий», редактором которой был Владимир Ильич.

В те годы Париж стал центром русской революционной эмиграции. «Заграничная база,— писал Владимир Ильич,— необходима и неизбежна для партии, которая действует в таких условиях, как наша. Это признает всякий, кто подумает над положением партии» [2].

А положение было очень серьезное.

Парижский период деятельности Ленина насыщен напряженной борьбой за сохранение и укрепление нелегальной марксистской партии. Ленин борется против меньшевиков-ликвидаторов, которые отреклись от революционных лозунгов и капитулировали перед царизмом. Он выступает против отзовистов, пытавшихся превратить партию в секту и оторвать ее от масс. Владимир Ильич разоблачает беспринципное примиренчество Троцкого, проповедовавшего «мир» между революционерами и оппортунистами в рамках одной партии.

В настоящей работе автор ставил своей задачей проследить на конкретном историческом материале основные направления теоретической и практической революционной деятельности Ленина в период пребывания в Париже, раскрыть связи его с французским и международным рабочим движением. Сложность темы заключается в том, что как биография Ленина, так и вся деятельность нашей партии в тот период тесно переплетаются с историей всего международного рабочего движения.

В основном придерживаясь рамок, диктуемых темой работы, автор не стремился изложить подробно ни историю КПСС данного периода, ни развитие французского и международного рабочего движения. Освещены лишь события, к которым Ленин имел непосредственное отношение, а также важные вопросы проблемного характера. Большинство их имеет актуальное значение и для современного этапа международного коммунистического движения (например, борьба Ленина против проявлений правого и «левого» оппортунизма в российском и международном рабочем движении).

Задача данной работы — показать каналы, по которым осуществлялась связь Ленина с Россией, с местными комитетами РСДРП и отдельными деятелями партии. В связи с этим рассматриваются конспиративная переписка Ленина, Большевистского центра, транспортировка нелегальной литературы, поездки представителей местных партийных организаций в Париж к Ленину и другие вопросы.

Специальной задачей исследования было воссоздание — на основании прямых и косвенных источников (ленинских планов и конспектов, афиш, писем слушателей, отчетов в «Парижском вестнике», воспоминаний и, наконец, донесений охранки) — содержания многочисленных устных выступлений Ленина парижского периода (их называли тогда рефератами; в III главе их рассматривается более 30). Ленин освещал в них актуальные проблемы борьбы за сохранение и укрепление партии, за чистоту и дальнейшее развитие марксистской теории.

Ряд разделов монографии посвящен деятельности Ленина в исследуемый период на международной арене: борьба против правых оппортунистов и центристов во II Интернациона-

первые шаги по сплочению левых, революционных элементов международного социалистического движения, деятельность Ленина в качестве представителя РСДРП в Международном социалистическом бюро. Особое внимание уделено борьбе Ленина против поддержки лидерами II Интернационала русских ликвидаторов и троцкистов путем разоблачения лжи и дезинформации о положении дел в РСДРП.

Ленин всегда уделял много внимания французскому рабочему и социалистическому движению, был связан со многими его деятелями. В книге сделана попытка обобщить все опубликованные в советской и французской литературе документы, а также неопубликованной материал, касающийся связей Ленина с французскими социалистами и с рабочим движением Франции в 1908—1912 годах.

Стремление раскрыть последующее развитие тех связей с французским рабочим и социалистическим движением, которые были установлены Лениным в парижский период его жизни и деятельности, заставило автора несколько выйти за хронологические рамки книги и кратко остановиться на вопросе о влиянии Ленина на процесс формирования Французской коммунистической партии. Ленинская помощь и поддержка, ленинская критика, ленинские советы существенно способствовали тому, что во Франции сложились предпосылки для создания партии нового типа, ведущей партии нации, 50-летие которой отметило в 1970 году прогрессивное человечество. Этим вопросам посвящено Заключение. Там же рассказано, как трудовая Франция отметила 100-летие со дня рождения Ленина.

Данная монография является первой попыткой комплексно осветить важнейшие стороны деятельности Ленина во время его пребывания в эмиграции во Франции. Композиция книги (разделение на главы по тематическому, а не по хронологическому принципу) дает возможность более рельефно выделить важнейшие направления деятельности Ленина в тот период, шире привлекать материалы более раннего или более позднего периода.

Монография — итог многолетних исследований архивных материалов, мемуаров, литературы. В результате сопоставления и анализа различного рода источников, а также бесед со старыми коммунистами, проживавшими в эмиграции одновременно с Лениным, выявлен ряд новых фактов деятельности Ленина, большевиков в Париже.

Для исследуемой темы были привлечены и использованы источники разного характера. Первый и важнейший из них — произведения и письма Ленина, как относящиеся к 1908—1912 годам, так и выходящие за эти хронологические рамки.

Литературное и эпистолярное наследие Ленина парижского периода весьма обширно и многогранно. Более 500 статей, заметок, докладов и писем вышло из-под пера Ленина в эти годы (произведения Ленина, написанные в 1908—1912 годах, опубликованы в 17—21-м томах его Полного собрания сочинений, а письма этого периода — в 47, 48 и 55-м томах).

Они являются одновременно и основной путеводной методологической нитью для исследования периода 1908—1912 годов и богатейшим источником по истории борьбы Ленина за пар-

тию, за революционное воспитание масс, за гегемонию пролетариата. Они воссоздают с большой полнотой сложнейшую картину внутрипартийной жизни в те годы, раскрывают все этапы борьбы большевиков за сохранение и укрепление партии.

Особое место как источник занимают письма В. И. Ленина, адресованные родным.

Важным источником для исследования жизни и деятельности Ленина во Франции являются историко-партийные документы той эпохи, в особенности материалы и резолюции V (Общероссийской) конференции РСДРП, пленумов ЦК РСДРП (3 января 1909, 9-11 января 1909, январского 1910 года), совещания расширенной редакции «Пролетария», совещания членов ЦК РСДРП (июнь 1911 года), совещания Российской организационной комиссии, совещания заграничных большевистских групп (декабрь 1911 года) и, наконец, материалы VI (Пражской) конференции РСДРП.

В основу настоящей работы положены документы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ). Одной из задач автора было ввести в научный оборот некоторые ранее не публиковавшиеся документы, касающиеся жизни и деятельности Ленина в 1908—1912 годах. Особенно много в этой связи дало изучение таких фондов, как письма к Ленину (фонд 2, опись 5), адресованные в Париж. Наряду с другими документами изучение этой группы писем помогает раскрыть высокий авторитет Ленина-вождя, его широкие связи с местными партийными организациями и руководящую роль в революционном движении в России.

Большую ценность представляют фонды документов членов семьи Ульяновых: матери (фонд 11), старшей сестры (фонд 13), младшего брата (фонд 15) и особенно младшей сестры (фонд 14). М. И. Ульянова провела большую работу по выявлению материалов о рефератах, прочитанных Лениным за границей. Ею установлено много неизвестных ранее выступлений Ленина. Интереснейшие материалы, собранные М. И. Ульяновой, широко использованы (путем анализа и сопоставления с другими источниками) в данной работе.

Очень важные документы (в том числе неопубликованные подготовительные материалы к воспоминаниям о Ленине) содержит в себе фонд Надежды Константиновны Крупской, которая по праву считается первым и главным его биографом.

Среди архивных фондов историко-партийной секции ЦПА ИМЛ следует выделить документы редакции ленинской газеты «Пролетарий» (фонд 377), архив «Рабочей газеты», созданной Лениным в 1910 году (фонд 29), документы центрального органа РСДРП газеты «Социал-Демократ», в редактировании которой активно участвовал Ленин (фонд 28).

Важный материал содержится в фонде Комитета Заграничной Организации (КЗО) РСДРП, основанной 27—30 декабря 1911 года на совещании большевистских заграничных групп (фонд 351). Фонд содержит много писем И. Ф. Арманд, которая была секретарем КЗО и работала под непосредственным руководством Ленина.

Очень важны документы партийной школы, организованной Лениным в местечке Лонжюмо,

под Парижем (фонд 338), особенно протоколы мандатной комиссии. Эти протоколы (как, впрочем, и многие другие архивные документы, с которыми пришлось работать автору) трудно поддаются расшифровке: в них имеется множество сокращений, почти все фамилии (из-за конспирации) заменены партийными кличками, выцветший текст, весьма неразборчив почерк и т. д. Особенно трудны так называемые «поднятые тексты» писем, написанных химией между строчками «легального» письма, а потом проявленные. Так написаны, в частности, многие письма в Россию Н. К. Крупской.

Использованы в данной работе и материалы по подготовке Пражской конференции, документы ЦК РСДРП, Заграничного бюро Центрального Комитета РСДРП (ЗБЦК), куда входил от большевиков Н. А. Семашко, документы парижской большевистской группы РСДРП, в деятельности которой принимал участие Ленин.

Определенную ценность представляют также документы полицейских и жандармских учреждений царской России о гласном и негласном наблюдении за Лениным, которое, как известно, было начато еще 27 декабря 1887 года (8 января 1888 года).

В книге использованы донесения из Парижа руководителей заграничной агентуры царской охранки Гартиига и Андреева, в том числе подробные их «доклады» о V конференции РСДРП, о парижской группе содействия РСДРП, агентурные сведения о заседании расширенной редакции газеты «Пролетарий», донесение об июньском совещании членов ЦК (1911 года), справка о видных деятелях РСДРП, проживавших за границей, и г. н. Все эти документы содержат подробные сведения о деятельности Ленина и большевиков. Кроме того, в документах охранки имеются перехваченные письма из Парижа в Россию. Некоторые из этих писем, добытых охранкой путем перлюстрации, являются порой единственным источником сведений о том или ином устном выступлении Ленина в Париже. Материалы эти хранятся в фонде особого отдела департамента полиции Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР (ЦГАОР СССР).

Большой интерес представляют личные фонды активных деятелей парижской группы большевиков, хранящиеся в ЦПА ИМЛ, в том числе фонд И. Ф. Арманд. Очень важен также фонд 124 («Общество старых большевиков»). В книге использованы хранящиеся в нем «личные дела» членов парижской группы большевиков. Среди этих документов много не опубликованных еще воспоминаний о Ленине, часть из которых приводится в книге.

Автор использовал опубликованные статьи и письма соратников Ленина, написанные в 1908—1912 годах, статьи и корреспонденции, опубликованные в газетах «Пролетарий», «Социал-Демократ» и «Рабочая газета» (выходивших в Париже под непосредственным наблюдением и руководством Ленина), а также печатавшиеся в России в газетах «Звезда» и «Правда», журналах «Мысль» и «Просвещение».

Немалый интерес представляет «Дневник социал-демократа» — непериодический орган, издававшийся Г. В. Плехановым (1905—1912 годы).

Ценным источником является еженедельная газета «Парижский вестник», издававшаяся русскими политэмигрантами в 1910—1914 годах. Она помещала сведения о текущих событиях политической жизни и опубликовала отчеты о ряде рефератов Ленина.

Естественно, что при изучении периода, когда шла ожесточенная борьба Ленина, большевиков против ликвидаторства, отзовизма и троцкизма, необходима критическая работа и над документами, вышедшими из-под пера представителей этих течений, в частности над брошюрами, письмами и статьями лидеров меньшевизма Мартова, Аксельрода, Потресова. Использованы печатные органы этих антиленинских течений — их газеты и непериодические издания, издававшиеся в Париже. Были учтены и материалы либерально-буржуазной газеты «Будущее» («L'Avenir»), которая выходила в Париже с 22 октября 1911 года по 4 января 1914-го под редакцией В. Л. Бурцева на русском языке (некоторые материалы печатались на французском языке). В газете сотрудничали в основном меньшевики и эсеры.

Разумеется, к такого рода источникам необходим сугубо критический подход.

Источником первостепенной важности являются воспоминания Н. К. Крупской, а также воспоминания родных Владимира Ильича. Воспоминания Крупской особенно важны — как источник — тем, что многое она рассказывает со слов самого Владимира Ильича.

В книге использованы воспоминания до 50 деятелей нашей партии, которые работали с Владимиром Ильичей в Париже, общались с ним или хотя бы один раз встречались с ним в тот период. В некоторых из них Довольно много неточностей и фактических ошибок, и пользоваться ими можно, только е\шоставляя с другими источниками. Это объясняется обычно тем, что все эти воспоминания написаны, как правило, много лет спустя после описываемых событий.

Интересный материал автор получил в результате неоднократных бесед с бывшими членами парижской группы большевиков: С. И. Гопнер, Т. Ф. Людвинской, И. М. Полонским и А. Н. Голубом, а также с дочерью Инессы Арманд — И. А. Арманд.

Ценным источником для изучения деятельности Владимира Ильича в Международном социалистическом бюро является переписка Ленина с секретарем МСБ К. Гюисмансом, опубликованная в Париже в 1963 году.

Много интересных сведений о связях Ленина с французским рабочим и социалистическим движением, о его взглядах на историю Франции, о том пристальном внимании, какое уделял Ленин Французской коммунистической партии, родившейся на съезде в Туре в декабре 1920 года, содержат воспоминания встречавшихся с Лениным видных деятелей французского рабочего движения — Марселя Кашена, Поля Вайян-Кутюрье, Пьера Семара, Гастона Монмуссо. К 100-летию со дня рождения Ленина французские коммунисты приурочили новую публикацию этих драгоценных воспоминаний.

Таков в кратких чертах круг источников, использованных автором.

В своей работе автор стремился также учесть труды советских и зарубежных (главным обра-

зом французских) историков, имеющие Отношении к исследуемой теме, особенно опубликованные за последние годы.

Обобщающая характеристика всего комплекса вопросов данной темы дается пока лишь в научной биографии Б. И. Ленина, подготовленной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, и в изданном ИМЛ втором томе многотомной истории партии. В этих фундаментальных трудах имеются соответствующие разделы о жизни и деятельности Ленина в 1908—1912 годах. Естественно, что в такого рода трудах, имеющих широкие хронологические рамки, отдельные проблемы освещены лишь в очень сжатой форме, а некоторые вопросы вообще не разработаны (например, связи Ленина с французскими социалистами, рефераты Ленина в Париже).

Отдельные аспекты жизни и деятельности Ленина в 1908—1912 годах исследовали советские историки В. А. Дунаевский, Н. В. Ершков, 3. А. Левина, В. Т. Логинов, М. И. Пшедецкий, А. М. Черненко, К. В. Шахназарова, С. А. Щелкунов и др. Несколько исследований в той или иной степени касаются парижского периода жизни и деятельности Ленина: коллективный труд «Ленин и международное рабочее движение», исследующий на основе обширной источниковедческой базы вопросы, связанные, в частности, с работой Международного социалистического бюро; брошюра П. В. Барчугова и Н. В. Нелидова, которая в популярной форме излагает историю ленинской партийной школы в Лонжюмо (в основе книги лежат воспоминания бывших учеников и лекторов школы, а также некоторые неизвестные ранее документы ЦПА ИМЛ), и книга А. П. Якушиной, рассматривающая на основе архивных документов деятельность заграничных организаций РСДРП в 1905—1917 годах[3].

Ряд статей, раскрывающих отдельные стороны жизни и деятельности Ленина во Франции, влияние Ленина на развитие французского рабочего движения, опубликован автором настоящей книги. Многие из них переведены на французский язык и опубликованы во Франции[4].

В 1968 году во Франции вышла книга известного французского писателя, ветерана ФКП Жана Фревиля * «Ленин в Париже»[5]. В этой книге, написанной очень живо и популярно, приведен ряд новых интересных данных. Фревиль использует неопубликованные воспоминания Шарля Раппопорта, хранящиеся в Национальной библиотеке, а также опубликованные во Франции воспоминания вдовы Жана Нувеля, который в 1909 году был секретарем секции социалистической партии в Ницце. Очень ценны для нас небольшие интервью автора с французами, еще помнящими свои встречи с Владимиром Ильичей: мадам Табуле из деревушки Бомбон, где Ленин и его родные отдыхали летом 1909 года, Морисом Дюшоном, сыном владельца мастерской, летом 1911 года временно превращенной в партийную школу, и др. Эти блестки воспоминаний французов о

* Жан Фревиль известен советским читателям своими работами, посвященными истории Французской коммунистической партии и революционной борьбе рабочего класса: «Рождение Французской коммунистической партии. Съезд в Туре» (М., 1951); «Морис Торез» (М., 1961).

Ленине являются, безусловно, самой ценной частью книги Фревиля.

Много внимания уделено в книге быту Ленина в Париже, его отдыху в редкие часы досуга. В этой связи Фревиль в своей книге приводит выдержки из воспоминаний бывшего члена парижской группы большевиков А. Алина «Ленин в Париже», вышедших на французском языке в 1929 году. Однако эти воспоминания содержат довольно много различных домыслов, и сам Фревиль совершенно справедливо критикует их за поверхностность, эпизодичность и игнорирование главного — политической деятельности В. И. Ленина *.

В канун 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции во Франции выходит большая книга — альбом «Когда Ленин жил в Париже» [6]. Автор предисловия Жорж Коньо — видный французский историк-коммунист, почетный председатель правления Института Мориса Тореза при ЦК ФКП — проникновенно пишет о Ленине и значении ленинизма для всего прогрессивного человечества.

Жанр альбома необычен. С помощью фотографий и документов, прямых и косвенных свидетельств его составители стремились воссоздать все связанное с пребыванием Ленина во Франции. Получилось нечто вроде краткой иллюстрированной хроники жизни Ленина в те годы. Шарль Фельд, директор парижского «Клуба любителей искусств», подобрал для альбома несколько сот фотографий и открыток начала XX века, а также около 50 рисунков и карикатур из старых французских журналов и газет.

Издание альбома на русском языке, подготовленное издательством «Изобразительное искусство», увидело свет в самом начале ленинского 1970 года. Оно несколько отличается от французского: дополнено отрывками из воспоминаний соратников Ленина по парижской эмиграции, в нем уточнены некоторые даты и факты, имеется обстоятельное послесловие.

Иллюстрации для альбома (и для французского, и для русского изданий) были напечатаны в парижской типографии «Imprimerie Union» (бывшей кооперативной типографии «Союз»), которая была основана более полувека назад русскими рабочими — политическими эмигрантами. Именно здесь был напечатан 12 ноября (30 октября) 1910 года первый номер ленинской «Рабочей газеты», который воспроизведен на страницах альбома.

Книга Ж. Фревиля и альбом «Когда Ленин жил в Париже» — единственные издания, целиком посвященные исследуемому периоду.

Парижский период жизни и деятельности Ленина, как и вся его биография, в работах буржуазных историков подвергается тенденциозному истолкованию. Стремление опорочить, оклеветать, принизить не только учение и деятельность, но и саму личность Ленина, его облик — одна из черт, объединяющих весь поток антикоммунистической литературы, особенно увеличившийся к 1970 году, в связи со 100-летием со дня рождения Ленина. Когда мы думаем о причинах этого явления, нам невольно приходят на память строки М. Горького из его очерка «В. И. Ленин» [7]:

* В русском издании книги, вышедшей в 1969 году, отрывки из воспоминаний А. Алина сняты.

Много писали и говорили о жестокости Ленина. Разумеется, я не могу позволить себе смешную бестактность защиты его от лжи и клеветы. Я знаю, что клевета и ложь — узаконенный метод политики мещан, обычный прием борьбы против врага, среди великих людей мира сего едва ли найдется хоть один, которого не пытались бы измазать грязью. Это — всем известно...

Все необыкновенное мешает людям жить так, как им хочется...

Владимир Ленин был человеком, который так помешал людям жить привычной для них жизнью, как никто до него не умел сделать это.

Ненависть мировой буржуазии к нему обнаженно и отвратительно ясна, ее синие, чумные пятна всюду блещут ярко. Отвратительная сама по себе, эта ненависть говорит нам о том, как велик и страшен в глазах мировой буржуазии Владимир Ленин — вдохновитель и вождь пролетариев всех стран. Вот он не существует физически, а голос его все громче, победоноснее звучит для трудящихся земли, и уже нет такого угла на ней, где бы этот голос не возбуждал волю рабочего народа к революции, к новой жизни, к строительству мира людей равных. Все более уверенно, крепче, успешней делают великое дело ученики Ленина, наследники его силы.

В основном все западные «биографы» Ленина и авторы книг по истории КПСС пользуются одним и тем же кругом источников: изданные и переизданные на многих языках воспоминания, книги и статьи таких «деятелей русской революции», как меньшевик Н. Суханов, чьи взгляды резко критиковал Ленин, бывший председатель буржуазного Временного правительства эсер А. Ф. Керенский, злейший враг ленинизма Л. Троцкий, А. Балабанова, исключенная в 1924 году из РКП(б), меньшевик Ф. Дан, меньшевик Б. Николаевский, долгие годы занимавшийся в эмиграции (в США) фальсификацией истории марксизма-ленинизма и истории КПСС, и другие, выброшенные за борт могучей волной революции и потому так злобно клевещущие на нее.

Для буржуазных «биографов» Ленина характерна не только использование односторонних тенденциозных источников, но и вообще весьма бесцеремонное обращение с историческими фактами, грубые натяжки и передержки, искажение исторической правды в интересах фальсификации жизни и борьбы великого революционера. Одним из примеров этого служит книга американца Л. Фишера «Жизнь Ленина», несколько раз переизданная и переведенная на французский и немецкий языки. Такая «популярность» книги в капиталистических странах объясняется главным образом тем, что она содержит весьма типичные для всей антикоммунистической литературы искажение фактов и инсинуации, касающиеся, в частности, и парижского периода жизни и деятельности Ленина. К тому же автор слыл «экспертом» по Советской России, где он когда-то пробыл в качестве журналиста 14 лет.

Остановимся лишь на одном из многих и весьма характерных образчиков фальсификации. Фишер приводит отрывок из письма Ленина Инессе Арманд, написанного в июне 1914 года: «Мне пришлось однажды... «уговаривать» товарища, покушавшегося на самоубийство (после покушения) и впоследствии, через несколько лет, кончившего-таки самоубийством» [8].

Комментирует Фишер этот отрывок следующим образом: «Упоминаемый самоубийца был Федосеев, отбывавший ссылку в той же сибирской деревне, что и Ленин» [9]. И тут же он вы-

хватывает фразу из другого письма Ленина и комментирует ее: «Нет, уже лучше не желай мне товарищей в Шушу из .интеллигентов!» — писал Ленин сестре Анне 24 января 1898 года *по поводу этого инцидента*».

В действительности же Ленин никогда лично не встречался с Н. Е. Федосеевым — одним из первых организаторов и руководителей марксистских кружков. Он высоко ценил деятельность Федосеева и, как известно, искал встречи с ним; для этого Ленин в августе 1893 года специально приезжал во Владимир, но встреча не состоялась, так как Федосеев находился в тюрьме. Федосеев отбывал ссылку не в Шушенском, а в Верхоленске. Одной из причин его трагической смерти (самоубийство) была травля со стороны политического ссыльного Юхоцкого*. Именно это имел Ленин в виду, когда писал Анне Ильиничне: «Н. Е. Ф. мне не пишет, не отвечает даже, хотя я писал ему 2 письма. Попеняй ему на это, если будешь писать. Об «истории» в Верхоленске я слыхал: отвратительный нашелся какой-то скандалист, напавший на Н. Е. Нет, уже лучше не желай мне товарищей в Шушу из интеллигентов!» [10]

Сознательное искажение мысли Ленина (путем выхватывания из контекста одной фразы) привело к тому, что эту фразу («...не желай мне товарищей...») читатели книги Фишера поймут как относящуюся к Н. Е. Федосееву, в то время как она относилась к Юхоцкому, чьим поведением был возмущен Ленин.

* Что касается самоубийства, о котором Ленив писал в вышеупомянутом письме к Инессе Арманд, то, как нам удалось установить, речь идет о И. Ф. Дубровинском.

«Образцом» фальсификации не только Деятельности, но и самой личности Ленина, его облика, служат работы одного из самых крупных на капиталистическом Западе авторитетов по Ленину и ленинизму — профессора русской истории Калифорнийского университета, ярого антикоммуниста Бертрама Вольфа. Среди его «трудов» — книга «Мост и бездна», представляющая в искаженном свете взаимоотношения Ленина и Горького, а также клеветническая статья «Ленин и Инесса Арманд» [11].

Западные антикоммунисты предпринимают попытки представить в ложном свете и отношения Ленина с представителями французского социалистического движения, изобразить его связи с пролетарской и социалистической Францией чем-то крайне ограниченным, узким, не имевшим серьезного исторического значения. Так, во французской газете «Фигаро» 21 апреля 1970 года появилась статья Анни Крижель, дезертировавшей в свое время из рядов Французской компартии и активно занимающейся фальсификацией ее истории. «Сейчас, в дни 100-летия,— писала она,— ищут следы пребывания Ленина во Франции... Но их почти нет. И это не случайно...» Крижель утверждает далее, что Ленин встречался только с одним французским социалистом — Полем Лафаргом, да и то якобы потому, что его жена Лаура была дочерью Карла Маркса.

Разоблачение подобных вымыслов, критика измышлений западных авторов об оторванности Ленина от России в период его парижской эмиграции и прочих фальсификаторских версий — одна из задач данной работы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ПАРИЖЕ

Первые впечатления

Весной 1895 года Ленин выехал за границу для установления связи с группой «Освобождение труда» и ознакомления с западноевропейским рабочим движением. В июне того же года он впервые приехал в Париж. Там состоялась его встреча с видным деятелем французского и международного рабочего движения Полем Лафаргом, зятем Карла Маркса *.

В письме к матери от 27 мая (8 июня) Владимир Ильич делился своими первыми впечатлениями: «В Париже я только еще начинаю мало-мало осматриваться: город громадный, изрядно раскинутый, так что окраины (на которых чаще бываешь) не дают представления о центре. Впечатление производит очень приятное — широкие, светлые улицы, очень часто бульвары, много зелени; публика держит себя совершенно непринужденно,— так что даже несколько удивляешься сначала, привыкнув к петербургской чинности и строгости» [1].

Глава заграничной агентуры царской охранки П. Н. Рачковский, считавшийся специалистом по борьбе с «подрывной деятельностью», получает 6 (18) июля 1895 года предписание: «По имеющимся в департаменте полиции сведениям... Ульянов занимается социал-демократической пропагандой среди петербургских рабочих кружков, и цель его поездки за границу заключается в приискании способов к водворению в империю революционной литературы и устройства сношений рабочих революционных кружков с заграничными эмигрантами. Сообщая о сем, прошу Вас учредить за деятельностью и заграничными сношениями Владимира Ульянова тщательное наблюдение» [2].

Но охранке не удалось напасть на след Ленина: он к тому времени уже уехал из Франции. Департамент полиции вносит Ленина под № 1 в список лиц, на которых падает подозрение в принадлежности к социал-демократическому обществу. Позднее начальник заграничной службы охранки в Париже генерал Гартинг, его помощник ротмистр Андреев и другие будут следить за Лениным и писать о нем в Петербург, в департамент полиции, подробнейшие реляции *.

До 1908 года Ленин неоднократно посещает Париж. 13 или 14(26 или 27) июня 1902 года

* Все даты и события, касающиеся В. И. Ленина, сверены с изданиями «В. И. Ленин. Биохрояика», т. I. М., 1970; т. 2. М., 1971; «В. И. Ленин. Биография». М., 1970, а сведения о публикации его произведений — с Полным собранием сочинений.

* Многие из документов департамента полиции хранятся сейчас в ЦГАОР СССР. Они представляют для исследователя жизни и деятельности Ленина определенный интерес.

он приезжает туда из Лондона, где печаталась тогда «Искра», и останавливается на несколько дней у Г. Д. Лейтейзена в доме № 3 по улице Эстрапад, в Латинском квартале. Этот адрес был послан Ленину из Парижа в письме, извещавшем о том, что на 27 июня 1902 года назначено его выступление[3]. Ленин читает на собрании русских политэмигрантов реферат о программе и тактике эсеров.

В это время его матери и старшей сестре удалось получить заграничные паспорта. Почти месяц они провели вместе с Лениным в Логиви (в Бретани, на Северном берегу Франции) *.

В декабре 1902 года Ленин получает приглашение от Русской высшей школы общественных наук, в Париже прочесть несколько лекций по аграрному вопросу. Эта школа была основана в 1901 году группой либерально настроенных русских интеллигентов, эмигрировавших во Францию, в том числе М. М. Ковалевским. Размещалась она в здании Высшего училища социальных наук в Латинском квартале (улица Сорбонны, 16).

Административный совет школы приглашал лекторов различных политических направлений (незадолго до Ленина в школе выступал, в частности, лидер эсеров В. Чернов), но ни за что не согласился бы предоставить кафедру создателю «Искры». Марксистски настроенные слушатели, зная об этом, предложили руководителям школы пригласить для чтения лекций «г-на Ильина, известного автора легальных книг «Развитие капитализма в России» и «Экономические этюды». Когда Ленин оказался в столице Франции, администраторы, узнав, кто он, пришли в ужас, но отменить лекции все же не решились.

Владимир Ильич прочитал четыре лекции на тему «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России» 10—13 (23—26) февраля 1903 года. Лекции прошли с огромным успехом. Сохранилась программа всех четырех лекций, написанная рукой Ленина, а также конспект первой лекции, составленный одним из слушателей и исправленный Лениным[4]. Со-

* Показательно, что, когда М. А. Ульянова и А. И. Елизарова возвращались из этой поездки в Россию, Анна Ильинична на границе подверглась обыску («Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917 гг.». М., 1969, стр. 141—142).

хранился также альбом зарисовок лекторов Русской высшей школы общественных наук в Париже, сделанных слушательницей школы А. Рыжковой. Под своим портретом Ленин расписался: «В. Ульянов».

Парижские «искровцы» воспользовались этим приездом Ленина для организации его выступления на диспуте с эсерами по вопросам аграрной политики марксистов. 18—21 февраля (3—6 марта) 1903 года Ленин читает реферат об аграрной программе эсеров и социал-демократов на собрании русских политэмигрантов, присутствует на прениях по реферату, записывает выступления Ю. М. Стеклова, В. М. Чернова, Б. Н. Кричевского, Л. Д. Троцкого. Он пишет планы и конспекты заключительного слова, а также резюме реферата и выступает с заключительным словом.

Перехваченное царской полицией письмо (автора его не удалось расшифровать) показывает, насколько обострился конфликт и разгорелись страсти. «Борьба между социалистами-революционерами и социал-демократами достигла своего апогея,— читаем мы в этом письме.— На одной стороне выступила такая сила, как Ленин, на другой — Чернов и его сторонники. Разумеется, борьба привела к резкому расколу среди молодежи, породила страшную вражду. Такой исход был неизбежен. Сегодня выступает Чернов, а социал-демократы во главе с Лениным готовятся выступить оппонентами. Ленин говорил превосходно, он буквально покоряет слушателей» [5].

В конце 1904 года Ленин читал реферат о внутрипартийном положении (об организационном и тактическом оппортунизме меньшевиков) в Париже, Цюрихе и Берне. 19 ноября (*2* декабря) он выступил на собрании русских политических эмигрантов в Париже. Перед началом своего выступления Ленин беседовал с А. В. Лупачарским о положении дел в партии. После реферата развернулись оживленные прения, которые были продолжены на следующем собрании русских политических эмигрантов, состоявшемся 21 ноября (4 декабря) 1904 года.

После закрытия 27 апреля (10 мая) 1905 года HI съезда РСДРП вместе с Н. К. Крупской, Р. С. Землячкой и М. Г. Цхакая Ленин возвращается из Лондона в Женеву. По пути, в Париже, он показал товарищам Стену коммунаров на кладбище Пер-Лашез, осмотрели они Лувр и побывали на Эйфелевой башне. Миха Цхакая описывает в своих воспоминаниях случай, который произошел с ними на границе Франции. По просьбе агентов охранки французская полиция в Булони решила в присутствии русского провокатора проверить, нет ли в их чемоданах «контрабандного табака». А в чемоданах лежали папки с протоколами III съезда. Ленин не позволил развязать эти папки и категорически заявил: «Никакого там табака нет, мы некурящие и не коммерсанты. Там только рукопись, манускрипт» [6]. Осмотр чемоданов не состоялся.

О III съезде партии и его решениях Ленин прочитал реферат 17 (30) мая 1905 года. Во время этого кратковременного пребывания в Париже проживавшие там Л. А. Фотиева и П. А. Красиков повели его на эстрадное обозрение в «Фоли-бержер». Его очень позабавил скетч «Ноги Парижа». Каждый персонаж скет-

ча был скрыт занавесом, виднелись только ноги, и нужно было угадать, кто проходит по сцене — рабочий, ламповщик, гризетка, священник, полисмен, мелкий лавочник, щеголь... Определение социальной принадлежности по ногам вызывало раскаты смеха Владимира Ильича («хохотал так заразительно, как только он один умел, и хорошо отдохнул в этот вечер»[7]).

1(14) мая 1908 года Ленин выступил в Париже на собрании социал-демократов с рефератом о характере русской революции.

5(18) ноября 1908 года образовалась так называемая 2-я парижская группа содействия РСДРП; задачи и функции ее были определены уставом, в котором указывалось, что «2-я парижская группа содействия РСДРП является организацией партийных работников, живущих в Париже и преследующих единственную цель постоянного содействия российской социал-демократии и ее центральным учреждениям как в области пропаганды и агитации идей социализма, вопросов практического рабочего движения, так и в области материального содействия партии»[8]. Группа объединяла всех большевиков-эмигрантов, в том числе членов Большевистского центра во главе с Лениным, переехавшим в Париж вскоре после ее образования*.

Ленин и Крупская переезжают из Женевы в Париж 1(14) декабря 1908 года. Они прожили во Франции три с половипой года.

* Персональный состав парижской группы большевиков см. в Приложении (документ № 1).

Париж — центр русской политической эмиграции

Ленин неоднократно подчеркивал, что Париж стал главным центром русской политической эмиграции в годы после поражения первой русской революции. Столица Франции, писал он 30 августа 1909 года,— «самый большой эмигрантский центр, где читаются постоянно публичные рефераты *всех* фракций, происходят дискуссии, ведутся разнообразные кружки, имеются 2—3 недурных русских библиотеки, имеются десятки долго действовавших в партии с.-д. организаторов и т. д.»[9].

Поражение революции 1905—1907 годов вызвало большой приток эмигрантов в Париж: это были беглецы с сибирской каторги, бывшие ссыльные, жертвы политических преследований — революционеры, сумевшие уйти от репрессий, чтобы из-за границы вести более действенную пропаганду.

Кроме политических эмигрантов в рабочих кварталах Парижа жили, по словам Ленина, сотни и тысячи российских рабочих. Это была не политическая эмиграция, а «собственно эмиграция», в частности, те, кто бежал от еврейских погромов. К революционному движению в России они отношения не имели, но Ленин считал важной задачей агитационную работу среди них[10].

В Париже, где проживала масса русских эмигрантов всех политических оттенков, имелась общая, межпартийная касса взаимопомощи. Заправляли там главным образом эсеры. Ленин — после переезда в Париж — требовал от большевиков тщательного контроля и наблю-

дения за деятельностью этой кассы, с тем чтобы помощь оказывалась и эмигрантам-большевикам.

Обедали эмигранты (в основном жившие на окраине Латинского квартала, так как там были самые дешевые квартиры) в русской столовой на улице Глясьер. Она субсидировалась фирмой чаеторговцев Высоцких, обеды были дешевые и не очень вкусные. Подавальщицами в этой столовой работали бывшие каторжанки. Здесь сходились представители всех партий: и большевики, и меньшевики, и эсеры, и анархисты, и бундовцы, часто вступавшие в горячие споры между собой.

Другим местом, где можно было встретить представителей всех партий и течений, стала русская библиотека-читальня на авеню де Гобелен (дом 63). Здесь было собрано много книг по общественно-политическим вопросам, подпольные издания, периодика. В помещении библиотеки часто устраивались собрания, в том числе и собрания большевиков.

Имелся в Париже и Рабочий клуб русских политэмигрантов. Он помещался на улице Белой королевы в маленьком ветхом домишке. Его правление состояло из представителей разных партий, но руководящую роль играли большевики. Председателем правления Рабочего клуба долгое время был большевик А. С. Гречнев-Чернов[11].

В одной из комнат Рабочего клуба помещалась «биржа труда» для эмигрантов, во главе которой стоял В. А. Антонов-Овсеенко. Он отдавал ей массу сил и времени, неустанно устраивал уже отчаявшихся безработных эмигрантов па заводы и фабрики, а тем, кто не имел профессии, доставал различную случайную работу (переноска вещей, перевозка мебели и т. д.) *.

В 1912 году в Париже открылись курсы, на которых русские эмигранты могли получить специальности электромонтера, слесаря, токаря — так называемая электротехническая школа «Рашель» (по имени умершей дочери основателя школы). Учились там в основном интеллигенты, не знавшие никакого ремесла, которым в эмиграции приходилось особенно туго. Среди учащихся этой школы (перед отъездом в Россию на нелегальную работу) был и О. А. Пятницкий[12].

Таким образом, к концу 1908 года в Париже сосредоточились общие для всех политических

* Конечно, отмечает Крупская, вспоминая о бедственном положении большинства русских политических эмигрантов в Париже, «жить на средства эмигрантской кассы, питаться в долг в *эмигрантской столовке было архиепереносно» (*Н. *К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1968, стр. 185). Но в других западноевропейских городах, где были эмигрантские колонии, даже этой мизерной помощи подчас не было.

Известный интерес представляют данные, которые выяснились в начале декабря 1908 года во время работы Базельского съезда 24 меньшевистских групп — фракционного съезда меньшевиков, как назвал его Ленин (ПСС, т. 19, стр. 232—233). Там отмечалось, что количество русских политических эмигрантов в Западной Европе доходило в то время до 3 тысяч, из них $^{2}/_{3}$ были рабочие. Большинство эмигрантов (до 95%) кочевали из города в город, получая поддержку от иностранных социалистических партий и от эмигрантских касс. Приисканием же работы для эмигрантов почти никто не занимался («Протоколы Базельского съезда заграничных групп РСДРП». Издание Центрального бюро заграничных групп РСДРП. Париж, 1909, стр. 26—28).

эмигрантов учреждения: касса взаимопомощи русская столовая, «биржа труда», библиотека-читальня, Рабочий клуб и т. д. Там проживало большинство (по сравнению с другими городами Западной Европы) политических эмигрантов всех направлений. Все это говорило за то, что Париж сделался центром эмигрантской жизни. Неслучайно именно туда переезжают из Женевы меньшевики со своей газетой «Голос Социал-Демократа», которую они начали выпускать в Женеве в феврале 1908 года. Переезд этот был задуман еще летом того же года. что явствует из письма организационного комитета газеты «Голос Социал-Демократа» на имя П. Б. Аксельрода от 15 (28) июля 1908 года, в котором, в частности, говорится: «Дейч сообщил нам, что с осени большая часть редакции «Голос Социал-Демократа» переезжает в Париж» [13].

«Меньшевики, эсеры перебрались уже в Париж» [14],—пишет Крупская, называя это как одну из причин переезда и Большевистского центра в Париж. В рукописи воспоминаний Крупской эта мысль развита следующим образом: «Все партии (эсеры, меньшевики) стали перекочевывать в Париж: после России жить в маленьком городишке, где отсутствовала всякая политическая жизнь, где зимой жилось как-то одиноко, в эти годы второй эмиграции было почти непереносно». Крупская имела в виду то, что они уже жили в Женеве во время первой эмиграции (до революции 1905 года). Она пишет: «Мы по старой привычке еще как-то терпели, Владимир Ильич выдерживал характер, но приезжавшие из России большевики также тянулись больше в Париж, там стала пасти и крепнуть большевистская группа и мало-помалу становилось ясно, что придется редакции... перебираться в Париж» [15].

Уговаривая Ленина переехать в Париж, Лядов и Житомирский, специально приехавшие из Парижа в Женеву, приводили следующие доводы: 1) можно будет принимать участие во французском движении; *2)* Париж — большой город. Там более благоприятные конспиративные условия, чем в Женеве, меньше слежки. «Последний аргумент,— отмечает Крупская,— убедил Ильича» [16]. Серьезным аргументом в пользу Парижа была в глазах Ленина также возможность принять участие в рабочем движении Франции — страны, столь богатой (в отличие от Швейцарии) своими революционными традициями *.

Решение о переезде ускорило и изменение условий в Женеве...

Как известно, Ленин вынужден был в начале 1908 года эмигрировать в связи с тем, что ему угрожал арест. После переворота 3 июня 1907 года в России наступила жесточайшая политическая реакция, связанная с именем пред-

* Париж действительно был очень большим городом: по данным переписи 5 марта 1911 года, там было 2 846 986 жителей. Но к сожалению, как мы знаем, надежды на более благоприятные конспиративные условия но оправдались. За деятельностью Ленина, Большевистского центра в Париже следили опытные провокаторы, в том числе тот самый Я. Л. Житомирский, который убеждал Ленина переехать в Париж. Доктор Житомирский старался войти в доверие разными способами, в там числе объявлением в эмигрантской газете «Парижский вестник» о том, что он содержит «Медицинское информационное бюро для русских политических эмигрантов» («Парижский вестник», 1911, № 15).

седателя Совета министров Столыпина — «дикого помещика», как его называл Ленин.

Тысячи рабочих и крестьян были замучены, расстреляны, повешены. Главный удар самодержавие направило против авангарда рабочего класса — его марксистской партии.

Несмотря на жестокие преследования, социал-демократические организации на местах использовали любые легальные и нелегальные возможности для укрепления связей с массами. Постоянно рискуя быть арестованными, большевики боролись за восстановление разгромленных комитетов и групп. Всей деятельностью партийных организаций в условиях реакции фактически руководил Большевистский центр (расширенная редакция газеты «Пролетарий») во главе с Лениным, избранный на совещании большевиков — делегатов V съезда РСДРП в 1907 году для обеспечения последовательного проведения революционной линии в духе решений V съезда РСДРП, для партийной работы и для руководства деятельностью большевиков. В состав Большевистского центра вошли В. И. Ленин, А. А. Богданов, И. П. Гольдеиберг, И. Ф. Дубровинский, Л. Б. Красин, В. П. Ногин, М. Н. Покровский, И. А. Теодорович, В. К. Таратута, Г. Д. Линдов, Н. А. Рожков и др.[17]

В 1907 году конспиративные квартиры Ленина находились в Финляндии (Куоккала, Стирсуддеп, Огльбю). В связи с наступлением реакции в России начались аресты русских революционеров и в Финляндии. 18 июня 1907 года особый отдел петербургского губернского жандармского управления предложил начальнику столичной охранки сообщить все имеющиеся данные о Владимире Ильиче Ульянове (Ленине) и возбудить вопрос о выдаче его из Финляндии.

На заседании Большевистского центра было вынесено решение, о перенесении издания газеты «Пролетарий» за границу. Об этом роиюнии Ленин информирует А. В. Луначарского, работавшего вместо с ним в редакциях большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий»: «После разгрома Финляндии ничего не осталось, как перенести «Пролетарий» за границу. Так коллегия и решила»[18].

7 января 1908 года Ленин приехал в Женеву, куда вскоре прибыли и другие члены Большевистского центра. В 1908 году Большевистский центр находится в Женеве.

13 (26) февраля 1908 года выходит в свет очередной, 21-й номер нелегальной газеты «Пролетарий». Ушедшая в глубокое подполье, партия была жива! И партия жадно внимала голосу своего вождя. «Мы умели долгие годы работать перед революцией,— писал Ленин в этом номере «Пролетария».— Нас недаром прозвали твердокаменными. Социал-демократы сложили пролетарскую партию, которая не падает духом от неудачи первого военного натиска, не потеряет головы, не увлечется авантюрами. Эта партия идет к социализму, не связывая себя и своей судьбы с исходом того или иного периода буржуазных революций. Именно поэтому она свободна и от слабых сторон буржуазных революций. И эта пролетарская партия идет к победе»[19].

Организация газеты потребовала от Ленина много энергии и сил. Выпускающим в редакции был И. Ф. Дубровинский, а через некото-

рое время в работу включился Н. А. Семашко. Вскоре удалось наладить и свою типографию. Однако Женева уже не представляла такого центра эмигрантской жизни, как в первую эмиграцию Ленина. «После Питера все тосковали в этой маленькой тихой мещанской заводи — Женеве. Хотелось перебраться в крупный центр...»—вспоминает Крупская. Это же настроение звучит в письме Марии Ильиничны, которое она посылает в конце октября матери в Россию *: «...в Женеве очень скучно, и я повела усиленную агитацию за Париж. Публика очень не прочь, и, по-видимому, решат переехать. Тогда и я переберусь» [20].

Город был наводнен агентами царской охранки, по требованию которой швейцарская полиция чинила препятствия в прописке русским революционерам. Неприятности с женевской полицией, по-видимому, были и у Ленина в связи с отсутствием некоторых документов. «Насчет моего Acte de mariage * беседовал вчера с директором департамента полиции» [21],— сообщает он М. И. Ульяновой 14 февраля 1908 года и просит сестру достать копию этого документа из Красноярска.

Домовладельцы отказывались сдавать русским квартиры. Это было связано, в частности, с «делом Семашко», который в конце января 1908 года был арестован швейцарской полицией и заключен в тюрьму. Он обвинялся в участии в экспроприации, которая была совершена в июле 1907 года в Тифлисе. Руководил этой экспроприацией известный большевик Камо (Тер-Петросян) , Семашко не имел к ней никакого отношения. Царское правительство придралось к письму, направленному в адрес Н. А. Семашко от одной из арестованных по этому делу. Однако энергичное вмешательство Ленина вызволило Семашко из тюрьмы. После этого отношение к русским политическим эмигрантам еще более ухудшилось. Наборщик газеты «Пролетарий» И. М. Владимиров вспоминает: «Нас притесняли на каждом шагу... Мещанская Женева обнаглела. Русскому эмигранту почти не было возможности найти ком-

М. И Ульянова приехала к Владимиру Ильичу в Женеву в октябре 1908 года. Ходила на занятия в Женевский университет, собиралась поступать яа курсы языков в Сорбонне (Париж), чтобы получить звание учительницы французского языка.

* Свидетельство о браке (франц.).

нату. На некоторых домах были такого род,, наклейки: «Отдается в паем только — без собак, без кошек, без русских» [22].

Итак, все говорило в пользу переезда в Париж, однако Ленин не сразу на него решился По свидетельству Крупской, он колебался: в Женеве жизнь была дешевле, чем в Париже Кроме того, там «лучше заниматься»,— говорил он. Его удерживали прекрасные женевские библиотеки, особенно Общество любителей чтения. «Вынужденный покинуть Женеву и поселиться в Париже,— пишет он в день отъезда из Женевы 14 декабря 1908 года председателю комитета Общества,— имею честь известить Вас... что я выхожу из общества. Разрешите мне... поблагодарить в Вашем лице Общество любителей чтения, которое оказало мне сюлько услуг благодаря своей великолепной организации и работе» [23].

«В Париже,— пишет Крупская,— пришлось провести самые тяжелые годы эмиграции. О них Ильич всегда вспоминал с тяжелым чувством. Не раз говорил он потом: «И какой черт понес нас в Париж!» Не черт,— комментирует она эти горькие ленинские слова,— а потребность развернуть борьбу за марксизм, за ленинизм, за партию в центре эмигрантской жизни. Таким центром в годы реакции был Париж» [24].

«Мой адрес теперь: Париж»

Перед самым отъездом Ленина из Женевы в Париж едет М. И. Ульянова. Она временно останавливается в отеле на бульваре Сен-Мар-

27*. Этот адрес Ленин сообщает Камиллу Гюисмансу, секретарю Международного социалистического бюро, накануне своего отъезда из Женевы: «Завтра я уезжаю в Париж.— пишет Ленин 13 декабря 1908 года,—где отныне обосную́сь... Через 3—4 дня Вы получите мой адрес. Если Вам нужно будет срочно сообщить мне что-нибудь, пишите но адресу: M-lle Oulianoff (pour N. Lenine), 27, Boulevard [St.-Marcel]. Paris. Ваш *Ленин*» [25].

Переехав из отеля на улицу Бонье в дом 24, он вскоре пишет Гюисмансу: «Вся наша организация находится в настоящее время (наконец-то!) в Париже... Мой адрес теперь: Mr. Wl. Oulianoff. 24 Rue Beaunior, 24. Paris (XIV)» [2b].

19 декабря 1908 года Владимир Ильич сообщает в Москву сестре — А. И. Ульяновой-Елизаровой, что из отеля они переехали на хорошую квартиру, где с ними поселились мать Надежды Константиновны, Елизавета Васильевна, и Мария Ильинична. «...840 frs f налог около 60 frs да + консьержке тоже около того в год. По-московски это дешево (4 комнаты + кухня + чуланы, вода, газ), по-здешнему дорого... Квартира на самом почти краю Парижа, на юге, около парка Montsouris. Тихо, как в провинции. От центра очень далеко, по скоро в 2-х шагах

* По сведениям, которые удалось уточить французскому писателю Жану Фревидю в архиве департамента Сена, это был шестиэтажный дом. В нижнем этаже были три лавки, на остальных этажах — меблированные комнаты. Отель не имел названия. В настоящее время на месте, где помещались дома по бульвару Сен-Марсель, начиная с № 21 и кончая № 35 (все они снесены), помещаются здания Института палеонтологии и клиники для полицейских.

от нас проводят metro — подземную электричку, да пути сообщения вообще имеются. Парижем пока довольны»[27].

Но эта «шикарная», по выражению Крупской, квартира, большая, с зеркалами над камином, мало соответствовала их жизненному укладу и привезенной из Женевы мебели. «Надо было видеть,— вспоминает Крупская,— с каким презрением глядела консьержка на наши белые столы, простые стулья и табуретки. В нашей «приемной» стояла лишь пара стульев да маленький столик, было неуютно до крайности»[28]. Кроме того, там было очень холодно.

В июле 1909 года Ленин поселился в доме № 4 на улице Мари-Роз. Здесь он жил по июнь 1912 года *. Это был новый дом с центральным отоплением. Квартира расположена на третьем этаже с левой стороны лестничной площадки. Она вытянута в длину и состоит из коридора, трех комнат (средняя из которых не имеет окон) и кухни. Комната со стороны улицы служила Ленину рабочим кабинетом. В средней, которая отделена от нее стеклянной дверью, стояли две простые кровати: для Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Наконец, лучшая комната, находящаяся в глубине квартиры, была предоставлена матери И. К. Крупской, Елизавете Васильевне.

* В настоящее время квартира в доме № 4 по улице Мари-Роз превращена в музей, который оборудован Французской коммунистической партией в сотрудничестве с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Музей был открыт 27 апреля 1965 года. Еще раньше, 22 апреля 1945 года, на доме была установлена мемориальная доска с надписью: «Ленин (22 апреля 1870 г.—21 января 1924 г.) жил в этом доме с июля 1909 по июнь 1912 г.».

Недалеко от квартиры находился парк Монсури ставший излюбленным местом отдыха Владимира Ильича.

Горький, побывавший у Ленина в 1911 году, назвал эту квартирку «студенческой». «...Студенческой,— пишет Горький,— она была только по размерам, но пе по чистоте и строгому порядку в ней». В своих воспоминаниях Горький живописует облик Ленина: «Коренастый, плотный с черепом Сократа и всевидящими глазами он нередко... закинет голову назад и, наклонив ее к плечу, сунет пальцы рук куда-то под мышки, за жилет. В этой позе было что-то удивительно милое и смешное, что-то победоносно петушиное, и весь он в такую минуту светился радостью, великое дитя окаянного мира сего, прекрасный человек, которому нужно было принести себя в жертву вражды и ненависти ради осуществления дела любви»[29].

Воспоминания родных дают представление об условиях жизни Ленина в Париже, жизни, полной лишений и трудностей. Приведем отрывок из воспоминаний А. И. Ульяновой-Елизаровой.

«Осенью 1911 года, в октябре — ноябре,— пишет она,— мне удалось побывать за границей, и я провела недели две в Париже, у Владимира Ильича. Нашла, что он живет плохо в материальном отношении, питается недостаточно и, кроме того, сильно обносился. Я стала убеждать его пойти со мною на следующее утро в магазин, чтобы купить необходимое ему зимнее пальто... При покупке Владимир Ильич отказывался от всего более дорогого и только убеждения приказчика, что одно пальто яв-

ляется «inuisable» («неизносимым»), заставили его остановиться на нем. Но тужурку, которую я считала тоже необходимой ему, он ро шительно отказался покупать... Выяснив условия посылок съестного из России за границу, я посылала ему в Париж мясное (ветчину, колбасы). По поводу домашней запеченной ветчины он выразился в одном несохранившемся письме, что это «превосходная снедь», из чего можно было заключить о разнице между этим мясом и тем, которым ему приходилось питаться в Париже» [30].

По признанию Надежды Константиновны, им приходилось рассчитывать каждую копейку, экономить деньги на трамвай, на еду и т. д. Но несмотря на это, Владимир Ильич всегда, чем мог, помогал нуждающимся товарищам. «В эмиграции,— вспоминает Н. А. Семашко,— громад ному большинству жилось очень тяжело: ложишься спать и не знаешь, что будешь естт, завтра. У нас была касса взаимопомощи. Владимир Ильич всячески помогал ей. Бывало, обратятся к нему выступить с платным докладом в пользу нуждающихся товарищей. Измученный сверхчеловеческой работой: и редактированием газеты, и писанием статей, и выступлениями на собраниях, и перепиской с Россией,— Владимир Ильич никогда не отказывался и выступал с обширными, хорошо разработанными докладами перед большой аудиторией. Если он замечал, что кого-то из товарищей заела нужда, он сейчас же спешил на помощь, подыскивал работу,— так было и со мной не раз» [31].

О чуткости Ленина к нуждам товарищей, о его помощи больным рассказывают в своих воспоминаниях все, кому пришлось жить и работать в Париже в те тяжелые годы.

Дружная, сердечная атмосфера в семье Ле---а притягивала к себе всех товарищей; они находили здесь и совет, и ласку, и скромное угощение. Об отношении Ленина к Крупской замечательно сказал в свое время Анри Барбюс, «Любовь к спутнице его жизни, чувство, которое Ленин испытывал неизменно,— бесспорно, редкое явление в биографиях «великих людей»,— писал он в предисловии к сборнику «Переписка Ленина с родными».— Какой это пример прекрасного, почти совершенного союза мужчины с женщиной! Два существа не только любящие друг друга, но и борющиеся рядом пусть разным орудием, но одинаково страстно, отдавали весь свой разум и сердце во имя осуществления общего великого идеала» [32].

В тяжелые годы эмиграции Ленин сохранял присущие ему жизнерадостность и оптимизм. Не только все близкие ему люди, но и идейные враги отмечали эти ленинские качества.

Прогулки были любимым видом отдыха Ленина. Часто ездил он на велосипеде вместе с Крупской в леса и парки под Парижем; любил наблюдать за полетами первых аэропланов, для чего специально ездил в Жювизи — городок под Парижем, где находился аэродром. Раз он чуть не пострадал: какой-то виконт налетел на него на своем автомобиле. Владимир Ильич успел соскочить, но велосипед был изломан [33].

Любил бывать Ленин в театрах па окраинах Парижа, где среди зрителей преобладали рабочие. Правились ему выступления Монтегюса — популярного шансонье. Но отдыхать Владимиру Ильичу в те годы удавалось редко.

Вскоре после приезда в Париж, 12 января 1909 года, Ленин отправился в Национальную библиотеку, где имелись значительные фонды русской революционной литературы. К письму главному администратору библиотеки Ленин прилагает рекомендательное письмо Л. Роблена, депутата от департамента Ньевр от 11 января 1909 года. Письмо Ленина до сих пор хранится в архивах Национальной библиотеки. На нем стоит пометка: «13 января — 30 июня» (на этот срок ему был выдан читательский билет)[34].

Национальная библиотека была очень далеко от квартиры Ленина, и он ездил туда на велосипеде через весь город. Это его очень утомляло. К тому же библиотека была недостаточно приспособлена для обслуживания читателей. По разным причинам приходилось подолгу ожидать нужную книгу. С сожалением вспоминал Ленин об удобствах женевского Общества любителей чтения.

Дело в том, что задача Национальной библиотеки в то время заключалась главным образом в хранении фондов, а не в предоставлении их читателям, что было возложено на муниципальные библиотеки. К тому же она закрывалась на обед с 12 до 14 часов. Получалось так, что Ленин вставал в 8 часов утра, ехал в Национальную библиотеку к открытию (к 9 часам), а работать мог только три часа. После обеда возвращаться уже не стоило, так как выдача книг прекращалась в 3 часа дня, а в 4 часа библиотека вообще закрывалась. Ленин пробовал работать в других библиотеках Парижа (Арсенал, Сент-Женевьев, Сорбоннская, библиотека Социального музея на улице Лас Казес), но ни одна его не удовлетворила. Пришлось вернуться в Национальную библиотеку.

Газета «Пролетарий»

Тотчас по приезде в Париж Ленин занялся подыскиванием помещения для типографии газеты «Пролетарий». Как известно, эта нелегальная большевистская газета выходила с 21 августа (3 сентября) 1906 года по 28 ноября (11 декабря) 1909 года под редакцией Ленина и фактически была центральным органом большевиков. «Пролетарий» сыграл огромную роль в сплочении партийных рядов РСДРП.

Он был связан почти со всеми местными организациями.

Как только издание «Пролетария» было перенесено из Женевы в Париж, Крупская спешит уведомить об этом адресатов. Одним из первых, кому она сообщила новый адрес (в Копенгаген), был большевик М. В. Кобецкий, через которого шла интенсивная конспиративная переписка с Россией, а также пересылка туда нелегальных газет[35].

Для типографии первоначально нашли заброшенное помещение лавки в доме № 8 по улице Антуана Шантэна в XIV округе Парижа. Правда, помещение было не совсем удобное (там не было ни газа, ни электричества, по вечерам приходилось работать при свете керосиновых ламп или даже при свечах), зато оно сдавалось вместе с двумя комнатушками на верхнем этаже, которые могли быть использованы для размещения редакции.

Позднее нашли более удобное помещение. Типография переехала в небольшой кирпичный домик во дворе дома № НО по авеню д'Орлеан (ныне авеню генерала Леклерка). Внизу было установлено типографское оборудование, этажом выше разместилась редакция; здесь же происходили заседания Центрального Комитета РСДРП. Дом стоял в глубине двора, скрытый от любопытных глаз высокими деревьями. Пройти туда можно было через задние ворота дома 110. Здание это существует и поныне.

Ленину новое помещение типографии очень понравилось. Оно находилось недалеко от его квартиры. Владимир Ильич приходил сюда каждый день.

Семашко вспоминает: «Печатное слово, благодаря стараниям прежде всего Надежды Константиновны, долетало туда, где были сосредоточены все наши помыслы — к работающим в российских каторжных условиях товарищам. Поэтому на печатное слово Владимир Ильич обращал исключительное внимание...

Иннокентий (Дубровинский) часто подшучивал над Владимиром Ильичем, что он лучше напишет сам целый номер газеты, чем привлечет сотрудника. Это неверно. Владимир Ильич, правда, писал сам добрую половину номера, но, не говоря уже о других членах редакции... всегда старался... привлечь и других сотрудников»[36].

Ленин интересовался всеми деталями дела:

сокращал заголовки, «ужимал» информационные материалы, правил гранки. Подобно печатникам он работал стоя, часто завтракал вместо с ними, когда приходило время. Свои статьи он приносил в типографию сам, за исключением тех случаев, когда его не было в Париже.

В некоторых номерах «Пролетария» публиковалось по нескольку статей, резолюций, выступлений Ленина. Так, в № 46 от 11 (24) июля 1909 года были опубликованы следующие важнейшие документы, написанные Лениным: передовая статья «Поездка царя в Европу и некоторых депутатов черносотенной Думы в Англию», статья «Ликвидация ликвидаторства» послесловие от редакции «По поводу письма М. Лядова в редакцию «Пролетария»». В приложении к этому номеру опубликовано написанное Лениным «Извещение о совещании расширенной редакции «Пролетария»» вместе с резолюциями совещания.

В своих статьях Ленин дает глубокий «налип и оценку опыта революции 1905 — 1907 годов. пишет о дальнейших перспективах развития революционного движения в России, разрабатывает новую тактику партии — тактику сочетания нелегальной и легальной деятельности под руководством нелегальной партийной организации, выступает и против ликвидаторства справа, и против ликвидаторства «слева» (отзовизма).

Против ликвидаторов справа и «слева»

О перспективах революции в России Ленин подробно пишет И. И. Скворцову-Степанову; в ответ на его ошибочное утверждение о том, что пора «ликвидировать веру во второе пришествие общедемократического натиска», Владимир Ильич резко замечает: «...такой взгляд теоретически неверен». Он характеризует положение в партии, указывает на неизбежность нового общедемократического натиска на царизм, разбирает в связи с этим вопрос о путях русской революции и роли крестьянства в ней.

В другом очень подробном письме от 16 декабря 1909 года Ленин теоретически разбирает вопрос о борьбе двух путей капиталистического аграрного развития России на данном этапе: «...историческая борьба *этих видов* еще не кончена». Особенно важно следующее утверждение Ленина: «Особенность русского оппортунизма в марксизме, т. е. меньшевизма в наше время, состоит в том, что он связан с доктринерским упрощением, опошлением, извращением буквы марксизма, изменой духу его...»[37]

Меньшевизм — «русский оппортунизм в марксизме» — изменил революции. В то время как большевики уже начали собирать силы для новых революционных битв, «мелкобуржуазные

их газетой «Голос Социал-Демократа», издававшейся сначала в Женеве, а потом в Париже (их называли «голосовцы»).

Ликвидаторы выступали против всех организаций и учреждений партии. «Организационно ликвидаторство,— писал Ленин,— есть отрицание необходимости нелегальной социал-демократической партии и связанное с этим отречение от РСДРП, выход из нее, борьба против нее на страницах легальной печати, в легальных рабочих организациях...» [39]

Ленин со всей резкостью поставил вопрос: либо партия уничтожит ликвидаторство, либо ликвидаторство уничтожит партию.

Борьба с ликвидаторами осложнялась тем, что в рядах самой большевистской фракции РСДРП появились «ликвидаторы наизнанку» — так называемые «отзовисты», которые впали в другую крайность. Они потребовали отзыва социал-демократической фракции из Думы и ухода из всех легальных организаций (отсюда и термин «отзовизм»). Требуя от партии замкнуться в нелегальных организациях, отзовисты лишали ее легального прикрытия, что в тех условиях фактически вело к ликвидации партии.

Это направление «незрелых элементов большевизма», как называл их Ленин, возглавляла небольшая, отошедшая от марксизма группа: А. А. Богданов, Г. А. Алексинский, А. В. Соколов (С. Вольский), консолидировавшаяся в 1909 году в группу «Вперед» (после этого их стали называть «впередовцы»).

К этому течению примыкали А. В. Луначарский, М. Н. Лядов, М. Н. Покровский, В. Л. Шанцер (Марат), Л. Б. Красин, Д. 3. Мануильский, g р. Менжинский и некоторые другие, осознавшие впоследствии —- под влиянием критики Ленина — свои ошибки и вернувшиеся на правильные позиции *.

Поворотным пунктом в жизни партии явилась, по определению Ленина, V (Общероссийская) конференция РСДРП. Она проходила в Париже с 21 по 27 декабря 1908 года (3—9

* Ленин прилагал усилия к тому, чтобы переубедить заблуждавшихся товарищей, помочь им вернуться на партийные позиции. Так, в июле 1909 года на страницах «Пролетария» он высказал уверенность, что «т. Лядов, много лет поработавший в рядах революционной социал-демократии, но так долго останется в новой фракции богостроителей-отзовистов...» и вернется в партию большевиков (ПСС, т. 19, стр. 58).

Много сил приложил Ленин, чтобы сохранить для партии такого даровитого работника, как Луначарский. Горький вспоминал, как Ленин говорил ему: «Луначарский вернется в партию... На редкость богато одаренная натура. Я к нему «питаю слабость»... Я его, знаете, люблю, отличный товарищ! Есть в нем какой-то французский блеск. Легкомыслие у него тоже, французское...» («Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2. М., 1969, стр. 250).

Для Ленина было очень характерно понимание и великодушие по отношению к бывшим противникам, нашедшим потом дорогу к партии. Впоследствии, в декабре 1918 года, он сказал о некоторых деятелях, признавших необходимость Октябрьской революции и тяготевших к большевикам: «...когда есть люди, которые увидели свою ошибку, тогда надо принять их, отнестись к ним снисходительно» (ПСС, т. 37, стр. 381).

Бывшие члены группы «Вперед», осознавшие свои ошибки, заняли после Октябрьской революции высокие посты: Луначарский стал наркомом просвещения, Покровский — его заместителем, Менжинский — наркомом финансов, Красин — наркомом внешней торговли, а затем послом во Франции.

января 1909 года) в доме № 99 по улице Алезиа (здесь был снят зал в заведении Пиньярра, обычно использовавшийся для банкетов и свадеб).

Конференция предложила ЦК «продолжать охранение целости и единства партии», вести «самую решительную идейную и организационную борьбу с ликвидаторскими попытками»[40]. Центральным вопросом конференции был доклад Ленина «О современном моменте и задачах партии». Доклад не сохранился, но основные положения его были позже изложены и развиты Лениным в статье «На дорогу». В докладе давалась характеристика итогов первой буржуазно-демократической революции в России, вскрывались перспективы новой революции *.

Декабрьская конференция нацелила партию на преодоление идейно-политического и организационного кризиса, знаменовала собой, как указывал Ленин, поворотный пункт в развитии рабочего движения после победы контрреволюции[41].

На Пленуме ТЦ? РСДРП, состоявшемся 27 — 29 декабря 1908 года (9—11 января 1909 года), где были утверждены резолюции V (Общероссийской) конференции РСДРП, была выбрана новая редакция Центрального органа РСДРП — газеты «Социал-Демократ»: Ленин, Зиновьев, Каменев, Мартов, Мархлевский[42].

Пагубность ликвидаторства становится очевидной не только для большевиков, но и для многих сторонников меньшевизма. В необходимости сохранения нелегальной партии все больше убеждается Плеханов. Вскоре после V конференции РСДРП он вышел из редакции «Голоса Социал-Демократа», возобновил выпуск своего «Дневника социал-демократа» и повел энергичную борьбу против «легалистов», за сохранение и укрепление нелегальной партии (его сторонников поэтому называют меньшевиками-партийцами).

Указывая, что объективные условия диктуют необходимость сближения всех партийцев, Ленин выступает за создание единого фронта, за блок с меньшевиками-партийцами[43]. Главную заслугу Плеханова Ленин видел в критике Потресова, Аксельрода, Мартова, Дана, Мартынова и других ликвидаторов[44].

После V конференции Ленин имел длительную беседу с А. М. Буйко, представителем петербургской организации РСДРП. «Я рассказывал подробно Ильичу о ликвидаторах слева, как мы тогда называли отзовистов, о всей их работе в Питере, а также о меньшевиках-ликвидаторах, — вспоминает Буйко. — Владимир Ильич интересовался и теми и другими, рас-

* Необходимо отметить, что западные «советологи» в «трудах», посвященных биографии Ленина и истории нашей партии, как правило, изображают в извращенном виде историю борьбы большевиков с ликвидаторами и отзовистами, представляют ее как борьбу Ленина за установление своего личного влияния, «личной диктатуры» в российской социал-демократии (например, J. Reshetar. A concise history of the Communist party of the Soviet Union. N. Y., 1960, p. 79, 81).

О том, что вся эта внутрипартийная борьба в РСЦРП не имела якобы принципиальной почвы, а являлась лишь результатом «личных трений» (л ча отнести, между Лениным и лидерами меньшевизма). говорится и в книге, посвященной Ю. Мартову, вышедшей на русском языке в Нью-Йорке («Мартов и его близкие». Нью-Йорк, 1959, стр. 95).

спрашивал детали, как они расставляют силы, насколько они связаны с... заводами и фабриками, что говорят о них рабочие...»[45] Ленин подробно говорил Буйко о задачах пропагандистской и организаторской работы в Петербурге, советовал быть ближе к рабочим.

Каждый, кто бывал у Ленина, а потом уезжал в Россию, как правило, вез с собой его конкретные указания, поручения, советы тем местным организациям, от которых был послан.

Книга «Материализм и эмпириокритицизм»

Борьба за революционный марксизм выдвинулась в годы реакции на первый план. Задача беспощадной критики извратителей марксистского философского мировоззрения выпала на долю Ленина. В гениальном произведении «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин не только защитил от ревизионистов, но и развил теоретические основы большевистской партии. Обобщив идейно-теоретическую борьбу российского и международного пролетариата и новейшие данные естествознания, Ленин поднял диалектический и исторический материализм на новую ступень. Труд Ленина способствовал идейному сплочению партии.

«...Политическая линия марксизма...— писал Владимир Ильич,—неразрывно связана с его философскими основами»[46].

Б. А. Бреслав — член парижской группы большевиков — рассказывает в своих воспоминаниях об одном интересном разговоре с Лениным: в начале 1909 года он сказал Владимиру Ильичу, что, как ему кажется, тяжелые условия, в которых оказалась партия, требуют полного прекращения борьбы на философском фронте. «Не до жиру, быть бы живу» — так сформулировал он тогда свою мысль. Ленин начал с ответа именно на это выражение Бреслава. Дело заключается вовсе не в том, чтобы просто физически выжить, объяснял Владимир Ильич. У пролетариата и его партии есть могучее оружие — революционный марксизм. Именно с ним, и только с ним могут прийти они к победе[47].

Книга «Материализм и эмпириокритицизм» была написана Лениным за восемь месяцев, в феврале — сентябре 1908 года. Срок очень короткий для такого серьезнейшего философского труда, особенно если учесть, что за это же время Владимир Ильич написал много статей и был занят огромной работой по изданию газеты «Пролетарий».

Эта книга — результат громадной творческой научно-исследовательской работы. Помимо всех книжек и статей, написанных русскими махистами (последователями субъективного идеалиста Э. Маха, одного из основателей эмпириокритицизма), Ленин изучил множество источников по философии и естествознанию (особенно по физике), вновь перечитал философские произведения Маркса и Энгельса. Всего в «Материализме и эмпириокритицизме» использовано более 200 книг и статей различных авторов. Многие из них. изучал Ленин в залах Британского музея, куда специально приезжал из Женевы в 1908 году для работы над книгой. В библиотеке Британского музея хранится как

реликвий сборник «За 12 лет» *, подаренный Лениным библиотеке в 1908 году[48].

27 октября 1908 года Ленин пишет из Женевы в Москву Анне Ильиничне: «Она готова. Вышло 24 печатных листа (в 40 000 букв),— т. е. около 400 страниц»[49]. Впоследствии Ленин посылает уже из Парижа несколько добавлений к рукописи.

После долгих поисков договор на печатание книги «Материализм и эмпириокритицизм» удалось заключить с издательством Л. Крумбюгеля. Направил Анну Ильиничну туда И. И. Сквор цов-Стеианов, принявший активное участие в выпуске ленинской книги в свет. Издательство называлось «Звено» и находилось в Москве по адресу Большая Никитская улица, дом 20.

Все письма Ленина из Парижа родным в этот период — а их сохранилось 17—наполнены тревогой за книгу, страстным ожиданием ее. К ней прикованы все его мысли.

«Всего важнее мне скорый выход книги. Затяжка получилась очень уже большая. Хоть бы к 15 марта по старому стилю выпустить ее, а то просто беда!» —пишет он 9 марта 1909 года; «Об одном и только об одном я теперь мечтаю и прошу: об *ускорении* выпуска книги... ускорять, ускорять во что бы то ни стало, ибо промедление вышло чертовское, невозможное»; «Изнервничался я в ожидании этой тягучей книги»,— жалуется он; «А между тем мне *дъявольски* важно, чтобы книга вышла скорее. у меня связаны с ее выходом не только литературные, но и серьезные политические обязательства»[50]. (Ленин имеет в виду совещание расширенной редакции «Пролетария», где предстояло дать бой Богданову и его сторонникам.)

«Сегодня получил письмо от 18.IV, что книга моя готова,—пишет Ленин Дубровинскому.— Наконец-то! Ее замедление больше всего меня изнервило. К 25—26.IV старого стиля обещают доставить ее сюда»[51].

18 мая 1909 года Ленин сообщает Розе Люксембург, что послал ей заказной бандеролью экземпляр своей книги на память о беседе «по поводу Маха», и просит включить книгу в список новой литературы, печатавшийся в «Neue Zeit». Сообщение о выходе книги появилось в этом журнале 8 октября 1909 года[52].

Реакционные буржуазные философы, меньшевики-ликвидаторы, махисты встретили произведение Ленина, как и следовало ожидать, очень враждебно.

Среди эмигрантов социал-демократов вокруг книги велись бурные дискуссии. Об одном из таких собраний рассказывает Г. С. Соколов. По его свидетельству, оно состоялось в Париже в начале января 1910 года: «Докладчиком на диспуте выступил А. А. Богданов. Он подробно остановился на основных положениях созданной им философии... После Богданова со страстной отповедью ему... выступил В. И. Ленин. Он излагал основные идеи, сформулированные им в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Меня поразила сила логики и убедительность аргументации Владимира Ильича...

* «За 12 лет» — предполагаемое трехтомное издание произведений В. И. Ленива. Первый том вышел из печати и середине ноября 1907 года в Петербурге. В том вошли основные статьи и брошюры, написанные в 1895—1905 годах.

В заключение Владимир Ильич дал резкую опенку эмпириокритицизма, показав его реакционность и указав, что в борьбе философских направлений нельзя не видеть выражения идеологии враждебных классов... Почти полвека прошло после этой встречи с Лениным, но и сейчас мне ясно вспоминается его колоссальная эрудиция и убежденность...» [53]

На партийные кадры книга Ленина произвела очень глубокое впечатление. Она положила начало широкому продвижению в партийные массы философских идей марксизма. «...Я был увлечен его работой «Материализм и эмпириокритицизм», которая, по моему мнению, равняется по своему значению «Анти-Дюрингу»...»[54]— вспоминает В. В. Адоратский. Через месяц после выхода в свет книги, в июне 1909 года, В. В. Боровский в газете «Одесское обозрение» писал, что «один из виднейших теоретиков русского марксизма, Ленин, выступил против махизма с подробной работой «Материализм и эмпириокритицизм», в которой подвергает самой бичующей критике учение, являющееся реакционным...». Критика эта, пишет далее Боровский, «представляет особую ценность для России, где целая серия господ Богдановых, Базаровых, Юшкевичей, Берманов и комп., ушедших от исторического материализма, вносит хаос в умы читателей» [55].

Книга Ленина помогла партийному активу и передовым рабочим овладеть диалектическим и историческим материализмом.

Проникла книга Ленина и в Шлиссельбургскую крепость, где томились в заключении многие большевики, в том числе Ф. Н. Петров. «Книгу эту буквально зачитали до дыр поли-

тические заключенные,— вспоминает он.— Оп передавалась через секретный тайник в бане в одной из стен которой были вынуты кирпичи и где мы прятали наши шлиссельбургские газеты, записки. Через этот же тайник мы передавали друг другу запрещенные книги»[56].

«Ваша книга — об эмпириокритицизме,— пишет Ленину из Иркутской губернии бывший депутат 2-й Государственной думы В. А. Анисимов,— произвела большое впечатление,— мне не от одного приходилось слышать, что эта книга прекратила их философские шатания»[57].

Книга Ленина — классический образец борьбы за партийность в философии. Страстная революционность и глубокая научность органически сочетаются в этом труде*.

Совещание расширенной редакции «Пролетария»

Книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» нанесла удар по махизму, который стал своего рода официальной философией отзовизма. На очередь дня встал вопрос: порвать отзовизмом и организационно, ибо отзовизм окончательно превратился в ликвидаторство «слева», а отзовисты — в антипартийный элемент в российской социал-демократии.

«Разгоравшаяся внутрифракционная борьба — вспоминает Крупская,— здорово трепала нервы. Помню, пришел раз Ильич после каких-то разговоров с отзовистами домой, лица на пел нет...»[58] По усиленному настоянию родных Ленин едет на Лазурный берег. «Я сижу на отдыхе в Ницце,—пишет он 2 марта 1909 года сестре Анне Ильиничне.— Роскошно здесь: солнце, тепло, сухо, море южное»[59]. Он остановился в отеле-пансионате «Оазис» на улице Гупо, в

* Следует хотя бы очень кратко остановиться на фальсификации философского наследия Ленина западными «советологами». Они тщательно выискивают в ого трудах следы непоследовательности, признаки «отхода» от основных принципов диалектического и исторического материализма, «отхода от Маркса». Так. искажая грубейшим образом смысл гениального ленинского философского труда, Джон Решетар приписывает Ленину следующее нелепое утверждение: «Лишь партия может решать, как должен отражаться внешний мир». (*J. Reshetar.* A. concise history of the Communist party of the Soviet Union, p. 86).

Стремясь принизить роль Ленина как теоретика, упомянутый во Введения Фишер фальсифицирует историю создания труда «Материализм и эмпириокритицизм», всю борьбу Ленина на философском фронте. «Теперь все это кажется лишь бурей в эмигрантском стакане чаю,— пишет он.— Ленин сам признавался, что ссорились из-за философии потому, что при создавшемся в России положении другого дела не было, Вся полемика Ленин — Богданов отражала патологическое состояние маленькой партии, возглавляемой талантливым забиякой, который был совершенно нетерпим к оппозиции и вдобавок разочарован неудачами своей организации, увядавшей вдали от родной почвы» *(L. Fischer.* The life of Lenin. N. Y., 1904, p. 67).

В 1968 году издательство Парижского университета выпустило в серии «философы» небольшую книгу Роже Гароди «Ленин». Если в «Большом повороте социализма» Гароди называет «устаревшей» советскую «модель» социализма, то в книге, посвященной философскому наследию В. И. Ленина, он объявляет ленинскую формулировку о том, что материалистическая теория является приблизительной копией реальности, «изжившей себя» *(R. Garaudy.* Lenine. Paris, 1968, p. 37—38).

Так с открытыми врагами ленинизма смыкаются ренегаты коммунистического движения (как известно, ревизионист Гароди исключен из Французской коммунистической партии).

том самом отеле, где жил зимой 1900/01 года А. П. Чехов, один из самых любимых писателей Ленина. После краткого отдыха в Ницце (между 26 февраля и 8 марта 1909 года) Ленин возвращается в Париж.

Борьба за партию становилась все ожесточеннее. Отзовисты организовали на Капри «партийную» школу, под вывеской которой они создавали центр своей фракции. Во главе школы встали Богданов, Алексинский, Луначарский.

Для сплочения большевиков в борьбе против отзовистов в Париже было созвано совещании расширенной редакции «Пролетария», которое явилось фактически пленарным заседанием Большевистского центра с участием представителей местных организаций. Совещание проходило 8—17 (21—30) июня 1909 года. Как указывал Ленин, дебаты, развернувшиеся на совещании, придали до известной степени законченность той политической линии, которую систематически проводил руководящий орган большевиков [60].

На совещании были разоблачены попытки отзовистов и ультиматистов (крайне «левое» крыло отзовистов) создать новый центр фракции под прикрытием партийной школы для рабочего актива на острове Капри. Подавляющее большинство участников совещания приняло резолюцию, в которой отмечалось, что большевистская организация «никакой ответственности за эту школу нести не может» [61].

Совещание приняло решение о реорганизации Большевистского центра, определившее его структуру. Были созданы редакционная коллегия газеты «Пролетарий» во главе с Лениным и хозяйственная комиссия, а также секретариат по сношению с Россией. За границей была образована Исполнительная комиссия Большевистского центра, в которую входили редакция «Пролетария» и члены пленума Большевистского центра из хозяйственной комис-

В России решено было создать Русский Большевистский центр из трех членов, живущих и работающих в России [62].

В резолюции «Об отзовизме и ультиматизме» (ее проект написал Ленин) говорилось, что большевизм но имеет ничего общего с отзовизмом и ультиматизмом и что большевики должны «вести самую решительную борьбу с этими уклонениями от пути революционного марксизма» [63].

Участники совещания поддержали Ленина. Его проект резолюции был принят большинством против Богданова и Шанцера.

Затем был рассмотрен вопрос о философских воззрениях Богданова, Луначарского и других отзовистов. Резолюция «О богостроительских тенденциях в социал-демократической среде» требовала решительно отмежеваться от богостроителей [64].

Резолюция, написанная Лениным, призывала большевиков не только продолжать борьбу с ликвидаторами и всеми видами ревизионизма, но и идти на «сближение с марксистскими и партийными элементами других фракций, как это диктуется общностью целей в борьбе за сохранение и укрепление РСДР Партии» [65].

Совещание исключило А. А. Богданова из большевистской фракции. Разрыв с ним Ленин

очень переживал. Крупская пишет в связи с этим: «Года три шла перед этим с Богдановым и богдановцами работа рука об руку,— не просто работа, а совместная борьба... Ильич же имел еще ту особенность, что умел, как никто, увлекать людей своими идеями, заражать их своей страстностью и в то же время он умел будить в них их лучшие стороны, брать от них то, чего не могли взять другие. В каждом из товарищей по работе была как бы частица Ильича — потому, может быть, он чувствовался таким близким...» [66]

С каждым из делегатов, уезжавшим обратно в Россию на нелегальную работу, Ленин подолгу беседовал: с И. П. Гольденбергом (Мешковским), В. М. Шулятиковым (Донатом), секретарем Русского бюро ЦК РСДРП А. П. Голубковым (Давыдовым) и другими, подробно инструктировал их. Голубкову, в частности, он давал указания по борьбе с провокаторами, проникавшими в партийные организации.

После совещания Ленин едет с семьей отдохнуть в деревушку Бомбон. Этого требовало здоровье Марии Ильиничны, которая весной 1909 года серьезно заболела: у нее был аппендицит. Операцию делал известный французский хирург Дюбуше (он жил долгое время в России и был известен своей симпатией к русским революционерам). Поправка шла медленно. Необходимо было поехать куда-нибудь за город. Владимир Ильич, который очень волновался во время болезни сестры, сам нашел — по объявлениям в газетах — дешевый пансион в деревушке Бомбон (департамент Сены и Марны). Прожили они там более месяца всей семьей (Ленин, Крупская, ее мать Елизавета Васильевна и М. И. Ульянова).

Крупская вспоминает: «...о делах мы старались не говорить. Ходили гулять, гоняли чуть не каждый день на велосипедах... Наблюдали также французские нравы... В общем отдохнул в Бомбоне Ильич неплохо» [67].

Однако совсем не думать о делах, не анализировать итоги только что закончившегося совещания Ленин, конечно, не мог. Об этом свидетельствует его письмо А. И. Любимову (Марку), отправленное в Париж из Бомбона в начале сентября 1909 года. В этом письме Ленин называет группу Богданова «канальями», компанией «обиженных литераторов, непризнанных философов и осмеянных богостроителей, которая запрятала свою так наз. *«школу»* от

партии...». Он пишет: «Максимов* же и К°-_ шайка авантюристов, заманивших кое-кого ца рабочих» в школу на Капри, Напомнив Любимицу, который занимал примиренческую по-----, что Богданова ИЗ фракции большевикои «выгнали», Ленин требует: «Нет ничего вреднее миндальничанья теперь. *Полный разрыв* и война *сильнее чем с меньшевиками.* Эта война быстро доучит дураков, которые все еще «не разобрались»» [68].

Борьба с примиренцами и Троцким. Январский Пленум ЦК РСДРП 1910 года. Газета «Социал-Демократ»

Борьбе большевиков за укрепление партии против ликвидаторов и отзовистов всячески мешали Троцкий и его немногочисленные сторонники. Объявляя себя стоящим «вне фракций», Троцкий проповедовал мир между революционерами и оппортунистами в рамках одной партии[69].

После совещания редакции «Пролетария» Троцкий повел борьбу за «примирение» и «объединение» всех фракций и течений РСДРП, которое должно было, по его мысли, состояться на предстоящем пленуме ЦК.

Члены ЦК А. И. Рыков и В. П. Ногин, члены редакции газеты «Социал-Демократ» Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев заняли по отношению к Троцкому примиренческую позицию. Еще на расширенном заседании редакции «Пролетария» Рыков и Каменев предлагали — во имя «примирения» и «объединения» — закрыть газету «Пролетарий», а органом ЦК РСДРП сделать выходившую в Вене газету Троцкого "Правда» (этого добивался Троцкий, требуя от ПК субсидий на свою газету).

Ленин квалифицировал примиренцев как (непоследовательных троцкистов». Он говорил, что на деле примиренцы всегда были игрушкой руках ликвидаторов: их действия но существу также вели к ликвидации нелегальной революционной партии. Он старается переубедить их пользуется каждым случаем, чтобы показать им истинное лицо Троцкого. 24 августа 1909 года Ленин писал Зиновьеву: «Насчет *«Правды»* читали ли Вы письмо Троцкого к Иноку? Надеюсь, убедились, если читали, что Троцкий повел себя, как подлейший карьерист и фракционер... Болтает о партии, а ведет себя хуже всех прочих фракционеров». Ленин объясняет: Троцкий «хочет «устроить» на наш счет, негодяй, *всю* теплую компанийку *«Правды»!..»* Необходим «разрыв с этим проходимцем и разоблачение его в ЦО» [70].

Несмотря на решительную борьбу Ленина против Троцкого, «примиренческо-объединительный туман» — как Владимир Ильич назовет это явление несколько позже в письме Н. Е. Вилонову[71] — был настолько силен, что примиренцы добились своего: очередной пленум ЦК был созван с участием меньшевиков-ликвидаторов (голосовцев) и представителей группы «Вперед». Ленин, который доказывал, что на пленуме должны присутствовать только большевики, меньшевики-партийцы и те, кто перешел на партийные позиции, все же счел возможным участвовать в работе пленума

Максимов — псевдоним Л. Л. Богданова.

хотя и предвидел, что соотношение сил будет не в пользу большевиков. Он пришел на пленум ЦК в интересах борьбы с ликвидаторством и отзовизмом.

На январском Пленуме, состоявшемся 2—23 января (15 января—5 февраля) 1910 года в Париже, противников ленинской позиции было большинство. И тем не менее Ленин и его сторонники после напряженной борьбы добились главного: в написанном Лениным и принятом за основу проекте резолюции говорилось, что пленум считает ликвидаторство и отзовизм проявлением буржуазного влияния на пролетариат[72].

И голосовцы, и впередовцы яростно выступали против этой резолюции. «Ничто,— писал потом Ленин,— не возбуждало на пленуме такого яркого — зачастую комического — негодования как мысль о «борьбе на два фронта», Одно упоминание об этом выводило из себя и впередовцев и меньшевиков»[73].

Большевистскую газету «Пролетарий», несмотря на энергичный протест Ленина, пленум постановил закрыть как фракционный орган «К партийному объединению,— писал Ленин в связи с этим Горькому,—вели и ведут серьезные, глубокие факторы: необходимость очистки социал-демократии от ликвидаторства и отзовизма, в области идейной; страшно трудное положение партии и всей с.-д. работы и назревание нового типа с.-д. рабочего, в области практической. На пленуме ЦК («долгом пленуме»,— три недели маета была, издергали все нервы, сто тысяч чертей!) к этим серьезным и глубоким факторам, сознанным далеко не всеми, прибавились мелкие, мелочные, прибавилось настроение «примиренчества вообще» (без ясной мысли, с кем, к чему, как), прибавилась ненависть к Большевистскому Центру за его беспощадную идейную войну...»[74]

Центральным органом партии на январском Пленуме был назван «Социал-Демократ». В его редакцию вошли от большевиков Ленин и Зиновьев, от меньшевиков — Мартов и Дан, от польских социал-демократов — Барский.

Ленин сотрудничал в «Социал-Демократе» еще до этого (газета издавалась с февраля 1908 года). В 1909 году, когда в редакции от меньшевиков был один Мартов, вышло девять номеров газеты. «Мартов,—вспоминает Крупская,— в новой редакции был в одиночестве, он часто забывал о своем меньшевизме. Помню, как однажды Владимир Ильич с довольным ви-

дом говорил, что с Мартовым хорошо работать что он на редкость талантливый журналист. Но это было, пока не приехал Дан»[75].

Не было, пожалуй, среди лидеров меньшевиков такого человека, который бы столь враждебно относился лично к Ленину, как Федор Дан. Это именно он во время дебатов в русской секции Копенгагенского конгресса в августе 1910 года заявил, что Ленин «губит партию». На вопрос З. П. Кржижановской, как может один человек погубить партию, Дан раздраженно ответил: «Да потому, что нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка, справьтесь с ним»[76].

С приездом Дана в Париж атмосфера в редакции «Социал-Демократа» стала очень напряженной. Ленину приходилось постоянно вести борьбу с членами редакции — меньшевиками. Но несмотря на все трудности, становившиеся подчас невыносимыми (был момент, когда борьба достигла такого напряжения, что Ленин чуть было не ушел из редакции), Ленин и на страницах «Социал-Демократа» вел решительную борьбу против ликвидаторства и отзовизма, против примиренчества, против Троцкого. Его статьи занимали в газете центральное место. В отдельных номерах публиковалось до четырех его статей. Всего в газете было опубликовано более 80 статей и заметок Ленина.

На смену реакции шел новый революционный подъем. «Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступавший* - хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в *наступление*»[17], - писал Ленин.

Одним из важнейших показателей, по которым Ленин мог судить о наступлении нового революционного подъема, были письма из России особенно от рабочих. Обобщая впечатления Ленина (и свои лично) о письмах такого рода, Крупская сообщала 18 ноября 1910 года женевским большевикам: «В Питере, пишут, дела пошли отлично, рабочие недурно сорганизовались по районам, старые работники входят опять в работу, у рабочих сильная тяга в партию. Привет товарищам. Ильич кланяется. Н. К.»[78]

Рабочие забастовки, борьба крестьян против помещиков и кулаков, демонстрации рабочих и студентов в связи со смертью Л. Н. Толстого — все это свидетельствовало об оживлении революционных и демократических сил, о повороте в настроении народных масс. В 1911 году в стачках участвовало свыше ста тысяч рабочих — вдвое больше, чем в 1910-м. В этих условиях еще более возрастала роль пролетарской партии, которая одна только и могла возглавить и политические выступления рабочего класса, и его экономическую борьбу.

Между тем антипартийные течения и группы, существовавшие внутри российской социал-демократии, усилили в 1910—1911 годах свою фракционную деятельность. Они противопоставили себя партии. Меньшевики-ликвидаторы по-прежнему выступали с открытой проповедью ликвидации партии.

Еще вреднее ликвидаторов, по мысли Лени-

на, был Троцкий и его сторонники. «...Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели»,— с возмущением писал Ленин,— вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а гг. Троцкие *обманывают* рабочих, *прикрывают* зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него»[79].

Много вреда приносили и отзовисты, которые окончательно откололись от большевиков и обособились в самостоятельную фракцию, сгруппировавшись вокруг своего фракционного журнала «Вперед» (Г. А. Алексинский, А. А. Богданов, А. В. Луначарский и др.). Особенно агрессивно по отношению к Ленину и ленинцам вел себя Алексинский.

Однажды вечером, вспоминает Крупская, впередовцы ворвались в кафе на авеню д'Орлеан, на заседание большевистской группы *. Алексинский прервал председателя и потребовал слова. Когда ему было отказано, он свистнул. Его пособники решили сорвать собрание и стали опрокидывать стулья, оскорблять собравшихся Тогда хозяин кафе потушил свет, что утихомирило страсти. «Драка не состоялась,— пишет Крупская. - Но долго после этого, чуть не всю ночь, бродил Ильич по улицам Парижа, а вернувшись домой, не мог заснуть до утра»[80].

Все, кто тяготел к примиренчеству (А. И. Рыков, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев и др.), тормозили партийную работу. Члены Русского бюро ЦК, занимавшие примиренческие позиции, сначала Дубровинский и Гольденберг, а затем (после их ареста) Ногин и Лейтейзен, вели бесконечные переговоры с ликвидаторами, а те саботировали ЦК. В результате в течение полутора лет, прошедших после январского Пленума, созвать ЦК в России так и не удалось.

Примиренцы А. И. Любимов (Марк) и М. К. Владимиров (Лева) основали летом 1911 года парижскую группу так называемых «большевиков-партийцев» (они назвали себя так, желая подчеркнуть свои объединительные стрем-

* Большевистская группа собиралась обычно в одном из кафе на авеню д'Орлеан, иногда в кафе «О Манийер» в доме № 11 на авеню д'Орлеан, иногда в кафе «О шои руж» на углу авеню Шатийон, напротив церкви Сен-Пьер до Монруж. На месте кафе «О пюи руж» сейчас возвышается здание агентства Парижского национального банка; кафе «О Манийер» ныне но существует *(Жан Фревиль.* Ленин в Париже, стр. 165).

Собрания большевиков часто устраивались и в кафе «Дю Льон», недалеко от статуи Больфорского льва на площади Данфер-Рошро. В этом кафе был шахматный клуб, и Ленин до начала собрания часто играл там в шахматы (см. Воспоминания И. М. Полонского и А. С. Гречнева-Чернова в книге «О Ленине». М., 1963, стр. 140—141, 196; С. И. Гопнер — во втором томе «Воспоминаний о В. И. Ленине», стр. 293; Н. А. Семашко — в журнале «Прожектор», 1927, № 1 (95), стр. 16-17).

В «Парижском вестнике» за 1910 год (29 октября, N 34, стр. 3) имеется упоминание об этом кафе. На левом берегу Сены, говорится в объявлении, образовался русско-французский шахматный клуб. Его адрес: авеню д'Орлеан, 5. Далее в объявлении сообщалось, что в клубе пока 18 человек и что запись производится по представлению одного из членов клуба по средам и субботам вечером. Членский взнос — 1 франк за 3 месяца.

В «Парижском вестнике» за 1911 год (№ 7, стр. 4) в разделе «Шахматы» также упоминается это кафе-

ления). Примиренцем был и С. А. Лозовский Дезориентированный внутрипартийными разногласиями, он в этот период, по словам Круц. ской, предпочел уйти во французское профессиональное движение*.

«Рабочая газета». Борьба за возрождение партийных центров

В августе 1910 года был решен вопрос об издании большевиками (совместно с группой меньшевиков-партийцев во главе с Плехановым) нового нелегального печатного органа — «Рабочей газеты». Инициатором ее создания был Ленин.

«Мы рассчитываем на помощь местных организаций и отдельных групп рабочих,— писал Ленин в «Объявлении об издании «Рабочей газеты»», обращаясь к русским рабочим,— ибо исключительно их активная работа над газетой, исключительно их поддержка, их отзывы, их статьи, материалы, сведения и замечания могут поставить на ноги и обеспечить ведение *«Рабочей Газеты»* [81].

В первом номере, который вышел в Париже 30 октября (12 ноября) 1910 года, указан адрес для корреспонденции и писем: «Mr. Oulianoff, 4, rue Marie Rose, Paris XIV». Это был адрес квартиры Ленина, адрес штаб-квартиры партии.

* Впоследствии признавший свои ошибки В. П. Ногин был назначен народным комиссаром торговли и промышленности, а С. А. Лозовский выдвинут в 1921 году на пост председателя Профинтерна. Ответственные посты занимал М. К. Владимиров.

Первый номер «Рабочей газеты» был напечатан в типографии «Imprimerie Union», находившейся на бульваре Араго, дом 50.

В ответ на ленинское обращение в Париж прибывали десятки писем и корреспонденции со всех концов России. В одной из корреспонденции с Урала, напечатанной в № 6 «Рабочей газеты», говорилось: «Мы не можем, к сожалению, сказать, что у нас сохранилась прочная организация со всеми необходимыми для нее коллективами, районами и т. д. Но у нас осталась преданность делу РСДРП, уцелели отдельные единицы и группы людей, которые неустанно ведут дорогое им дело РСДРП».

Автор другого письма (фамилию свою он не назвал), из Иркутской губернии, выражая глубокую благодарность за посылку ему «Рабочей газеты», пишет: «Находясь в глуши и далеко от центра, мне за последнее время не было известно о жизни нашей партии... Пишущему эти строки приходилось ходить на 2 вечера и читать «Рабочую газету», делать разъяснения, так как люди желают знать что-нибудь новое, но не могут сами читать, ибо малограмотные и совсем есть неграмотные». Далее он пишет: «Вполне сочувствую благому начинанию — Организ. Ком. за созыв Всероссийской конференции, дабы положить конец «ликвидаторскому» злу... Шлю привет. Ссыльный — рабочий Иван». Особенно трогательны следующие строчки: «Постараюсь среди своих знакомых собрать несколько рублей — хотя бы немного помочь Вам, товарищи» [82].

Лепим руководил «Рабочей газетой» и редактировал ее. В газете сотрудничали С. И. Гопнер, Н. А. Семашко, С. Г. Шаумян и другие

большевики. Секретарем редакции была Крупская. Большую материальную помощь оказывал газете Горький.

Появились кружки содействия «Рабочей газете»; они оказывали ей материальную помощь и помогали редакции в транспортировке газеты в Россию. Первый такой кружок, естественно, был создан в Париже, затем они появились в Берне, Цюрихе, Антверпене, Копенгагене, Стокгольме, Льеже и других городах Европы.

Вокруг ленинской «Рабочей газеты» разгорается напряженная идейная борьба. Троцкий и его сторонники противопоставляют ей венскую «Правду». Формируется блок между «голосовцами», троцкистами п «впередовцами» против Ленина, большевиков и поддерживавших их меньшевиков-партийцев.

Об этой напряженной борьбе мы узнаем, в частности, из письма Н. К. Крупской от 20 декабря 1910 года В. А. Карпинскому и его жене в Женеву:

«...Дорогие друзья, что это от Вас ни от кого ни слуху, ни духу. Как дела с «Рабочей газетой», сколько экз. продано? Много ли послано в конвертах?

Из России получили ряд благоприятных отзывов. В Россию пошло около 1700 номеров, требуют еще 200, но у нас уже разошлись почти вое 3000 и, чтобы набрать необходимые 200 номеров, надо собирать отовсюду остатки.

Троцкий через Венскую группу поднял поход на «Рабочую газету». Призывает рабочих всячески бороться с «Рабочей газетой», как предприятием фракционным.

В Цюрихе Троцкий читал реферат и провел ту же резолюцию... Из всего этого — нам прислали подробный отчет о реферате Троцкого — видно, что устанавливается блок между голосовцами, троцкистами и впередовцами для борьбы с большевиками и меньшевиками-партийцами»[83].

«Рабочая газета» сыграла большую роль в разоблачении этого «заговора против партии». В каждом ее номере звучал пламенный призыв Ленина к борьбе. «За работу же, товарищи! — писал Ленин во втором номере «Рабочей газеты» 18 (31) декабря 1910 года.— Боритесь везде и повсюду за постройку организаций, за создание и укрепление рабочих с.-д. партийных ячеек, за развитие экономической и политической агитации. В первой русской революции пролетариат научил народные массы бороться

за свободу, во второй революции он должен провести их к победе!»[81]

Тираж «Рабочей газеты» доходил до л тысяч экземпляров. И большая часть тиража, несмотря на огромные трудности, попадала из Парижа к месту назначения — в Россию. Всего вышло в Париже девять номеров газеты; последний — 30 июля (12 августа) 1912 года.

«У нас теперь «положительная» работа вовсю,— пишет Крупская 12 мая 1911 года М. В. Кобецкому.— «Рабочая газета», «Звезда». «Мысль», участие в разных легальных органах России, школа...

С этой стороны было бы все хорошо, если бы наши примиренцы не ставили подножек из боязни «восстановления фракции»... надежды на созыв российской коллегии ЦК нет уже никакой, все это знают; пленум мешают созвать меньшевики, заседающие в большинстве в ЗБЦК.

Недавно Либер ездил по швейцарским колониям с рефератом, воспевая «Рабочее дело» и «Рабочую мысль», понося «Искру», восхваляя ликвидаторов из «Нашей зари» вообще и Потресова в частности. Ликвидаторы его поддерживали всячески. Акимов приветствовал и т. д. *

Рабочие на местах строят организации, только аресты донимают.

Ну, всего лучшего. Н. К.

Вл. И. шлет большой привет»[85].

Как много говорит исследователю этот драгоценный документ! Здесь и успехи, которыми гордятся большевики: постановка «Рабочей газеты», начало выхода в России легальных марксистских органов газеты «Звезда» и журнала «Мысль», начало работы ленинской школы в Лонжюмо, восстановление — после страшного урона, нанесенного годами контрреволюции,— местных партийных организаций. Здесь и гневные слова о подрывной работе ликвидаторов и попустительстве им со стороны примиренцев.

Вопрос о созыве партийной конференции был в принципе решен на январском Пленуме 1910 года. Однако подготовке конференции мешала раскольническая деятельность ликвидаторов, «впередовцев» и троцкистов, а также «подножки» примиренцев.

Ленин и другие большевики, члены ЦК, находившиеся в эмиграции, а также польские социал-демократы берут на себя инициативу созыва совещания членов ЦК за границей.

Совещание проходило в Париже с 28 мая (10 июня) по 4 (17) июня 1911 года. Из девяти членов ЦК РСДРП, находившихся за границей и приглашенных на совещание, прибыли все, за исключением бундовца Ф. М. Ионова.

* ЗБЦК — Заграничное бюро ЦК РСДРП. После выхода из него в мае 1911 года представителя большевиков Н. А. Семашко оно находилось в руках ликвидаторов и примиренцев, таких, как М. И. Либер (М. И. Гольдман) — один из лидеров Бунда, ликвидатор, в 1908—1911 годах член ЗБЦК: «Рабочее дело» — журнал «экономистов» (1899—1902); «Рабочая мысль» — газета «экономистов» (1897—1902); «Искра» — ленинская газета (1900 1903); «Нанта заря»—легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов, выходивший в Петербурге в 1910—1914 годах; А. Н. Потросов -- идеолог ликвидаторства, редактор журнала «Наша заря»; В. П. Акимов (Махновец) — меньшевик-ликвидатор.

В совещании участвовали три представителя от большевиков (В. И. Ленин, А. И. Рыков ц Г. Е. Зиновьев), два от Социал-демократии Польши и Литвы (Ян Тышка и Ф. Э. Дзержинский) , но одному от Бунда (М. И. Либер), «Голоса Социал-Демократа» (Б. И. Горев) к Социал-демократии Латышского края (М. В. Озолин).

Совещание поставило в порядок дня *«вопрос о воссоздании ЦК* в связи с общим положением партии» [86].

С докладом выступил Ленин. Он изложил историю попыток восстановления Центрального Комитета РСДРП в России, закончившихся арестом всех большевиков, членов Русской коллегии ЦК. Ленин указал, что ликвидаторы полностью устранились от участия в работе коллегии. Совещание избрало комиссию по созыву конференции — Заграничную организационную комиссию (ЗОК). На нее было возложено образование Русской коллегии из представителей местных партийных организаций для проведения практической работы на местах по созыву конференции.

Подводя итоги работы июньского совещания, Ленин писал: «Все большевики должны сплотиться теперь теснее... собрать разрозненные силы и идти в бой за РСДРПартию, очищенную от проводников буржуазного влияния на пролетариат» [87].

В конце сентября 1911 года на совещании представителей местных партийных организаций в Баку была создана Российская организационная комиссия (РОК) [88].

«Впервые после *четырех* лет развала и разброда,— подчеркивал Ленин,— собрался — потеки невероятным преследованиям полиции и {еслыханным «подножкам» голооовцев, внередовцев, примиренцев... русский с.-д. центр... Впервые работа но восстановлению нелегальных организаций на местах систематически и цельно охватила... обе столицы, Поволжье, Урал, Кавказ, Киев, Ёкатеринослав, Ростов, Николаев,— ибо РОК собралась *после* объезда всех этих мест... Конечно... трудности предстоят еще гигантские... Но главное сделано. Знамя поднято; рабочие кружки по всей России потянулись к нему, и не свалить ого теперь никакой контрреволюционной атакой!» [89]

Видную роль в приближении конференции сыграло совещание заграничных большевистских групп, состоявшееся в декабре 1911 года в Париже. Роль этих групп была в тот период очень велика. «Заграничная база необходима и неизбежна для партии, которая действует в таких условиях, как наша,— отмечал Ленин. — Это признает всякий, кто подумает над положением партии». «Пока есть столыпинская Россия,— подчеркивал Ленин,— есть эмиграция, она связана тысячами нитями с Россией и никакими ножами не перережете» [90].

В то время большевистские и объединенные группы РСДРП существовали во многих городах Европы: Антверпене, Берне, Бремене, Берлине, Женеве, Лозанне, Лейпциге, Лондоне, Нанси, Льеже, Брюсселе, Ницце, Цюрихе и др. Они помогали распространять партийную литературу, пересылать ее в Россию, собирали средства для нужд партии. Заграничные группы содействия РСДРП служили источником кадров, посылая партийных работников в Россию, на места. Особенно большую роль играла париж-

ская группа большевиков, работавшая в 1908—1912 годах под непосредственным руководством Ленина *.

Пражская конференция РСДРП

Парижский кружок содействия «Рабочей газете» 11 ноября 1911 года обратился к заграничным большевистским группам с предложением созвать совещание групп содействия РСДРП, готовых оказать помощь Российской организационной комиссии.

Совещание заграничных большевистских групп состоялось в Париже 14—17 (27—30) декабря 1911 года. На нем присутствовали 11 делегатов с решающим голосом (от Парижа, Нанси, Цюриха, Давоса, Берна, Женевы, Льежа, Берлина и Бремена). Совещательные голоса имели Ленин, Крупская, Семашко и другие члены оргбюро по созыву совещания и работники редакции «Рабочей газеты» [91].

Детально осветив ход борьбы против ликвидаторов, «впередовцев» и примиренцев начиная с январского Пленума ЦК, Ленин в своем докладе подчеркнул, что решительный разрыв с ними был вызван отмежеванием несоциал-демократических элементов от партии. Уделив особое внимание созыву общепартийной конференция РСДРП, Ленин указал, что образование Российской организационной комиссии знаменует конец партийного кризиса.

Совещание постановило: объявить о создании оолыпевикамн Заграничной Организации

* См. Приложение (документ № 1).

РСДРП с отделами (секциями) иа местах, привлекать в них всех партийцев, согласных поддерживать Российскую организационную комиссию, Центральный орган партии «Социал-Демократ» и «Рабочую газету». Совещание приняло предложенную Лениным резолюцию, которая приветствовала образование Российской организационной комиссии, и заявило, что поддержка ее — долг каждого партийца. На совещании был избран Комитет Заграничной Организации. В него вошли И. Ф. Арманд (она выступала на совещании с докладом об организационных задачах большевиков), М. Ф. Владимирский и Н. А. Семашко (оба выступали по вопросу о положении дел за границей), В. Н. Манцев и Н. В. Кузнецов (Сапожков). Все пятеро — члены парижской группы большевиков.

За месяц до совещания заграничных большевистских групп Ленин посылает письмо в Прагу Антонину Немецу, представителю чешской социал-демократии в Международном социалистическом бюро. «Вы меня очень обяжете,— обращается к нему Ленин,— если сможете помочь мне советом и делом в следующем обстоятельстве. Ряд организаций нашей партии намерен собрать конференцию (за границей — конечно). Число членов конференции около 20—25. Не представляется ли возможным организовать эту конференцию в Праге (продолжительностью около одной недели) ?

Самым важным для нас является возможность организовать дело *архиконспиративно.* Никто, никакая организация не должны об этом знать. (Конференция *социал-демократическая,* значит по европейским законам легальная, но большинство делегатов *не имеют паспортов* и не могут назвать своего настоящего имени.)

Я очень прошу Вас, уважаемы ii товарищ*если это только возможно, помочь нам... Заранее приношу Вам благодарность. С партийным приветом *Н. Ленин»*[92].

Конференция открылась 5 (18) января 1912 года в Праге и продолжалась 12 дней. Несмотря на полицейские преследования и арест нескольких делегатов в пути, на конференцию прибыли представители от всех важнейших центров российского рабочего движения — более чем от 20 партийных организаций. Делегатами конференции были: от Петербурга — П. А. Залуцкий и Е. П. Онуфриев; от Москвы — Ф. И. Голощекин и Г. Е. Зиновьев; от Баку — С. С. Спандарян; от Тифлиса — Г. К. Орджоникидзе; от Саратова — А. К. Воронский; от Николаева — Л. П. Серебряков; от Казани — А. И. Догадов; от Двинска и Вильно — М. И. Гурвич. В конференции участвовали также меньшевики-партийцы Д. М. Шварцман и Я. Д. Зевин. Делегатами от центральных учреждений партии и заграничных организаций были В. И. Ленин, О. А. Пятницкий, Н. А. Семашко, Л. Б. Каменев. Среди делегатов оказались также Р. В. Малиновский из Москвы и А. С. Романов от Центральной промышленной области, разоблаченные впоследствии как провокаторы. Их донесения охранке крайне осложнили возвращение делегатов конференции на родину и их работу на местах.

Делегат конференции от Петербурга, участник революции 1905 года слесарь Обуховского завода Е. П. Онуфриев рассказывает о встрече с Лениным в Праге: «Ленин горячо пожал нам

руки и засыпал вопросами о семьях, о заработках, о настроениях рабочих, о том, чего ждут они от конференции... Веселый, бодрые, жизнерадостный* он как-то сразу сблизился с нами. будто мы знали его долгие годы. Ленин умел допытываться до самого главного, самого основного. И как пас сразу покорила в пленила эта удивительная ленинская простота и доступность» [93].

Ленин ознакомил делегатов с тезисами конференции. «Мы слушали,— вспоминает Е. 11, Онуфриев, — и нам казалось, будто Ленин объехал всю Россию, побывал на заводах и в крестьянских избах,— так глубоко отразил он нужды и чаяния народа».

Владимир Ильич попросил Онуфриева поселиться с ним в одной комнате в квартире рабочего-чеха. Однажды Ленин вернулся поздно, а на следующее утро стал кашлять. Встревоженный Онуфриев рассказал об этом делегату конференции Н. А. Семашко (врачу по образованию) . После осмотра выяснилось, что у Владимира Ильича поднялась температура. И тогда он признался товарищам, что накануне вечером ходил на стадион, взял там коньки и с удовольствием покатался в одном пиджаке. Ленин очень тосковал по русской зиме, по снегу. В Париже он на коньках не катался. И, приехав зимой в Прагу, не упустил такой замечательной возможности. На заседание в тот день он, конечно, пошел, несмотря на уговоры Н. А. Семашко.

Конференция заседала строго конспиративно в помещении Народного дома, где тогда находилась типография и редакция чешской социал-демократической газеты «Право лпду». Обстановка комнаты, где происходили заседания, была очень скромной: несколько простых столов, железная стоячая вешалка, книжный шкаф с бюстом Карла Маркса. Здесь, в этой скромной комнате, была принята историческая резолюция «О ликвидаторстве и о группе ликвидаторов», написанная Лениным[94].

Единство партии было восстановлено, ее ряды очищены от оппортунистической скверны. «Наконец удалось — вопреки ликвидаторской сволочи — возродить партию...» [95] — писал Ленин Горькому вскоре после окончания конференции.

Конференция избрала Центральный Комитет во главе с Лениным. В состав ЦК вошли В. И. Ленин, Ф. И. Голощекин, Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандарян. Центральный Комитет кооптировал в свои состав И. С. Белостоцкого и И. В. Сталина.

Против конференции началась яростная кампания ликвидаторов, впередовцев, троцкистов. «Вот она, судьба моя,— напишет Ленин позднее Инессе Арманд.— Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д. Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на «мир» с пошляками» [96].

22 апреля (5 мая) 1912 года в Петербурге начинает выходить газета «Правда». Осенью предстояли выборы в IV Государственную думу. Для усиления руководства партийной работой Ленин решил перебраться из Парижа поближе к русской границе. 9 (22) июня он приехал в Краков, старинный польский город, входивший тогда в состав Австро-Венгрии. От-

сюда было удобнее руководить «Правдой» и направлять деятельность партийных организаций в России.

Из Кракова Ленин пишет Горькому: «А в России *революционный* подъем, не иной какой-либо, а именно революционный. И нам удалось-таки поставить ежедневную «Правду» — между прочим, благодаря именно той (январской) конференции, которую лают дураки»[97].

Парижская эмиграция Ленина закончилась. От V конференции, указавшей партии дорогу в годы реакции, через все испытания Ленин мужественно проводит партию к VI конференции, знаменовавшей собой новый важный этап в истории нашей партии.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СВЯЗИ С РОССИЕЙ

«Всем духом своим на родине...»

Неразрывна была духовная связь Ленина с Россией. Вынужденная эмиграция только усилила ее.

Очень характерны в этом смысле воспоминания И. Ф. Попова — большевика, который жил с 1908 года в Бельгии и осуществлял по заданию Ленина связь ЦК РСДРП с Международным социалистическим бюро (МСБ), членом которого Ленин был с 1905 года.

МСБ находилось в Брюсселе. Ленин несколько раз приезжал туда. Вот что рассказывает Попов о встрече с Лениным во время одного из таких приездов: «С момента, как только Ленин поздоровался и заговорил, у меня родилось вначале смутное, а затем все более усиливающееся ощущение, что гость приехал не из такой же заграничной эмиграции, в какой жил я сам, а прямо из России... казалось, что за границу он только что приехал и что за границей он только временный, случайный гость, а всем духом своим на родине, в огне непрекращаю-

щейся битвы. Круговорот эмигрантской жизни но мог подчинить его себе. Его ощущения и оценки русских явлении оставались свежими и точными, и во всем своем обхождении с людьми он сохранял какой-то русский лад»[1].

Эту же черту Ленина, неразрывную духовную связь его с Россией, подчеркивает в своих воспоминаниях и Горький. Когда Ленин приезжал к нему на Капри, они однажды, стоя на берегу моря, наблюдали, как осторожно итальянские рыбаки распутывают сети. Ленин сказал: «Наши работают бойчее». А услышав сомнение Горького, заметил: «Гм, гм, а не забываете Вы России, живя на этой шишке?»

«Он был,— писал далее Горький,— русский человек, который долго жил вне России, внимательно разглядывал свою страну,— издали она кажется красочнее и ярче. Он правильно оценил потенциальную силу ее — исключительную талантливость народа, еще слабо выраженную, не возбужденную историей, тяжелой и нудной, но талантливость всюду, на темном фоне фантастической русской жизни блестящую золотыми звездами»[2].

Он очень тоскует по родине, по Волге. Прекрасная природа Франции, Швейцарии, Италии не может затмить в памяти Владимира Ильича реку его детства, его юности. В письме М, Т. Елизарову он признается: «Здесь так оторванным себя чувствуешь, что... рассказы о впечатлениях и наблюдениях «с Волги» (соскучился я по Волге!) — бальзам настоящий»[3].

М. А. Ульянова, нежно любившая сына, присылает ему из Саратова в Париж «гостинец» — рыбу. Он пишет ей: «Дорогая мамочка! На пнях получили мы еще гостинец от вас... Merci большое. Едим теперь эти деликатесы, лакомимся и вспоминаем Волгу»[4].

«Как-то у вас весна па Волге? Все ли здоровы? Я привык теперь, по «Речи», смотреть каждый день погоду в Саратове, и вижу, что у вас холодно еще»[5],— пишет Владимир Ильич матери 7 апреля 1912 года, и грусть человека, насильственно оторванного от родины, невольно проскальзывает в строках этого письма.

Это одно из многих чудесных писем Ленина, адресованных матери, писем, о которых впоследствии Мария Ильинична Ульянова в своем предисловии к сборнику «Письма к родным» (он был издан в 1930 году) скажет так: «...письма Владимира Ильича к его родным имеют главным образом значение и интерес для характеристики его как человека (конечно, характеристики далеко не полной и в силу полицейских условий несколько односторонней). В этом смысле они вносят, на наш взгляд, ценный вклад в литературу о Владимире Ильиче, и остается лишь пожалеть, что так много из его писем как к родным, так и к товарищам погибло»[6].

Переписка Ленина с родными шла легальным путем, хотя тоже, конечно, урезалась из-за полицейских условий. Деловая же переписка, связи с местными комитетами РСДРП осуществлялись строго конспиративно.

«Ленин жил в Париже в самые тяжелые годы реакции. Жизнь его протекала в неустанном труде...— вспоминает Д. З. Мануильский, работавший в Париже одновременно с Владимиром Ильичем.— Отсюда он откликался животрепещущими статьями на события, происходя-

щие в России, отсюда вел систематическую переписку с партийными организациями и с отдельными товарищами. Его сестры, находившиеся в России, были передатчиками ого указаний, советов и директив, а верный друг и жена Надежда Константиновна Крупская была его неизменным помощником в деле установления новых связей с Россией»[7].

Содержание писем Ленина парижского периода (декабрь 1908 — июнь 1912 года) отражает его гигантскую практическую деятельность по руководству партией. Они показывают, как тесно был связан Ленин с партийными организациями, как превосходно он знал обстановку на родине.

Интересы повседневного руководства деятельностью комитетов РСДРП, вынужденное местопребывание Большевистского центра за границей определили особое значение организации постоянных связей с местами. Нелегальную почтовую канцелярию Большевистского центра пришлось создавать, преодолевая значительные трудности. Царское правительство ввело самую жесткую цензуру. Зная, что Ленин и Большевистский центр находятся за рубежом, цензоры обращали пристальное внимание прежде всего на переписку, которая велась именно с Парижем.

«Дорогие друзья! — пишет Ленин в адрес Бюро ЦК РСДРП в России 16 апреля 1912 года,— ради бога, давайте нам побольше связей. Связей, связей, связей... Без этого все шатко»[8].

Это письмо, как и многие другие, написано рукой Крупской. Она стала ближайшим помощником Ленина в деле налаживания связей с оссийскими партийными организациями и как член хозяйственной комиссии. В функции этой комиссии, избранной на заседании Большевистского центра перед августовским Пленумом ЦК РСДРП в 1908 году, входило заведование финансовыми средствами, транспортировка нелегальной литературы, переписка и т. д.

В июне 1909 года, когда Большевистский центр на совещании расширенной редакции «Пролетария» был реорганизован, Крупская вновь была избрана в хозяйственную комиссию (кроме нее туда вошли А. И. Любимов и В. К. Таратута) и в секретариат по сношению с Россией (вместе с А. И. Любимовым). В октябре 1909 года Ленин составил письмо-директиву для хозяйственной комиссии Большевистского центра, где подробно перечислил все статьи расходов, в том числе и на экспедицию[9].

По поручению Ленина Надежда Константиновна постоянно информировала партийные организации России о важнейших событиях в партии, запрашивала о состоянии работы на местах и т. д.

Цитированное выше письмо Ленина от lb' апреля 1912 года было написано химическим способом. Охранка перехватила письмо. В Центральном партийном архиве хранится позитив: перлюстрация (подлинная) с проявленного текста, написанного рукой Крупской. Химическим текстом были написаны очень многие письма — например, письмо старой большевичке, профессиональной революционерке Лидии Михайловне Книпович[10]. Явный текст этого письма имеет совершенно легальный, так сказать, светский характер, и только после рас-

шифровки можно понять, что письмо конспиративное.

Крупская в совершенстве знала шифровальное дело, она была очень осторожным и искусным конспиратором. 30 мая 1912 года она пишет Г. Л. Шкловскому из Парижа: «В Питере были такие большие провалы, что я не решаюсь дать ни одной из имеющихся у меня явок. По всей вероятности, они провалены. Новых еще не получила. Сделайте вот что. Свяжите его с нами шифром. Пусть будет шифром Унив. Библ. № 330 Уайльд, «Счастливый принц», стр. 33-я. Пусть он по приезде сообщит мне свой адрес, а я ему сообщу (химией и шифром) явку, как только ее получу»[11].

Именно к Крупской обращаются товарищи с просьбой связать Большевистский центр с местными организациями. Характерна маленькая записка на ее имя, датированная 4 октября 1909 года. Автор записки Малакия (Торошелидзе) пересылает письмо из Баку от товарища Семенова, который бежал из ссылки и работает уже два месяца в Баку. В письме Семенова говорится: «Мы, бакинцы, совершенно отрезаны от нашего центра, хотя и получаем «Социал-Демократ» и «Пролетарий», но не имеем адресов, чтобы писать, и чувствуем себя как на острове (прежние адреса, оказывается, все провалились, как об этом нам сообщала Землячка из Киева).

Мы хотели послать корреспонденции, наши резолюции насчет редакционных разногласий в «Пролетарии», нашу газету «Бакинский пролетарий» (в августе выпустили уже 2 номера — 6 и 7), листки и т. п., но как послать, когда не знаешь адреса? Поэтому мы просим тебя (то есть Малакия.— *Р.К.*) устроить и сообщить нам адреса для сношений с фракционным центром» (имеется в виду Большевистский центр.— *Р.К.*). И далее Малакия пишет, обращаясь к Крупской уже от своего имени: «Таково это письмо. Надеюсь, Вы примете меры, чтобы исполнить просьбу бакинцев, н пошлете им адреса»[12].

Со своей стороны и Крупская делает все, чтобы расширить связи. «Дорогие друзья,—пишет она 15 сентября 1910 года в Женеву В. А. Карпинскому и его жене,— у меня большая к Вам обоим просьба. Наши решили издавать в ближайшем будущем популярную газету (имеется в виду «Рабочая газета».— *Р. К.*)... в ней будут также принимать участие и партийные меньшевики... Время теперь такое, что без популярной газеты не обойдемся. Но необходимо, чтобы над газетой как можно интенсивнее работали сами рабочие, для этого нужны связи, связи, связи... Написала по этому поводу массу писем в Россию, но надо использовать решительно все зацепки.

И Вы, и Ольга видаете женевскую публику, поговорите с более серьезной большевистской публикой, постарайтесь достать побольше связей с Россией. Это необходимо для постановки переписки с Россией, не организационной — таковая относится к ведению ЗБЦК*, а, так

* После ликвидации Большевистского центра и закрытия «Пролетария» (по решению январского Пленума ЦК 1910 года) вся официальная порописка с Россией велась через Заграничное бюро ЦК (последняя запись в приходно-расходной тетради хозяйственной комиссии сделана 9 февраля 1910 года). 18 февраля Крупская, извещая Михаила (Н. Е. Ви-

сказать, литературного характера. Нужны корреспонденции, сообщения с мест, нужен простой обмен мнений, наконец, с местными работниками по поводу самых разнообразных вопросов.

Важны связи даже не столько с организациями, сколько с отдельными товарищами, стоящими в гуще жизни и имеющими возможность наблюдать ее. Интереснее всего связи с рабочими, конечно. Очень прошу Вас обоих сделать все, что возможно, в этом отношении. Как живете-можете? Крепко жму руки. Н. К.»[13].

У Крупской одно время был помощник в организации переписки с Россией — В. Н. Манцев. Когда 19 января 1933 года в Москве состоялся вечер общества педагогов-марксистов, посвященный памяти В. И. Ленина, Крупская сказала, что «тов. Манцев работал вместе с Владимиром Ильичей в годы второй эмиграции... он был в нашей парижской группе и в дальнейшем работал вместе с Владимиром Ильичей».

Из большого выступления Манцева особенно привлекает следующее место: «Надежда Константиновна, наверное, немало здоровья потратила на очень кропотливую, но совершенно необходимейшую работу, в которой одновременно и я ей помогал, для того, чтобы находить одиночек партийцев-болыневиков в ссылке,связываться с ними и посылать им нашу газету... сообщать им о делах партии, получать от них весточки и через эту кропотливую, незаметную, мелкую работу выковывать железную партийную организацию, которую не могли разбить ни жандармские усилия, ни громадные аресты, ни сеть провокаций, которые были направлены против них»[14].

Письма на имя Ленина приходили со всех концов России, в частности и от ссыльных социал-демократов. Одно из них послано из села Манзурка Верхоленского уезда Иркутской губернии 28 февраля 1912 года. Автор его Стефан Тымовский пишет Ленину и Крупской: «Привет, товарищи! Группа политических ссыльных (марксистов) нашего села обращается к товарищам с просьбой посылать нам по прилагаемому адресу выходящие номера «Социал-Демократа». Мы очень давно лишены возможности стать в курсе партийных дел благодаря отсутствию нашей литературы...»[15]

Известно, сколько усилий приложил Ленин для вызволения из ссылки арестованных депутатов 2-й Государственной думы... Депутаты писали Владимиру Ильичу в Париж, ища у него поддержки и совета. «Глубокоуважаемый, дорогой Владимир Ильич! — пишет В. А. Анисимов 8 мая 1910 года.— Давно я хотел писать Вам, и нужно было, но различные обстоятельства мешали этому. Обращаюсь к Вам за помощью и содействием; обращаюсь к Вам, ибо верю, что отнесетесь участливо и внимательно; такое впечатление осталось у меня, хотя и не часто встречались с Вами за краткосрочную деятельность 2-й Г. думы. Нуждаемся в помо-

ловова) — в числе других адресатов — о роспуске Большевистского центра, закрытии большевистской каосы и газеты «Пролетарий», предупреждала: «Надписывайте на письмах, какое письмо, личное или официальное. Отделяйте строго одно от другого. Все официальные письма идут теперь через Заграничное бюро ЦК, также переписка с Россией» («Исторический архив», 1959, № 1, стр. 74—75).

щи духовной. Не хочется отставать от жизни, обидно выходить в тираж. Хотелось бы годы тюрьмы превратить в годы учения, проделать ту теоретическую работу, которую не успели выполнить раньше. Хотелось бы выйти с лучшей подготовкой, с твердым мировоззрением... Нужно руководство, нужны книги... очень многого мы не успели прочесть, кроме того, текущая работа мысли нам почти не знакома, между тем за эти годы ведь сделано много в области теории. Мы почти совершенно не знаем, какие вопросы стоят в настоящее время (и в недалеком прошлом) на очереди, какие водоразделы разделяют ныне группы и как группируется публика; а знать это весьма интересно и нужно бы. Если бы Вы время от времени писали нам об этом, для нас было бы большим благом... Привет всем Вам! В. Анисимов... Мой адрес таков: село Александровское Иркутской губернии. Александровская центральная каторжная тюрьма. Бывшему депутату 2-й Государственной думы В. Анисимову»[16].

Год спустя Ленин получил письмо от другого бывшего депутата 2-й думы Григория Белоусова:

«Усолье Иркутского уезда. 29 июля 1911 года. Уважаемый товарищ Ленин! Обращаюсь к Вам с просьбой — присылайте, пожалуйста, на мое имя по одному экземпляру «Рабочей газеты» и других выходящих и вышедших партийных изданий. Я кончил срок каторги, и по болезни меня посолили в Усолье, в 18 верстах от Алек, тюрьмы. С тюрьмой у меня сохранились связи, так как товарищи Аникин, Анисимов и Войтинский живут теперь вне тюрьмы, в так называемой «вольной команде». Как лично для меня, так и для них интересно будет прочесть все что касается жизни партии, особенно для нас интересно получать орган, Вами редактируемый... Надеюсь, когда поправлю свое здоровье, то приступлю к работе. Будьте добры — дайте совет, с чего мне начать: остаться ли здесь и продолжать работу по мере моих сил и разумению или же уехать на время для ознакомления с партийной жизнью в центре... С тов. приветом Григорий Белоусов»[17].

Из далекого персидского города Решта, где волей партии оказался Серго Орджоникидзе, идет письмо в Париж на улицу Мари-Роз. Оно датировано 4 (17) июня 1910 года. Серго сообщает о получении от Ленина письма и протоколов январского Пленума ЦК. «С большим удовольствием прочел дневники («Дневник социал-демократа», выпускавшийся Плехановым.— *Р.К.),*— пишет Серго.— От души рад плехановскому повороту, но не могу не отметить, что он больше других грешен в том, в чем он обвиняет наших. Но без этого и не могло быть: нужно было же за что-либо ухватиться. Кто дипломатничал после II съезда? Кто в продолжении 7 лет шел рука об руку и вдохновлял российский ревизионизм в лице меньшевиков? Конечно, Плеханов, и никто другой. Но если в настоящее время он на самом деле останется па занимаемой позиции, безусловно плюс для партии. Но я должен признаться, что по отношению к нему я уподобился «неверующему Фоме». По-моему, «подкованные» ноги у нас всегда должны быть готовы... Впрочем, об этом Вы больше осведомлены, и, если бы поделились своим мнением, было бы приятно»[18].

Из большевистского подполья, из сибирской ссылки, со всех концов необъятной России шли письма в Париж. Рабочие-революционеры советовались с Лениным, как им жить и бороться. Вести от него вливали в них силы и бодрость, веру в победу. Одно из таких писем было послано Лениным 25 февраля 1912 года в Баку, где в центральной бакинской тюрьме был заключен в то время А. С. Енукидзе. «Дорогой друг Авель!—пишет Владимир Ильич.— Очень и очень рад был получить от Вас весточку. Горячо жму Вам руку и надеюсь, что Вы недолго пробудете в теперешнем Вашем местожительстве... Если есть еще общие знакомые,— горячий привет от меня и от моей жены. Желаю Вам и всем друзьям бодрости и здоровья. Ваш *Вл. Ильин*»[19].

Большевистский центр оказывал большую материальную помощь и партийным комитетам, и отдельным товарищам, попавшим в тяжелое положение, особенно политическим заключенным, ссыльным и их семьям. Имеются данные об оказании денежной помощи Бакинскому, Московскому, Петербургскому комитетам, областному бюро РСДРП Центрального промышленного района, отдельным работникам Одессы, Тюмени, Урала и других городов. Деньги в Россию пересылались различными путями, в том числе переводились через парижское отделение Лионского кредитного банка, где на имя В. И. Ульянова был открыт текущий счет и положены деньги большевистской фракции[20].

Руководство социал-демократической фракцией III Государственной думы. Возрождение легальной марксистской печати в России

С неослабевающим вниманием следит Ленин из Парижа за деятельностью членов социал-демократической фракции III Государственной думы. Он дает депутатам указания по вопросам думской тактики, оказывает помощь в подготовке выступлений, помогает составлять отчеты.

Ленин разработал основы тактики марксистской партии по отношению к Государственной думе. Определяющим началом политической линии думской социал-демократической фракции он считал безусловное подчинение всей ее работы делу партии и революции. Во всех вопросах, учил Ленин рабочих депутатов, следует противопоставлять правительственной и либеральной точкам зрения свои социалистические и демократические требования.

Большевистских депутатов в III Думе возглавлял бывший путиловец Н. Г. Полетаев. Он неоднократно встречался с Лениным, между ними велась оживленная переписка. Ленин руководил также работой комиссии содействия думской социал-демократической фракции, созданной летом 1909 года, и вел в ней большую работу. В частности, он написал для фракции «Объяснительную записку к проекту главных оснований закона о 8-часовом рабочем дне», где подчеркивалось, что законопроекты фракции должны в наиболее ясной и четкой форме излагать отдельные требования программы пар-

тии, должны быть проникнуты духом классовой борьбы пролетариата.

Более 60 запросов внесла социал-демократическая фракция в Думу за 5 лет ее работы. Как правило, эти запросы отклонялись, но они служили, как неоднократно подчеркивал Ленин, пропаганде революционных идей. «Российская социал-демократическая рабочая партия,— писал Ленин,—и в черной III Думе сумела поднять знамя революции, сумела помочь и оттуда делу организации и революционного просвещения рабочих...» [21]

Важное значение придавал Ленин тому, чтобы рабочие знали о деятельности их депутатов в Думе. Для этого, в частности, было предпринято издание отчета социал-демократической фракции о ее работе в Думе. Сохранилось письмо Н. Г. Полетаева от 6 (19) апреля 1911 года: «Глубокоуважаемый тов. Владимир Ильич. Мы обсудили предложенные Вами условия составления отчета думской работы фракции... План, который Вы пришлете, мы обсудим... Все необходимые материалы пришлем в скором времени...» [22] 30 апреля 1911 года Ленин сообщает Заграничному бюро ЦК о завершении переговоров по вопросу об издании отчета, которые он вел с Н. Г. Полетаевым.

Известно, что Ленин прилагал огромные усилия к возрождению легальной марксистской печати в самой России. Он рассматривал легальные газеты и журналы как важнейшее орудие политического воспитания рабочих и сплочения их вокруг партии.

В конце 1910 года в России появились два легальных большевистских органа: в Петербурге — газета «Звезда» (первый номер ее вышел 16 (29) декабря) и в Москве — философский и общественно-экономический журнал «Мысль».

Большую редакционную и организационную работу в «Звезде» вели Н. Г. Полетаев, Н. Н. Батурин, К. С. Еремеев, М. С. Ольминский. Активно сотрудничал В. Д. Бонч-Бруевич. В выпуске газеты принял участие В. А. Шелгунов, соратник Ленина по петербургскому Союзу борьбы за освобождение рабочего класса. К участию в газете Ленин привлек и М. Горького. В «Звезде» были напечатаны семь новелл из серии «Сказки об Италии». «Хорошо бы иметь *революционную* прокламацию в типе «Сказок» «Звезды»,— писал в связи с этим Владимир Ильич Горькому.— Очень и очень рад, что Вы помогаете *«Звезде»*. Трудно нам с ней чертовски — и внутренние и внешние и финансовые трудности необъятны — а все же пока тянем» [23].

Целый ряд документов и материалов характеризует огромную работу Ленина по руководству выходившими в России легальными большевистскими изданиями, в частности газетой «Звезда». Он был очень озабочен состоянием переписки с редакцией газеты. Когда в Петербурге готовилось издание «Звезды», Ленин писал В. Д. Бонч-Бруевичу: «...мы надеемся на Вас, а Вы молчите. Так невозможно. Раза два в неделю — это минимум хоть маленьких вестей от Вас, чтобы поддерживать связь и чувствовать близость к делу... Очень прошу поэтому: пишите, пишите почаще и поподробнее... Ваш *Старик»*[24].

В письме в Петербург от 7 декабря 1910 года Ленин просит Н. Г. Полетаева: «...добейтесь, чтобы нам еженедельно писали толком, ясно,

прямо, обстоятельно... без этого мы не можем»[25].

В начале марта 1911 года Ленин получил письмо от одного из редакторов «Звезды», Н. И. Иорданского: «Уважаемый Владимир Ильич! Вы знаете из газет, что произошел погром. Теперь дело обстоит очень слабо, хотя и не безнадежно. По-видимому, значительную роль в погроме сыграла переписка с Вами. Примите это к сведению... Нужно прежде всего усилить финансы... сделайте это поскорее. Штрафы нас совсем подорвали, и газета может лопнуть»[26].

Ленин пересылает это письмо Иорданского, а также тревожное письмо Полетаева одному из членов ЦК РСДРП и поручает ему срочно добыть денег, чтобы газета «Звезда» не была закрыта[27]. Беспокойство Ленина было вызвано тем, что именно в эти дни редакции «Звезды» приходилось работать в условиях постоянных репрессий со стороны царского правительства: штрафов, ареста редакторов, конфискации отдельных номеров. «Конфискуемые номера,— пишет Ленин,— пожалуйста, посылайте особо, заворачивая в правые газеты». И тут же просит: «Обязательно пришлите нам особым пакетиком, завернутым в «Новое время», №№ «Звезды» 24 и 25 лета 1911 г., № 18 (54), № 19 (55), № 22 (58), № 23 (59) - мы их не имеем...»[28]

В переписке с членами редакции Ленин направлял их работу, критиковал ошибки — особенно в первый период — боролся за выдержанное марксистское направление газеты. Уже в начале выпуска ее тираж составлял 7—10 тысяч экземпляров, а в апреле 1912 года, после расстрела рабочих на Ленских приисках, достиг 50—60 тысяч.

Если первый номер газеты «Звезда» Ленина не удовлетворил, то первый номер московской «Мысли» ему очень понравился. «Как нашли "*Звезду*» и *«Мысль»?* — спрашивает он Горького в письме от 3 января 1911 года.— Первая — тускла, по-моему. А вторая — *вся* наша и радует меня безмерно. Только хлопнут ее быстро»[29].

Ближайшее участие в журнале «Мысль» принимали В. В. Боровский, М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов. Идейное руководство, как и в «Звезде», осуществлял Ленин. Он был не только вдохновителем этих двух изданий, но и одним из основных авторов. Его «страшно радовал», по словам Крупской, выход в России легальных органов, где можно было писать большевикам.

«Усиленно стал писать Ильич для «Звезды» и «Мысли»»[30]. Он сам отвозил статьи на Северный вокзал Парижа к поезду, уходящему в Россию, чтобы сдать их там прямо в почтовый вагон. Всего он опубликовал в «Звезде» и «Мысли» за краткий период их существования («Звезда» закрылась весной 1912 года, а «Мысль» — весной 1911 года) более 50 статей и заметок. Среди них особо следует выделить статьи: «Разногласия в европейском рабочем движении» и «О некоторых особенностях исторического развития марксизма», помещенные в первом и втором номерах «Звезды», а также большую статью «Наши упразднители (О г. Потресове и В. Базарове)», написанную в январе 1911 года и опубликованную в № 2 журнала «Мысль».

В статье «О некоторых особенностях исторического развития марксизма» Ленин с исключительной глубиной раскрывает творческий характер революционного марксизма. Упуская эту важнейшую сторону марксизма из виду, пишет Ленин, «мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живу, мы подрываем его коренные теоретические основания — диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии; мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории»[31]. Блестящим образцом творческого марксизма явилась статья Ленина «Разногласия в европейском рабочем движении», которая звучит удивительно свежо и актуально на современном этапе мирового революционного процесса.

Как и предвидел Ленин, журнал «Мысль» «хлопнули быстро». В феврале 1911 года И. И. Скворцов-Степанов был арестован, в апреле «Мысль» была закрыта. В июле того же года Ленин начинает переговоры с М. А. Савельевым (Ветровым) об издании в Петербурге легального журнала «Просвещение» — вместо закрытой царским правительством «Мысли».

«Просвещение» —ежемесячный большевистский теоретический легальный журнал, созданный по инициативе Ленина, издавался в Петербурге с декабря 1911 по июнь 1914 года. Редактором журнала был М. А. Савельев. Тираж его доходил до 5 тысяч экземпляров. Ленин руководил «Просвещением» из Парижа, а затем из Кракова и Поронина. В первом же номере журнала были опубликованы три статьи Ленина.

А 22 апреля (5 мая) 1912 года в Петербурге вышел первый номер ежедневной легальной большевистской газеты «Правда». Ленин был идейным руководителем «Правды», почти ежедневно писал в газету, добивался, чтобы она велась в боевом, революционном духе.

Организация распространения нелегальной литературы

Деятельность Ленина по возрождению легальной марксистской печати в России довольно подробно освещена в советской литературе. Роль Ленина, редактора и публициста, также неоднократно освещалась в целом ряде монографий и обобщающих трудов. Что же касается транспортировки нелегальных изданий из Парижа в Россию — проблемы чрезвычайно существенной, ибо именно для России, во имя подъема революционной работы в России издавали большевики во главе с Лениным газеты и другую нелегальную литературу в Париже,— этот вопрос менее исследован.

Наступление реакции выдвинуло вопрос об издании нелегальной литературы — газет, брошюр, листовок — в число первоочередных задач. Роль партийной печати, как всегда в переломные моменты истории нашей партии, усилилась.

«Нелегальное партийное издательство» в Париже (эту формулировку применяет Ленин, когда в 1909 году в письме хозяйственной комиссии Большевистского центра перечисляет основные статьи расходов[32]) издавало не только газеты. Типография на авеню д'Орлеан печатала и листовки, и брошюры, и партийные документы. Так, например, в 1909 году были

изданы Программа и Устав РСДРП. На обложке брошюры указан адрес типографии[33].

В феврале 1912 года Комитет Заграничной Организации РСДРП, утвержденный на Пражской конференции, выпустил листок «Ко всем социал-демократам, живущим за границей» с призывом организовать митинги протеста с целью заставить пересмотреть дело втородумских социал-демократических депутатов. На листовке указан тот же адрес типографии[34].

И все же основным делом нелегального партийного издательства было издание и последующая транспортировка в Россию газет. Именно в них видел Ленин одно из самых действенных средств политического и организационного руководства комитетами РСДРП.

«Пролетарий», «Социал-Демократ» и «Рабочая газета», издававшиеся в Париже, а также другая литература, выпускавшаяся нелегальным партийным издательством за границей под руководством и при непосредственном участии Ленина, сыграли важнейшую роль в борьбе за сохранение и укрепление РСДРП. Документы и материалы, особенно документы Центрального партийного архива ИМЛ, свидетельствуют о той огромной организационной работе в этой области, которую вел сам Ленин, а также Крупская, члены парижской группы большевиков и другие большевики, занимавшиеся транспортировкой литературы из других городов Западной Европы. Вместе с тем эти документы характеризуют ту напряженнейшую борьбу, которую вел Ленин против ликвидаторов, отзовистов и троцкистов. Особенно это касается писем, связанных с транспортировкой в Россию «Рабочей газеты» — в период, когда против Ленина и большевиков (объединивших свои усилия с меньшевиками-партийцами во главе с Плехановым) выступил антипартийный блок: «голосовцы», «впередовцы» и Троцкий.

Прежде чем конкретно говорить об организации транспортировки литературы, хотелось бы привести один очень любопытный документ. Автор его, Карл Зутте (Зутис), латышский социал-демократ из эмигрантской колонии Сен-Жиль (под Брюсселем), в своем письме в редакцию «Рабочей газеты» хвалит ее первый номер, но к проблеме транспортировки в Россию относится весьма и весьма скептически. «Только что прочел переданный мне вчера 1 номер «Рабочей газеты»,— пишет он.— Он мне очень понравился... Желательно только, чтобы и все последующие номера не уступали первому.

Что касается Вашей просьбы к нашему заграничному комитету о пересылке по несколько сот экземпляров Вашей «Рабочей газеты»... мы это охотно возьмемся сделать... Только с транспортом у нас самих дело обстоит теперь очень и очень скверно.

Во-первых, нет средств сорганизовать правильную доставку, и, во-вторых, наши товарищи в России не особенно беспокоят себя из-за этого же проклятого транспорта. Зараза легализмом дает себя на каждом шагу чувствовать. А неустройство с транспортом... ведь самая главная беда для заграничного издательства.

Издать хороший рабочий листок Вы, конечно, сумеете. Хороших литераторов ведь у вас, русских, сравнительно с другими нациями хоть отбавляй. Но какой смысл писать хорошие статьи, если их никто не будет в России читать...

Удастся ли Вам действительно сорганизовать теперь более или менее правильную доставку — в этом я все-таки позволю себе сомневаться. Ведь практические дела никогда не были Вашей, т. е. русских товарищей, сильной стороной... Желая Вам всего хорошего и особенно хороших транспортов, остаюсь с товарищеским приветом

Ваш К. З.» [35].

Письмо это написано в конце 1910 года. Но еще раньше — в 1908 и 1909 годах — многие высказывали сомнения в возможности наладить систематическую доставку нелегальной литературы в Россию. Слишком велики были препятствия: предстояло найти надежные маршруты, подобрать людей и для отсылки литературы из-за границы, и для приема ее в России, обмануть бдительность охранки, заграничная агентура которой, имевшая своих резидентов в Париже, следила буквально за каждым шагом Ленина. И тем не менее с первых же дней по приезде в Париж Ленин берется за это дело. Он непосредственно возглавляет этот важнейший оперативный участок партийной работы.

Все заграничные группы содействия РСДРП помогали пересылать партийную литературу в Россию. В Париже находилась экспедиция во главе с большевиком Д. М. Котляренко; в Лейпциге — транспортная группа, которой с 1909 по 1912 год руководил большевик О. А. Пятницкий (партийные клички: Осип, Пятница, Альберт, Фрейтаг), один из виднейших специалистов по большевистской подпольной технике, член РСДРП с 1898 года.

«Начались заботы о налаживании транспорта для «Пролетария»,— вспоминает Крупская о заботах Ленина в начале второй эмиграции.— Стали звать за границу из России нашего «спеца» по транспортным делам, Пятницкого... наладившего в свое время очень хорошо транспорт через германскую границу. Но пока ему удалось уйти из-под слежки, из-под ареста, перебраться через границу, прошло чуть не восемь месяцев... Осенью 1908 г. он приехал в Женеву. Сговорились, что он опять поселится там, где жил раньше, в Лейпциге, и будет налаживать транспорт опять через германскую границу, восстановит старые связи» [36].

Пятницкий налаживает целую систему промежуточных пунктов, продумывает гибкую методику переправки нелегальной литературы через германскую границу. Ленин часто приглашает его в Париж. В своих воспоминаниях Пятницкий рассказывает, как внимателен был к нему Ленин, как вникал он в мельчайшие детали труднейшего дела транспортировки [37].

Пятницкий регулярно и подробно информировал Ленина и Крупскую о работе транспортного отдела, о распространении подпольных газет в России. В Лейпциге ему помогали несколько товарищей, в том числе его жена Н. С. Маршак. С помощью немецких социал-демократов Пятницкому удалось организовать в помещении редакции «Лейпцигской народной газеты» склад большевистских нелегальных изданий, который одновременно служил и подпольной базой для специальной упаковки грузов, предназначенных для отправки в Россию.

Заграничное транспортное бюро большевиков

в Лейпциге занималось не только транспортировкой литературы. Иногда через него организовывались поездки за границу к Ленину и обратно на родину целых групп партийных работников. Именно этим путем прибыли в Париж из России ученики школы в Лонжюмо, о чем свидетельствует хранящаяся в ЦПА ИМЛ расписка на имя Альберта (одна из подпольных кличек Пятницкого) от 22 июня 1911 года[38].

Приемная штаб-квартира была создана в Минске. Руководителем ее был одно время С. И. Моисеев (партийные клички — Илья и Зефир). Впоследствии он переехал в Париж и стал одним из активных членов парижской секции большевиков. Когда Моисеев работал в Минске по приемке литературы, которую направлял из Лейпцига Пятницкий, он приезжал к Ленину в Бомбон за инструкциями.

Летом 1912 года после переезда Ленина из Парижа в Краков к самой русской границе, основная транспортная база в Лейпциге, естественно, потеряла свое значение. В ноябре того же года Пятницкий приезжает в Париж. Он пробыл здесь 8 месяцев, а затем ЦК РСДРП посылает его на работу в Россию[39].

Кроме основного маршрута через Лейпциг, откуда литература шла на Минск, существовали и другие маршруты. Так, Г. К. Орджоникидзе организовал отправку литературы транзитом через Россию на Персию (в Энзели), а уже оттуда обратно в Россию Каспийским морем на пароходе до Баку[40].

Через бельгийские порты Антверпен и Гент литература переправлялась на Финляндию и Петербург. Этим занимался И. Ф. Попов. Вначале 1909 года Ленин имел с ним продолжительную беседу, во время которой подробно интересовался проделанной работой[41].

Еще раньше у Ленина было намерение наладить нелегальную транспортировку литературы — и в первую очередь «Пролетария» — через Италию (из итальянских портов в Одессу). В связи с этим он послал 15 января 1908 года из Женевы М. Горькому и М. Ф. Андреевой письмо, которое неопровержимо свидетельствует, что именно Ленин, лично, возглавил сложную, чисто организаторскую работу по связям с Россией, в частности по транспортировке большевистской газеты «Пролетарий».

«Дорогие А. М. и М. Ф!.. — пишет Ленип.— Удивительно соблазнительно, черт побери, забраться к Вам на Капри!.. Только вот насчет срока еще не знаю: теперь нельзя не заняться «Пролетарием» и надо *поставить* его, наладить работу во что бы то ни стало...

Ну, а насчет перевозки «Пролетария» это Вы на свою голову написали. Теперь уже от нас легко не отвертитесь! М. Ф — не сейчас же кучу поручений приходится дать:

1) Найти непременно секретаря союза пароходных служащих и рабочих (должен быть такой союз!) на пароходах, поддерживающих сообщение с Россией.

2) Узнать от него, *откуда* и *куда* ходят пароходы; *как часто.* Чтобы непременно устроил нам *перевозку еженедельно.* Сколько это будет стоить? Человека должен найти нам *аккуратного* (есть ли итальянцы аккуратные?). Необходим ли им адрес в России (скажем, в Одессе) для доставки газеты или они могли бы *временно* держать небольшие количества у ка-

Кого-нибудь итальянского трактирщика в Одессе? Это для нас *крайне важно*.

3) Если невозможно М. Ф — не самой это все наладить, похлопотать, разыскать, растолковать, проверить и т. д., то пусть непременно свяжет нас непосредственно с этим секретарем: мы уже с ним тогда спишемся.

С этим делом надо спешить: как раз через 2—3 недели надеемся выпустить здесь «Пролетарий» и отправить его надо немедленно»[42].

«Наладить, похлопотать, разыскать, растолковать, проверить...»—в этом заключалась сложная, многогранная работа по переправке в Россию нелегальной литературы, которой руководил Ленин сначала из Женевы, а затем из Парижа.

Пересылка «Пролетария» в Россию через Горького и Андрееву была налажена в первые месяцы 1908 года, но проходила с перебоями из-за преследований полиции. Так, однажды Горький в письме редактору «Avanti!» депутату-социалисту Моргари сообщал о том, что в итальянском порту Генуя были задержаны полицией два ящика с газетой «Пролетарий», и просил разъяснить это «странное недоразумение». Письмо Горького было напечатано в «Avanti!» 18 мая 1908 года. Мировая известность русского писателя оказала необходимое воздействие. 25 мая в той же газете было напечатано сообщение, что задержанный груз можно получить на таможне[43].

По вполне понятным обстоятельствам дошедшие до нас документы не дают возможности воссоздать полную картину всех нелегальных маршрутов того периода: их путь и протяженность, имена людей (как отправлявших из-за границы, так и принимавших литературу в России), количество (в экземплярах), даты получения и т. д. Все это в то время конспирировалось самым тщательным образом, и подобных записей, которые могли в любой момент попасть в руки царской охранки, старались не оставлять. Адреса перевалочных и приемных пунктов, имена посредников — все это заучивалось наизусть. Однако сохранились некоторые документы, свидетельствующие об эффективности, в частности, южного маршрута (из итальянских портов в Одессу), о котором хлопотал Ленин в письме к Горькому и Андреевой.

Так, осенью 1908 года в Одессу выезжал О. А. Пятницкий, который по поручению Ленина договорился с В. В. Воровским * о приеме и распределении поступавшей из-за границы газеты «Пролетарий». Затем в октябре 1909 года в Одессу был направлен В. А. Деготь — член парижской группы большевиков. Перед отъездом он встретился с Лениным и получил от него подробные инструкции. Владимир Ильич просил также передать от него лично привет В. В. Воровскому.

В. А. Деготь вез с собой газеты «Пролетарий», «Социал-Демократ» и другую нелегальную литературу. По приезде он включается в работу одесской организации и уже в декабре того же года информирует Большевистский

* Воровский — видный деятель большевистской партии, публицист и литературный критик, соредактор Ленина в 1905 году в газетах «Вперед» и «Пролетарий» — руководил с 1907 по 1912 год одесской большевистской организацией.

центр о поступлении в Одессу из-за границы большого транспорта газет «Пролетарий» ц «Социал-Демократ». И что особенно важно, он сообщает о том, что одесские большевики приняли резолюции об отзовизме в духе «Пролетария» [44].

Таков был непосредственный эффект «маршрутов», результат воздействия ленинского слова, ленинской газеты «Пролетарий», присланной из Парижа, где она печаталась, в одну из партийных организаций России.

Особое внимание уделялось снабжению нелегальной литературой Петербурга и Москвы. В письме от 29 мая 1909 года Крупская специально запрашивала М. В. Кобецкого, посылается ли в Петербург и Москву нужная литература. «Из Питера жалуются, что не получили ни № 44 «Пролетария», ни № 5 ЦО»[45],— с тревогой пишет она.

Очень важно было как можно скорее доставлять не только газеты, но и партийные документы, печатавшиеся в парижской типографии. Приведем в этой связи такой пример. В феврале 1912 года в издании ЦК РСДРП в Париже отдельной брошюрой вышли резолюции VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП и «Извещение» о конференции. Брошюра была напечатана в кооперативной типографии «Идеал» (так стала называться к тому времени типография на авеню д'Орлеан). И вскоре в Париж приходит письмо от 6(19) марта 1912 года из Петербурга от Е. П. Онуфриева: «Дорогая Надежда Константиновна! Извещаю Вас, что транспорт литературы около 2 пудов мы привезли, в том числе и 265 штук извещений... Дело, видно, в будущем у нас будет очень хорошо. Начинаем работать над созывом Петербургской конференции» [46].

После получения этого важного сообщения Крупская пишет 4 апреля в Петербург на адрес Марии Федоровой: «Получена ли литература? Нас известили, что в Питер доставлено 200 штук извещений о конференции. Видели ли эту литературу?» [47]

О том, как некоторые из адресов, удобные для посылки литературы, попадали к Крупской, мы узнаем, в частности, из (Воспоминаний одного из членов парижской группы большевиков, А. С. Гречнева-Чернова: «Н. К. Крупская попросила дать ей адреса моих знакомых в России для пересылки туда нелегальной литературы. Я достал ей печатные списки учителей Одесского учебного округа с подробными адресами» [48].

Кроме посылки больших партий нелегальной литературы на пароходах и по железной дороге весьма эффективным был и другой метод — почтовая рассылка газет по «верным адресам». Этим также занималась Крупская при повседневном наблюдении и с помощью Ленина. Правда, газет таким способом можно было послать, конечно, гораздо меньше. Но зато при наличии сотен адресов большинство газет до-одило до России. Опасность пропажи отдельных экземпляров в пути, конечно, существовала (цензура, перлюстрация писем), но урон был значительно меньше, чем при потере по той или иной причине целой партии нелегального «груза».

В целях конспирации почтовая отправка литературы была рассредоточена по нескольким родам семи стран Европы: Франции, Швей-

царии, Бельгии, Швеции, Дании, Австро-Венгрии и Германии.

Конспиративная отправка газет и другой нелегальной литературы в почтовых конвертах и бандеролях была возложена на Крупскую. Ее главными помощниками-экспедиторами в Швейцарии были член РСДРП с 1898 года В. А. Карпинский, заведовавший в то время библиотекой и архивом ЦК РСДРП в Женеве, и его жена С. Н. Равич (Ольга), а также большевик Г. Л. Шкловский, член РСДРП с 1898 года, работавший в то время в Берне. Из Копенгагена (Дания) транспортировкой в Россию газет «Пролетарий» и «Социал-Демократ», а позднее и «Рабочей газеты», занимался большевик М. В. Кобецкий; он же организовывал пересылку Ленину корреспонденции из России.

Интереснейшая переписка Крупской с Карпинским, Равич, Шкловским и Кобецким, которая хранится в ЦПА ИМЛ, свидетельствует о том размахе, какой получила почтовая рассылка нелегальной литературы в 1908—1912 годах.

Даже на отдыхе не могла позволить себе Надежда Константиновна забыть о своей важнейшей партийной обязанности. 23 июля 1910 года, сразу по приезде на отдых в приморский городок Порник, она садится за письмо в Париж: «Надо прекратить немедля всяческую посылку в Пинегу, Архангельской губернии. Там все письма перехватывают и получка связана со всякого рода неприятностями». И далее просит прислать ей два спрессованных экземпляра «Социал-Демократа». «Я их пошлю сама, — пишет она, — по имеющимся у меня еще адресам» [49].

Накануне выхода первого номера «Рабочей газеты» Крупская пишет в Женеву Карпинскому (письмо датировано 11 ноября 1910 года) : «Уважаемые товарищи! Отвечаю на предложенные Вами вопросы... Денег у нас совсем мало. Еле-еле будет на что издать и разослать первый номер. Но т. к. главная наша цель — переправлять помер в Россию, то может быть мояшо сделать так. Пусть женевские товарищи дают под свою ответственность (т. е. тем, относительно которых они уверены, что газета действительно будет послана) деньги на посылку газеты тем, кто хочет ее посылать.

Желательно бы вести статистику посланным в Россию номерам:

а) куда (в какой город) послано;

б) в организацию или личным знакомым;

в) думает ли посылающий, что газета попадет к рабочим...

Сколько номеров высылать на Женеву? В Цюрих, Берн и Давос мы думаем посылать литературу отсюда непосредственно. В других городах Швейцарии у нас пока связей нет.

Вот и все кажется. Привет всем товарищам. Н. К.» [50].

Чтобы иметь хотя бы приблизительное представление о том, какая огромная работа по рассылке «Рабочей газеты» легла на плечи Крупской и ее помощников, достаточно обратиться к ее письму Ольге (С. Н. Равич) в Женеву от 22 февраля 1911 года, где она сообщает 20 адресов. Письмо это очень интересно и с другой точки зрения: мы видим города, куда шли газеты с ленинским словом, и людей, которые

добровольно брали на себя очень опасную миссию получать их и распространять *.

Адреса все время меняются. Часть из них отменяется из-за того, что царская полиция напала на след и арестовала получателей ленинских газет, или по каким-либо иным причинам. Вместо них посылаются немедленно другие. Интересно в связи с этим письмо, которое Крупская посылает Ольге год спустя, 15 февраля 1912 года **.

Из Швейцарии в Россию ленинские газеты переправляли не только Карпинские из Женевы, но и Г. Л. Шкловский из Берна.

Мы уже приводили письмо Крупской в Женеву за день до выхода «Рабочей газеты». А вот что она писала неделю спустя, 18 ноября 1910 года, Шкловскому:

«Уважаемый товарищ!

Вот и вышла, наконец, «Рабочая газета». Вам вчера уже послан номер. Напишите, как понравилась.

Первый номер напечатан только в 2 тыс. (сильно экономили, еле-еле наскребли денег и на 2-то тысячи), а спрос на газету оказался очень большой, в Париже в один день продали 80 экз. Но так как большую часть отправляем в Россию, то на Берн послали 30 экз...

Надеемся, что бернские товарищи окажут всяческую поддержку в смысле продажи газеты, адресов для посылки в конвертах в Россию, раздобывания корреспонденции и сбора денег. Прилагаю для Бернской группы 2 подписных листа. Сделайте, что можно» [51].

См. Приложение (документ М 2).
См. Приложение (документ № 3).

31 декабря того же года Крупская посылает в Берн Шкловскому адреса для пересылки «Рабочей газеты» в Россию [52].

«Дорогой товарищ, — писала Надежда Константиновна в Копенгаген М. В. Кобецкому И ноября 1910 года, — завтра выходит первый номер популярной «Рабочей газеты»...

Высылаем Вам 10 экз. на толстой бумаге и 5 экз. на тонкой. Надеюсь, что Вы не откажетесь продавать ее в Копенгагене (или найти человека для этого).

Товарищам, которые хотели бы послать газету в Россию по адресам своих личных знакомых, но затрудняются в средствах, можно давать газету даром под условием сообщения города, куда будет послано.

Просим публику, которая сочувственно отнесется к газете, чтобы писали в Россию своим знакомым о присылке корреспонденции, отзывов о газете и пр. Так как денег на Раб. газ. нет, то нужна большая аккуратность в отчетности.

Если у вас есть связи с другими заграничными колониями, особенно в Германии — пришлите нам. Кое-что у нас есть, но нужно больше.

Муж шлет свой привет. Напишите, понравилась ли газета, и вообще напишите.

Крепко жму руку. Н. К.» [53].

12 мая 1911 года Крупская спрашивает Кобецкого: «...Нельзя ли время от времени пересылать через Вас письма в Россию?.. Хорошо бы иметь также пару копенгагенских адресов для «Рабочей газеты» (отдельных от Ц. О.). А затем, м. б., Вы бы могли посылать некоторое количество «Рабочей газеты» в конвертах

из Копенгагена. Необходимые на псе это деньги я, конечно, буду высылать»[54].

Транспорт литературы, почтовая пересылка были процессом регулярным, отнюдь не эпизодическим. За ним все время наблюдал, им руководил лично Ленин. Его практически выполняли Н. К. Крупская, О. А. Пятницкий, В. А. Карпинский, Г. Л. Шкловский, М. В. Кобецкий и многие другие. Это было как бы их постоянным партийным поручением. Но были и отдельные посылки. Речь идет о так называемой «оказии»: каждый товарищ, который ехал из-за границы в Россию, вез с собой, а порой и на себе (в специальных «жилетах») килограммы драгоценной литературы. Вспомним, например, В. А. Дегтя, который вез с собой в Одессу в октябре 1909 года газеты «Пролетарий», «Социал-Демократ» и другую нелегальную литературу.

До нас дошли документы, свидетельствующие о том, что «оказию» Большевистский центр тоже пытался сделать «управляемой». Вот один из таких документов: «Нам страшно нужна оказия в Россию, — пишет Крупская в Женеву жене В. А. Карпинского 24 ноября 1910 года, то есть две недели спустя после выхода первого номера «Рабочей газеты». — Дорогу в один конец могли бы оплатить (нужна оказия, которая взяла бы литературу). Нет ли в Женеве желающих ехать на таких условиях?»[55]

О том, какое значение придавал Ленин «оказии» в частности, а в целом и всему делу транспортировки нелегальной литературы в Россию, свидетельствует его письмо Камиллу Гюисмансу — секретарю Международного социалистического бюро II Интернационала. «Один из моих друзей... — пишет Ленин, — зайдет повидать Вас завтра или послезавтра. Будьте любезны передать ему по одному экземпляру докладов различных партий Копенгагенскому конгрессу. Русским социалистам крайне трудно раздобывать эти доклады. Вот почему очень важно для нас «использовать» путешествия частных лиц, чтобы распространить несколько экземпляров докладов в России.

Примите, дорогой товарищ, мой братский привет. *Н. Ленин*»[56].

Царское правительство неоднократно предпринимало попытки сорвать транспортировку нелегальной литературы из Парижа в Россию.

2 апреля 1909 года временно заведовавший заграничной агентурой охранки в Париже ротмистр Андреев в своем очередном подробнейшем донесении, адресованном лично директору департамента полиции, перечислив все, что делают Ленин и его соратники, пишет: «Большевики заняты теперь постановкой популярного органа и агитационных листков, массового их транспорта и распространения в России»[57].

Слежка приводит к аресту С. И. Моисеева. Царской охранке удалось во второй половине 1910 года заслать в русское транспортное бюро провокатора Брепдинского. Его долго не могли раскрыть.

Вот что вспоминает Крупская о своей встрече с Бреидинским в Париже на улице Мари-Роз, 4, в начале 1912 года. Она была дома одна. Владимир Ильич уехал в Прагу на конференцию.

«Брендинского я знала лишь по имени, он работал по транспорту. Жил он в Двинске. Его главная функция была переправлять полученную литературу в организации, главным образом в Москву...

Разговор с Брендинским у нас вышел очень странный. Мы получали от Пятницы (одна из подпольных кличек О. А. Пятницкого.— *Р. К.)* извещения, что литература благополучно переправлена, что литература доставлена в Москву, а москвичи жаловались, что они ни черта не получают. Я стала спрашивать Брендинского, по какому адресу, кому он передает литературу, а он смутился, сказал, что передает не организации, ибо теперь это опасно, а своим знакомым рабочим. Я стала спрашивать фамилии. Он стал называть явно наобум — адресов-де не помнит. Видно было — врет человек» [58].

Почувствовав, что Брендинский — провокатор и что он связан с охранкой, опытный конспиратор Крупская навела его на ложный след, сказав, что партийная конференция собирается не в Праге, а в Бретани — на севере Франции. Сразу после этого Крупская получила телеграмму от Пятницкого, у которого тоже появились подозрения в отношении Брендинского. Так Брендинский на Пражскую конференцию не попал.

«Я очень гордилась тем, — вспоминает Крупская, — что уберегла конференцию от провокатора. Я не знала, что на Пражской конференции присутствовали и без того два провокатора: Роман Малиновский и Романов (Аля Алексинский) — бывший каприец» [59].

В Центральном партийном архиве НМЛ в фонде Н. К. Крупской хранятся отдельные черновые наброски и заметки, не вошедшие в окончательный опубликованный текст ее воспоминаний. Одна из заметок касается слежки охранки за Лениным.

«В годы реакции, — вспоминает Крупская, — царская провокатура проникала очень настойчиво в эмигрантские группы. В большевистской группе был также провокатор — Житомирский. То, что он был провокатором, открылось уже много позже. Он занимал очень удобную квартиру в XIV округе, охотно предоставлял свою квартиру под ночевки приезжих товарищей. Так, приехавший из России и здорово расхворавшийся Иннокентий жил, кажется, у него около месяца. У него всегда были деньжата для того, чтобы угостить товарищей. В этом человеке было что-то отталкивающее. Раньше я его мало знала, по его хождение на задних лапах перед Ильичем и другими, постоянная услужливость, предложение достать денег на издание листков, его чрезмерная осведомленность невольно заставляла как-то настораживаться.

Раньше Житомирский терся около Берлинской транспортной группы, теперь же транспорт перешел под надзор другого провокатора — Брендинского, разъезжавшего между Вильно и Берлином и разнообразившего места провалов нашего транспорта или прямо отправлявшего его в охранку.

Житомирский же пробрался поближе к Центру, к Ц. О. и «Пролетарию» *. Были провокаторы и в партийной школе в Лонжюмо,

* В Париже Житомирский входил от большевиков в выборные партийные учреждения. Не только Круп-

и на партийной конференции 1912 г., многие остались, вероятно, не раскрытыми...»[60]

Большевики стремились выследить и раскрыть агентов, засылаемых охранкой в их ряды. А. П. Голубков (Давыдов), секретарь Русского бюро ЦК РСДРП, рассказывает в своих воспоминаниях «Из эпохи реакции» о том, как Ленин в Париже в июле 1909 года (после совещания расширенной редакции «Пролетария») давал ему указания по борьбе с провокаторами, проникавшими в партийные организации[61].

Хотя подрывная деятельность Житомирского, Брендинского и других провокаторов нанесла значительный ущерб транспортировке нелегальной литературы, она все же оказалась бессильна преградить ей путь в Россию.

Скептики вроде Карла Зутте, чье письмо мы приводили в начале этой главы, ошибались в весьма существенном моменте: Ленин и большевики были сильны не только своей теоретической, но и чисто практической, организационной работой. Без этого они не смогли бы привести Россию к победоносной революции 1917 года. Транспортировка литературы в 1908—1912 годах из Парижа в Россию — одна из славных страниц этой практической революционной работы.

Разветвленная система транспорта, созданная под непосредственным руководством Ленина, жила и действовала, несмотря на сложнейшие условия, несмотря на весь мощный аппарат царизма, старавшийся перерезать артерии, связывавшие Ленина с Россией. По далеко не полным данным, только с конца октября 1908 по ноябрь 1909 года газета «Пролетарий», например, была направлена в 80 населенных пунктов по 117 адресам[62].

Местные организации, поднимавшие голову после страшного периода столыпинщины, жадно впитывали каждое ленинское слово, доходившее до них из далекого Парижа.

Процесс возрождения и создания партийных организаций проходил по всей стране. Приведем как пример только одну организацию — Екатеринбургскую (на Урале). Ее комитет был тесно связан с Лениным. Один из активных работников екатеринбургской большевистской организации, Сергей Александрович Черепанов, принимал деятельное участие в подготовке Пражской конференции. Его жена, Мария Алексеевна Черепанова, секретарь Екатеринбургского комитета партии, писала Крупской в Париж, сообщала о деятельности организации, просила присылать литературу. И Крупская регулярно отправляла в Екатеринбург нелегальную литературу, в частности «Сониал-Демократ» и «Рабочую газету».

В Париж к Ленину! Подготовка новых кадров

Огромное влияние на возрождение партийных организаций оказали не только статьи Ленина, его письма, советы, но и его встречи с представителями многих местных организаций. Живые нити общения связывали Ленина с ко-

ской чрезмерная «активность» Житомирского казалась подозрительной. Об этом пишет в своих воспоминаниях и Пятницкий *(О. А. Пятницкий.* Избранные воспоминания и статьи. М., 1969, стр. 182—185).

митетами РСДРП всех главных промышленных районов России. Преодолевая слежку, пренебрегая опасностью немедленного ареста по возвращении, с большим риском для себя представители московской, петербургской, уральских партийных организаций, организации моряков Балтийского флота и многих, многих других пробираются через границы нескольких государств, чтобы увидеть Ленина, поговорить с ним, получить от него советы и указания. Множество посетителей из России побывало в маленькой квартирке на улице Мари-Роз.

С большой радостью встречал Ленин каждого приезжавшего из России партийного работника, засыпал его вопросами о делах и нуждах партийных организаций на местах, положении в комитетах РСДРП. Особенно интересовали Ленина жизнь и настроения русских рабочих.

«В эмиграции, — вспоминает Крупская, — Ильич очень тяготился тем, что приходится мало видеть рабочих. Правда, в эмиграции было много рабочих, но они обычно быстро устраивались на работу и жили уже местными французскими или швейцарскими интересами, и жизнь в эмиграции очень быстро накладывала на них свой отпечаток. Поэтому он всегда был рад общению с рабочими, приезжавшими за границу ненадолго. Ильич особенно доволен был работой с рабочими из Каприйской школы, с учениками партийной школы в Лонжюмо»[63].

«Приезд свежего человека, связанного с революционной работой в России, был для Владимира Ильича всегда праздником... — вспоминает и Мария Ильинична Ульянова. — Когда за границу приезжал кто-нибудь из местных работников, особенно из рабочих, Владимир Ильич буквально впивался в него, стараясь рядом наводящих вопросов разузнать о настроениях рабочих в России, и почерпал из таких расспросов очень многое. Безгранична была его вера в рабочие массы, в их творческие силы— Владимир Ильич буквально обсасывал со всех сторон всякого свежего попадавшего за рубеж человека. Особенно любил он беседовать с рабочими, непосредственно сталкивавшимися с массами»[64].

Л. Н. Сталь, член РСДРП с 1897 года, видный партийный работник (в 1905 году она была членом Московского комитета партии, а в 1906-м, как член Петербургского комитета, вела большую работу в военной организации большевиков), вынуждена была в 1907 году эмигрировать. Она жила в Париже и стала активным членом группы большевиков, возглавляемой Лениным. Бывая на квартире Владимира Ильича, Людмила (это была ее партийная кличка) часто наблюдала встречи Ленина с приезжавшими из России товарищами. Вот что она вспоминает в этой связи:

«Жил он очень просто в очень бедной, чистенькой квартире на окраине Парижа. Улица, где он жил, называлась Мари-Роз. Мне довольно часто приходилось бывать у него на квартире, и вот что особенно запомнилось, что Ленин всегда очень приветливо встречал приходящих товарищей. Он сам готовил чай, сам наливал воду, ставил на газ и поил нас чаем. Это была его отличительная черта, на которую обращали внимание буквально все товарищи, и если вы будете читать воспоминания о Ле-

нине, то почти у всех товарищей вы найдете это указание, как Владимир Ильич поил нас за границей чаем; это как-то у него вошло в обычай, что надо товарищей чаем напоить, а затем уже он начинал беседовать. Он всегда был очень внимательный, интересовался, как товарищи живут, причем этот интерес он проявлял не только формально, но всегда бывала какая-то особая задушевность в его улыбке, в его вопросах и заботах. Особенно он интересовался товарищами рабочими, приезжавшими из России. На них он прямо жадно набрасывался, задавал им массу вопросов, чтобы узнать, чем живут и чем дышат рабочие в России. Владимир Ильич умел выспрашивать и из небольших ответов, которые давали ему приехавшие товарищи, составить себе, совершенно незаметно для беседовавших с ним, целую картину настроений рабочих и крестьянских масс в России» [65].

Ленина интересовало абсолютно все о деятельности местных партийных организаций, о России вообще. Особенно было ему приятно получить привет от старых своих друзей. Когда в Париж в 1909 году приехал по поручению Самарского комитета Г. С. Соколов, член РСДРП с 1903 года, активный участник первой русской революции, он не только подробно рассказал Владимиру Ильичу о работе самарской организации, но и передал ему привет от его старого друга по Самаре, А. А. Преображенского.

«В ответ он живо забросал меня вопросами, — вспоминал впоследствии Г. С. Соколов:— «Ну как он живет? Не сдал?» — имея в виду, что некоторые оставшиеся в России товарищи гнетом реакции иногда уходили от борьбы, «сдавали»...

- Нет, не сдал, все такой же революционер; каким был раньше, таким и остался, — ответил Владимиру Ильичу. Этот ответ, видимо, его очень удовлетворил, и глаза его тепло заискрились» [66].

Ленин очень ценил возможность переписываться со старыми друзьями. «Дорогой друг! — пишет он И. И. Скворцову-Степанову из Парижа в Петербург 2 декабря 1909 года.— Получил Ваше письмо от 20.IX.09 и чрезвычайно обрадовался вести от Вас. Жаль, что раньше не было вестей от Вас — мы здесь страшно оторваны теперь... Годы действительно адски-трудные, и возможность сношений с старыми друзьями вдесятеро ценнее поэтому» [67].

Встречи в Париже, вдали от родины, со старыми товарищами по борьбе приносили большую радость Ленину. Вот одна из таких встреч. В конце 1909 года к Ленину приезжает Р. С. Землячка, бывший агент «Искры», делегат II съезда партии, секретарь петербургской, а затем московской партийных организаций. Приехала она из Баку.

«Ильич был счастлив, — вспоминает Землячка, — слушая мои рассказы о Баку, о балаханских рабочих, начинавших нащупывать почву для ликвидации ликвидаторов... Но никогда я не видела Ильича таким озабоченным, осунувшимся, как тогда. Травля меньшевиков, отход многих близких и дурные вести из России преждевременно состарили его. Но... Ленин с той же глубокой верой и энергией продолжал разъяснять, доказывать и убеждать, ни на йоту не усомнившись в грядущей победе рабочего

класса... Когда я уезжала в Россию, Ильич напутствовал меня, указывал, что в дальнейшей моей работе я должна уделять максимум внимания связи с интеллигенцией»[68].

Внимание Ленина к вопросам работы партии среди интеллигенции особенно усилилось в те годы, когда большая часть интеллигенции отошла от революционной работы, испугавшись контрреволюции. Характерно в этой связи, что, когда в январе 1909 года Ленин беседовал на своей квартире с приехавшим из России Ильей Эренбургом, он расспрашивал его о том, каких писателей больше читают, популярны ли сборники «Знание», какие спектакли идут в Москве в Художественном театре и у Корша, о настроении молодежи и т. д.[69]

Настроения молодежи, студенческое движение Ленина очень интересовали. Зная это, товарищи старались пересылать ему документы, связанные с волнениями студентов в России.

Одной из самых трогательных встреч в Париже на Мари-Роз была встреча с Камо (Тер-Петросяном). Он приехал в Париж, просидев в немецкой тюрьме более полутора лет, где симулировал сумасшествие. После этого он был в Метехском замке в Тифлисе (еще год и 4 месяца). Признанный безнадежно больным психически, Камо был переведен в Михайловскую психиатрическую больницу, откуда бежал и приехал нелегально в 1911 году в Париж, чтобы встретиться с Лениным. «Камо попросил меня, — вспоминает Крупская, — купить ему миндалю. Сидел в нашей парижской гостиной-кухне, ел миндаль, как он это делал у себя на родине, и рассказывал... Ильич слушал и остро жалко ему было этого беззаветно смелого человека, детски-наивного, с горячим сердцем, готового на великие подвиги... было решено, что Камо поедет в Бельгию, сделает себе там глазную операцию (он косил, и шпики сразу его узнавали по этому признаку), а потом морем проберется на юг, потом на Кавказ»[70].

И далее Крупская приводит такую, очень характерную для Ленина деталь. Осматривая пальто Камо, Владимир Ильич спросил: «А есть у Вас теплое пальто, ведь в этом Вам будет холодно ходить по палубе?» Дело в том, что, когда Ленин ездил на пароходах, он всегда любил ходить по палубе взад и вперед. Когда выяснилось, что у Камо другого пальто нет, Ленин принес свой мягкий серый плащ.

который ему подарила мать при их последней встрече в Стокгольме и который Владимиру Ильичу очень нравился.

В сентябре 1910 года в Париж после нелегальной работы в Одессе, Николаеве и Екатеринославе приезжает С. И. Гопнер. С волнением подходила она в назначенный час к дому № 4 на улице Мари-Роз. Уже после первых слов Владимира Ильича, после первых же вопросов пережитое молодой революционеркой за последние месяцы на родине представилось ей вдруг в новом свете. Причина была в том напряженном внимании, с которым слушал ее Владимир Ильич. Она рассказала ему о событиях 1909 и 1910 годов в Одессе, Николаеве и Екатеринославе, о попытке издавать в Одессе печатный орган партии, о налете полиции на типографию, о такой же попытке в Екатеринославе, о работе подпольных кружков, о проникновении в кружки тайных агентов охранки, об арестах, о предстоявшем судебном процессе Одесского комитета большевиков.

«В этот вечер, — вспоминает Гопнер, — я впервые испытала всепокоряющую силу воздействия Ленина на людей. Многие современники Владимира Ильича подчеркивают в своих воспоминаниях его способность слушать... К концу беседы я прониклась сознанием того, что и тут, в эмиграции, я пригожусь для партии. В особенности я ободрилась, когда Владимир Ильич предложил изложить мое сообщение в форме краткой корреспонденции для центрального органа партии — «Социал-Демократа», который издавался в Париже и тайно переправлялся в Россию» [71]

Вскоре в этой же квартирке появилась другая молодая большевичка, приехавшая из России, Т. Ф. Людвинская. «Владимир Ильич хотел знать вое, вплоть до малейшей детали,— вспоминает она, — если она помогала воссоздать картину партийной работы... Я рассказала, как жила и работала петербургская партийная организация в эти годы, как пробравшиеся в руководящие органы партии провокаторы проваливали отдельные звенья подпольной организации...» [72]

Ленина особенно интересовало, как петербургские рабочие совмещают нелегальную работу с легальной, как борются они против ликвидаторов и отзовистов.

Большевика И. М. Полонского, бежавшего

из Енисейской ссылки, поразило то обстоятельство, что Ленин держал себя так просто с ним, молодым рабочим. «Я был тогда провинциальным юношей, печатником, — вспоминает Полонский. — Интерес к личности Владимира Ильича заслонил в моей памяти те конкретные вопросы, которые он тогда задавал, помню только, что все они касались положения п стране и взаимоотношений между ссыльными: большевиками и другими политическими партиями» [73].

Григорий Котов, бежавший из Сибирской ссылки в Париж вместе с Полонским, через пять дней после приезда получил через товарищей приглашение от Владимира Ильича прийти к нему. Он еще не был знаком ни с Лениным, ни с Крупской. Они узнали, что из России появился новый человек и, не дожидаясь, пока он сам решится зайти к ним, отыскали и пригласили ого к себе.

«Внешность Владимира Ильича, — вспоминает Котов, — мне описывали товарищи раньше, поэтому я не ожидал увидеть надменного лидера. Все в нем было на удивление просто. А глаза, казалось, пронизывали меня насквозь. Они, высматривая из глубины его громадного лба, были хитровато прищурены и вместе с тем добродушно улыбались».

Прежде всего Ленин расспросил о том, как он себя чувствует в Париже, как устроился. Затем он стал расспрашивать о дороге, о том, откуда и почему он приехал. Узнав, что Котов бежал из ссылки, Ленин стал расспрашивать его, как живут ссыльные, каков их социальный и партийный состав, какие политические течения имеются среди ссыльных, занимаются ли они чем-нибудь, какие у них взаимоотношения местными крестьянами, организованы ли они. Он очень интересовался, какие именно газеты и журналы получают ссыльные вообще и в частности, как регулярно доходит к ним нелегальная литература из-за границы. Все это Котов рассказывал ему с большой охотой. Прощаясь, он получил приглашение заходить к ним и впредь. «Простота, товарищеская задушевность, внимание и всеохватывающий интерес к людям, умение открыть душу человека и своим наиострейшим взглядом высмотреть в ней все интересное — вот что было особенно присуще Владимиру Ильичу» [74],— вспоминает Котов.

А. С. Гречнев-Чернов приехал в Париж в мае 1909 года после нелегальной работы в Донбассе. Ленин расспрашивал его о Горловском вооруженном восстании, интересовался деталями боевых действий, поведением дружинников, настроениями рабочих во время восстания и после его поражения, расспрашивал об отношении Гречнева-Чернова к профсоюзам.

Вот каким увидел Ленина Гречнев-Чернов: «На вид ему было лет сорок; он был чуть ниже среднего роста, коренастый, пропорционально сложенный. Его крупную голову правильной формы, с большим, выпуклым лбом, с боков и на затылке покрывали волосы каштанового оттенка, без седины... А глаза у него были чудесные. Они выражали волю, целеустремленность, мягкость и в то же время настойчивость. Часто в них вспыхивали огоньки иронии, и в это время, как-то особенно поблескивая, они сужались и делались насмешливыми. Владимир Ильич неясно выговари-

вал звук «р»... Я ответил на все его вопросы»[75].

Интересны первые впечатления о встрече с Лениным, которые Г. К. Орджоникидзе, приехавший в Париж 31 января 1911 года и прямо с вокзала отправившийся на квартиру к Ленину, сообщает в своем письме в Баку: «Он с внешней стороны похож на типичного русского рабочего... ничуть не дает чувствовать, что дело имеешь с человеком, стоящим в миллион раз выше тебя, напротив, с первой же встречи как будто обнимает тебя всей душой. Я оставался у него часа 3—4. Беседовали обо всем, о Персии, о Баку, о Кавказе и др. Потом мне нашли комнату и поместили...»[76]

Как известно, Орджоникидзе приехал в Париж по направлению бакинской организации РСДРП для учебы в ленинской партийной школе. Задолго до начала ее работы Ленип встретился с бывшими учениками каприйской школы.

16 ноября 1909 года к Ленину пришел Н. Е. Билонов. Это был человек нелегкой судьбы. Рабочий, активный революционер, он в 1906 году был партийным организатором Лефортовского района, входил в состав Московского комитета РСДРП. После очередного ареста Билонов был сослан в Астраханскую губернию. В арестантских ротах нажил он туберкулез легких (эта болезнь и послужила причиной его безвременной смерти в 1910 году).

Когда Михаил попал за границу (ему удалось бежать из ссылки), он стал одним из организаторов школы на Капри, совершенно искренне полагая, что принесет пользу рабочим, которых агитировал ехать в эту школу. Однако вскоре Билонов убеждается в антипартийном характере школы. Он порывает с фракционерами-отзовистами и вместе с группой слушателей уезжает по приглашению Ленина в Париж.

«Помню первую встречу с Вилоновым, — вспоминает Крупская. — Начал он рассказывать о своей работе в Екатеринославе. Из Екатеринослава нам часто писал раньше корреспонденции какой-то рабочий, подписывавшийся «Миша Заводский». Корреспонденции были очень хороши... «Не знаете ли Вы Мишу Заводского»,— спросила я Вилонова. «Да это я и есть», — ответил он. Это сразу настроило Ильича дружески к Михаилу, и они долго проговорили в тот день»[77].

Вечером того же дня под впечатлением разговора с Вилоновым Ленин пишет письмо Горькому. «Дорогой Алексей Максимович! Я был все время в полнейшем убеждении, что Вы и тов. Михаил — самые твердые фракционеры новой фракции, с которыми было бы нелепо мне пытаться поговорить по-дружески. Сегодня увидел в первый раз т. Михаила, покалякал с ним по душам и о делах и о Вас и увидел, что ошибался жестоко... школа черпнула из настоящей рабочей жизни настоящих рабочих передовиков... на Капри развернулось противоречие между частью с.-д. интеллигенции и рабочими-русаками, которые вывезут социал-демократию на верный путь *во что бы то ни стало*... Такие люди, как Михаил, тому порукой».

Это замечательное письмо наполнено страстной верой Ленина в силы рабочего класса, который, по его словам, обязательно «выкует

превосходную революционную социал-демократию в России... Такие люди, как Михаил, тому порукой»[78], — вновь повторяет в этой связи Ленин.

Вместе с пятью своими товарищами рабочими, исключенными, как и он, из каприйской школы, Вилонов слушает в Париже в конце ноября 1909 года курс лекций, которые Ленин читает специально для них, отложив все свои дела.

На январском Пленуме ЦК 1910 года Вилонов был намечен большевиками кандидатом в состав ЦК. Однако болезнь его обострилась. По инициативе Ленина его устраивают в санаторий. Ленин пишет Вилонову, трогательно беспокоится о его здоровье, рассказывает о партийных делах.

«Дорогой товарищ Михаил! — читаем мы в письме от 27 марта 1910 года. — Как-то Ваше здоровье? Поправляетесь ли? Напишите об этом, сообщите точно, прибываете ли в весе и насколько именно.

У нас примиренческо-объединительный туман начинает рассеиваться. Посылаю Вам оттиск из № 12 «Социал-Демократа» *. Из него Вы увидите, что с голосовцами пошла драка вовсю...

Будьте здоровы и пишите. Жму руку. Ваш *Ленин*»[79].

7 апреля 1910 года Ленин посылает Вилонову резолюцию, принятую за три дня до того меньшевиками-партийцами (находившимися в Париже), о необходимости закрытия ликвидаторской газеты «Голос Социал-Демократа» согласно решению январского Пленума ЦК РСДРП 1910 года.

Ленин все время старается держать Михаила в курсе партийных дел, надеется использовать его замечательные организаторские способности, его преданность делу рабочего класса для революционной работы. Однако Михаилу становится хуже. 30 апреля Ленин пишет письмо М. М. Золиной (жене Вилонова, жившей с ним в Давосе):

«Дорогой товарищ! Благодарю, что известили о положении Михаила. Я сейчас же предпринял шаги для проведения ему субсидии... *Во всяком случае* необходимо было бы добиться, чтобы Михаил продолжал лечение, оставался пока в Давосе до полного выздоровления.

Жму крепко руку. Ваш *Н. Ленин*»[80].

К несчастью, болезнь Вилонова быстро прогрессировала. И 1 мая 1910 года он скончался. Ему было всего 27 лет.

Вместе с Вилоновым слушать лекции Ленина в Париж приезжали исключенные ученики каприйской школы: И. И. Панкратов (Ваня-Казанец), В. Е. Люшвин (Пахом), Н. Н. Козырев (Фома), Н. У. Устинов (Василий) и А. С. Романов (Аля Алексинский) *. Среди них особенно отличался, по словам Крупской, сво-

лартии™ fe^C7iwi r« ™ атоРов яротив ПСС, т. 19, стр. 202^0). Социал -Д «крата»)» (ш.

* В 1910 году, после возвращения в Россию, Романов был арестован и стал постоянным сотрудником охранки, одним из крупных провокаторов. В 1912 году он дал охранке сведения о VI (Пражской) конференции, на которой присутствовал.

ей активностью и прямолинейностью И. И. Панкратов, молодой рабочий, вступивший на путь революционной борьбы в 1905 году. Каждого из прибывших Владимир Ильич расспрашивал о его работе в России. Панкратов рассказал о событиях на Московско-Казанской железной дороге в 1905 году, об октябрьской всеобщей забастовке, о декабрьском вооруженном восстании, о том, как в июле 1906 года большевикам удалось остановить работу железнодорояшых мастерских и добиться от администрации восстановления всех уволенных после забастовки; рассказал, что когда к двухтысячной толпе рабочих вышел начальник мастерских, то его от страха так прошибло потом, что чесучевый костюм на нем стал мокрым. Этот эпизод особенно понравился Ленину.

По возвращении в Россию Панкратов работает в Петербурге как представитель Большевистского центра, проводя в жизнь ленинские наставления. Но работать пришлось ему не долго. Он был арестован в начале 1910 года и выслан в Сибирь на вечное поселение.

Царское «правосудие» карало всех, кто осмеливался общаться с Лениным: кроме Панкратова в России были арестованы один за другим посланные на нелегальную работу Б. А. Бреслав, И. И. Шварц, И. Ф. Дубровинский, И. Ф. Арманд. Однако, несмотря на постоянную опасность, на угрозу немедленного ареста но приезде в Россию, все новые и новые революционеры приезжают к Ленину. Линия Россия — Франция — Россия действует непрерывно.

В конце декабря 1909 года в Париже появляется вторая группа слушателей каприйской школы. Ленин читает им лекции о текущем моменте, о столыпинской реформе и ее курсе на «крепкого» крестьянина, о ведущей роли пролетариата и о думской фракции. Один из «каприйцев» (так называли бывших учеников каприйской школы) задал во время беседы вопрос — правда ли, что он теперь ставит работу Государственной думы выше агитации в войсках. Ленин «улыбнулся, — вспоминает Крупская, — и заговорил о важности думской работы. Конечно, он нисколько не думал, что нужно в какой-нибудь мере ослаблять работу в войсках, но считал, что ее нужно как можно глубже законспирировать. Об этой работе надо было не говорить, а делать ее» *. Как раз

* О том, какое значение придавал Ленин революционной работе в войсках, свидетельствует его тес-

в это время Ленин получил письмо из Тулона (порт на юге Франции) от группы моряков социал-демократов с русского крейсера «Слава». Они просили прислать им литературу и командировать человека, который помогал бы

пая связь с моряками Балтийского флота. В 1911—1912 годах яа всех крупных кораблях Балтийского флота ведется нелегальная работа, организуемая большевиками, живущими в Финляндии. Там работали в то время А. В. Шотман, Э. А. Рахья. Н. И. Кокко, С. В. Воробьев и др.

В начале февраля 1912 года к Ленину приезжает представитель финляндской социал-демократической организации А. В. Шотман. Он был послан в Париж, чтобы сообщить Ленину, что в Финляндии все готово к восстанию (предполагалось силами флота захватить Своаборгскую и Кронштадтскую крепости), и получить соответствующие инструкции. Ленин с большим интересом расспрашивал Шотмана о нелегальной организации, работавшей во флоте, по указал на нецелесообразность в данный момепт таких выступлений. Главный аргумент Ленина заключался в том, что вряд ли восстание сейчас будет поддержано питерским рабочими, а без этого оно было бы обречено. Ленин советовал укрепить связи с рабочими Петербурга *(Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 200).

4 месяца спустя в статье «Революционный подъем» (июнь 1912 года) Ленин писал, что одним из залогов будущего успеха является тесная связь между забастовочным движением пролетариата и вооруженным восстанием в армии. Но Ленин предупреждал от неподготовленных всесторонне, преждевременных выступлений. Летом 1912 года в Балтийском флоте, после того как по всей стране прошла волна выступлений против расстрела на Лене, снова начались выступления. И снова большевики Балтики шлют к Ленину своего представителя. «А в Балтийском флоте кипит! — сообщает Ленин в письме Горькому.— У меня был в Париже (между нами) специальный делегат, посланный собранием матросов и социал-демократов» (ПСС, т. 48, стр. 84).

вёстй революционную работу среди моряков. \\ Ленин направил туда одного из членов парижской группы большевиков. Однако «каприйцам» он об этом не сказал ни слова (из конспиративных соображений) [ш].

Проезд первой группы слушателей с острова Капри до Парижа, содержание их в Париже и проезд в Россию оплачивал Большевистский центр. Содержание в Париже второй группы слушателей также оплачивал Большевистский центр [82].

Продолжением каприйской школы стала отзовистская фракционная школа в Болонье (ноябрь 1910—март 1911 года). Среди ее лекторов были Л. Д. Троцкий и А. А. Богданов. Ленину было в конце 1910 года послано приглашение читать лекции в болонской школе. Он отказался ввиду антипартийного направления и раскольнических действий организаторов этой школы и пригласил слушателей приехать в Париж. В письме «Товарищам — слушателям школы в Болонье» Ленин 3 декабря 1910 года писал: «И направление, и приемы деятельности той группы, которая устроила школу на Капри и в Болонье, я считаю вредными для партии и несоциал-демократическими... Но, разумеется, *слушателям* школы в Болонье я с величайшим удовольствием, независимо от их взглядов и симпатий, готов прочесть ряд лекций и по вопросу о тактике, и о положении партии, и об аграрном вопросе. Для этого позволю себе пригласить товарищей слушателей на обратном пути в Париж... Париж достаточно велик, чтобы устроиться в нем вполне конспиративно... а кроме того можно устроиться в окрестностях Парижа» [83].

Занятия в Париже так и не состоялись. Организаторы, помня опыт каприйской школы, не пустили слушателей к Ленину. А в окрестностях Парижа — в Лонжюмо — вскоре начала функционировать ленинская школа, сыгравшая выдающуюся роль в укреплении партийных организаций и их сплочении.

Незадолго до открытия школы в Лонжюмо, весной 1911 года, Ленин читает ряд лекций на Курсах социальных наук *л* Париже *. Первую из них он прочитал 9 февраля 1911 года, в день открытия курсов (эта лекция открывала цикл «Начала политической экономии»). Сохранился план четвертой лекции Ленина «Начала политической экономии». Слушатели курсов были рабочие, как члены партии, так и беспартийные. Было предусмотрено, что слушателям (а их приходило на каждую лекцию до 100 человек) будут выдаваться программа и конспекты лекций. Вот почему единственный документ, до нас дошедший, — план четвертой лекции Ленина, — был размножен на стеклографе в виде листовки, изданной организационной комиссией Курсов социальных наук[84].

Школа в Лонжюмо была высшей школой революционного марксизма для рабочих, делегированных из России местными партийными организациями, а также для тех профессиональных революционеров, которые жили в эмиграции, но должны были сразу же после окончания школы поехать в Россию на подпольную работу. Первых называли слушателями школы, вторых — вольнослушателями.

Слушателями школы в Лонжюмо были представители партийных организаций крупных пролетарских центров России: из Петербурга — рабочий-металлист И. С. Белостоцкий («Владимир»), работница фабрики «Треугольник» А. И. Иванова («Вера») и рабочий-металлист М. Е. Клоков («Георгий»); из Москвы — рабочий-кожевник И. В. Присягин («Стеан») и рабочий-ткач «Александр-поэт»; из ормова — рабочий-кровельщик И. Д. Чугурин («Петр»); из Баку — рабочий А. И. Догадов («Павел»); из Николаева — рабочий-металлист Андреев («Иван»); из Домбровского района (Польша) — рабочий-электромонтер

* Имеются сведения о том, что ранее (в начале 1909 года) Ленин читал лекции по философии в кружке большевиков в Париже (ПСС, т. 17, стр. 644; «Красный Архив», 1934, № 1 (62), стр. 218).

Э. Прухняк («Олег»); из ЁкатеринаСлавской губернии — рабочий Я. Д. Зевин («Савва»); из Тифлиса — Г. И. Уротадзе («Вано»). Двое учеников школы — С. Искрянистов («Василий» из Иваново-Вознесенска) и М. Н. Малиновский («Андрей» из Москвы) оказались провокаторами.

Почти все ученики школы имели большой практический опыт подпольной работы. Многие из них являлись активными участниками революции 1905—1907 годов и прошли суровую школу царских тюрем и ссылки.

Школа в Лонжюмо создавалась в ожесточенной борьбе с ликвидаторами, отзовистами и другими антиленинскими течениями и группами. Враги упрекали школу во «фракционности», а ее организаторов-большевиков во главе с Лениным — в сектантстве. Однако необходимо подчеркнуть, что одной из основных особенностей школы в Лонжюмо явилось то, что она стала именно общепартийной — в отличие от фракционных отзовистских школ на Капри и в Болонье.

Об общепартийном характере школы в Лонжюмо свидетельствует прежде всего состав ее слушателей. Из 18 учеников школы 10 были большевиками (в том числе все пять вольнослушателей: Г. К. Орджоникидзе, И. И. Шварц, Б. А. Бреслав, С. М. Оемков, В. Н. Манцев), 4 причисляли себя к меньшевикам-партийцам, 1 был впередовцем, 1 — польский социал-демократ, и, наконец, двое называли себя «нефракционными».

Отбор слушателей на местах производился партийными организациями без различия принадлежности кандидатов к тому или иному течению в партии теми организационными коллегиями, которые стояли наиболее близко к массам в данном районе, данном городе. В тех же случаях, когда из-за полицейских преследований выборы произвести было невозможно, агент школьного комитета — большевик, посланный в Россию для организации выборов в школу, — направлял учеников в Париж, руководствуясь рекомендациями партийных работников, заслуживавших доверия.

Полномочия учеников утверждались школьным комитетом (этот комитет, созданный по решению январского Пленума ЦК РСДРП в 1910 году, провел большую подготовительную работу по организации школы в Лонжюмо; от большевиков в него входил Н. А. Семашко), а также мандатной комиссией, в состав которой

от учеников школы были включены Я. Д. Зевин и А. И. Догадов.

В мандатах подчеркивался общепартийный характер школы. «Товарищ податель сего выбран группою социал-демократов города Николаева в партийную школу, — говорится в одном из мандатов. — Группа посылает товарища в школу общепартийную... Если при существовании школы партийной представитель от Николаева предпочтет ей школу фракционную, или, будучи в общепартийной школе, поведет в ней фракционную политику, — то он теряет представительство от Николаева»[85].

Об общепартийном характере школы в Лонжюмо говорит и состав ее лекторов. Они принадлежали к различным течениям в РСДРП. Это обстоятельство должно было, по замыслу Ленина, дать возможность ученикам школы своими глазами увидеть представителей всех, в том числе и новых, группировок. Ученики должны были сами убедиться в ошибочности тех или иных взглядов отдельных группировок. Однако следует подчеркнуть, что, несмотря на различные оттенки в составе лекторов Лонжюмо, среди них не было ни одного ликвидатора, ни одного открытого врага партии, в то время как в болонской школе — как подчеркивалось в одном из документов школьного комитета — лекторы «воспитывали рабочих в антипартийном духе, проповедуя идеи отзовизма, ультиматизма и махизма, давая возможность Троцкому сделать школу орудием блока ликвидаторов и отзовистов»[86].

Среди лекторов в Лонжюмо были В. И. Ленин, Н. А. Семашко, И. Ф. Арманд, Ю. М. Стеклов, Г. Е. Зиновьев и Л. В. Каменев, один меньшевик-партиец (Шарль Раппопорт), два представителя группы «Вперед» (А. В. Луначарский и Станислав Вольский), один польский социал-демократ (В. Л. Ледер), один деятель социал-демократии Латышского края (Я. Э. Янсон), один бундовец (И. Давидсон) и двое примиренцев (Д. Б. Рязанов и М. К. Владимиров). Меныпевики-голосовцы не представили ни одного лектора в Лонжюмо, хотя четырем из них (а именно Дану, Мартову, Волонтеру и Маслову) были отправлены приглашения. Свой отказ от чтения лекций они аргументировали ссылкой на якобы «фракционный» характер школы. Письмо за подписью Мартова, Дана и других, где содержались эти необоснованные нападки, обсуждалось на собрании учеников школы и вызвало их резкий протест[87].

Регулярные занятия начались в мае и продолжались до 17 (30) августа 1911 года. Основную часть лекций прочли лекторы-большевики. Из 158 лекций на их долю падает 98.

Курс охватывал как чисто теоретические проблемы, так и практические вопросы текущей партийной жизни. Были прочитаны лекции по истории РСДРП, истории социалистического движения на Западе, профессиональному движению, рабочему законодательству на Западе и в России, кооперативному движению, об отношении социал-демократической партии к парламентаризму (и в связи с этим о работе социал-демократической фракции в III Думе), о национальном вопросе в программе РСДРП и т. д.

Занятия в школе не сводились только к

лекциям. Слушатели самостоятельно работали над первоисточниками, делали доклады, выступали на семинарах. С ними проводились практические занятия. Писать корреспонденции, заметки в газету учила их Надежда Константиновна Крупская. Об этом мы узнаем из письма Я. Д. Зевина, направленного из Парижа в Россию.

«Здравствуй, дорогой товарищ!.. — пишет он. — Покуда идут подготовительные занятия, Ленин читает с нами Коммунистический Манифест... В школе будут читать Плеханов о материалистическом понимании истории, Ленин о политической экономии, Рязанов о профсоюзном движении и др. Роза Люксембург, кажется, будет. Список лекторов будет составляться сообща с нами... Когда примем программу, тогда я ее пришлю. Читать покуда еще не читаем, так как приехал я еще 4 дня как только, но теперь взялся приготовить небольшой реферат «Что такое профессиональные союзы и каковы они должны быть, т. е. нейтральные или партийные»... Город я еще не осматривал, в воскресенье пойдем в Лувр и, наверное, будем каждое воскресенье осматривать его исторические редкости... Иду на занятия, учимся писать статьи и корреспонденции в газеты. Учит жена Ленина.

Крепко жму руку, привет всем»[88].

Занимались слушатели упорно и очень продуктивно. «Нам приходилось основательно работать, — писал впоследствии в своих воспоминаниях один из учеников школы Б. А. Бреслав. — Как-то стыдно было оскандалиться перед Ильичей»[89].

Идейным руководителем школы, подлинной душой ее и ведущим лектором был Ленин. Он прочел в Лонжюмо 56 лекций. Еще до открытия школы Владимир Ильич провел с частью слушателей занятия о «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Ленин прочел в школе 29 лекций по политической экономии (43 часа), в которых он с изумительным педагогическим мастерством изложил «Капитал» Маркса и подверг критике буржуазные теории о взаимоотношении труда с капиталом.

В курсе лекций по аграрному вопросу (12 лекций — 18 часов) Ленин познакомил слушателей как с теорией аграрного вопроса, так и с аграрным законодательством царского правительства за последние годы. 12 лекций были посвящены теории и практике социализма в России. В этом курсе дан разбор основных течений в РСДРП и главнейших партийных решений. Кроме того, по просьбе слушателей Ленин прочел три лекции о материалистическом понимании истории (этот курс должен был, по первоначальному замыслу, читать Плеханов, но он не смог приехать), а также реферат о текущем моменте и о положении дел в партии.

Все выступления Ленина в школе были теснейшим образом связаны с практикой революционной борьбы, они давали ученикам не только глубокие теоретические знания, но и руководство к действию. «От его лекций веяло дыханием революции»[90], — вспоминает А. И. Иванова.

Во внеучебное время Владимир Ильич часто беседовал со слушателями по вопросам партийной практики, подробно расспрашивал

об их деятельности в России, о семье, об условиях жизни.

В Лонжюмо до сих пор сохранился домик, где Ленин и Крупская снимали летом 1911 года две маленькие комнатушки (Гранд-рю, № 91). На фасаде этого дома в 1946 году была прикреплена мемориальная доска с надписью: «Здесь жил и работал в 1911 г. В. И. Ленин, теоретик и вождь мирового коммунистического движения, основатель Советского Союза». Домик принадлежал торговцу горчицей. Соседом Ленина был рабочий-кожевник с семьей.

Сохранилось и помещение по адресу Гранд-рю, 17, где помещалась школа: большое застекленное помещение в глубине двора дома, принадлежавшего Леону Дюшону. Первоначально оно служило складом и каретным сараем. Потом, в 1908 году, Дюшон сдал его столяру Картевийя, который открыл здесь мастерскую. Но дела у него пошли плохо, и в 1911 году он уехал. Увидев это освободившееся помещение, Ленин снял его на несколько месяцев.

Мастерская представляла собой довольно большую, почти квадратную комнату, ее застекленные фасады выходили один во двор, другой на соседнюю улицу, на каждой стороне была дверь. Две другие стены из песчаника не имели окон, но застекленные фасады пропускали достаточно света.

Инесса Арманд с помощью нескольких товарищей сумела превратить столярную мастерскую в учебное помещение. В один угол свалили старый инструмент и всякий хлам, валявшийся повсюду, в комнате поставили скамейки, несколько табуретов, длинный стол, у хозяина дома взяли маленький стол и соломенный стул к нему — получилась «кафедра» для преподавателей.

Прошло больше полувека, над Францией прогремели две мировые войны, но маленькая мастерская, где помещалась ленинская школа, сохранилась. Здесь теперь опять мастерская: сын Леона Дюшона, Морис, занимается слесарным ремеслом.

Морис Дюшон видел Ленина в 1911 году, помнит его, сохранил в памяти и облик некоторых преподавателей и учеников школы в Лонжюмо.

В Лонжюмо родился и вырос Огюст Жилло, коммунист, бессменный мэр Сен-Дени с августа 1944 года. Он учился там в начальной

школе до 1915 года, там же обучался ремеслу кузнеца. В 1927 году его избрали казначеем местной ячейки коммунистов. С 1934 года Жилло целиком посвящает себя политической работе, главным образом в Сен-Дени. «Сколько раз,— рассказывал он Жану Фревилю,— по окончании занятий в школе мы играли в прятки около дома с двумя выходами, где жил Ленин (№ 91 по Гранд-рю), не подозревая, что за несколько лет до того здесь проходил Ленин!» [91]

Кроме мастерской у Л. Дюшона сняли и часть дома, выходившую на Гранд-рю: две комнаты внизу (здесь устроили столовую — «коммуну» для слушателей и преподавателей) и три наверху. Некоторые ученики жили в доме № 60 по той же улице.

Лекции Ленина, ежедневное общение с ним запечатлелись в памяти его учеников на всю жизнь. «Ленинская школа в Лонжюмо! — вспоминает И. С. Белостоцкий.— Мы, ученики ее, обогатились там не только политическими знаниями, ознакомились с достижениями культуры, но научились ленинской непримиримости к врагам, беспощадной борьбе с ними на нашем трудном революционном пути». «Лонжюмо,—говорил Я. Д. Зевин,—это такие светлые страницы моей жизни, что я никогда их не забуду» [92].

О высокой оценке школы в Лонжюмо ее выпускниками свидетельствует отчет, написанный Н. А. Семашко — представителем большевиков в школьном комитете. В этом документе, созданном по горячим следам событий (в сентябре 1911 года), говорится: «Все слушатели без различия течений сходились в констатировании того громадного значения, какое имела для них партийная школа... С удовольствием отмечали они, что школа дала им не только фактические сведения, но, что важнее, сообщила им основы марксистского миросозерцания... Гораздо яснее стало для них и... общепартийное положение, понятнее партийный кризис, виднее выход из него» [93].

Слушатели школы — ученики Ленина хорошо понимали, что для выхода из партийного кризиса нужна была конференция, которая сплотила бы подлинно партийные силы и окончательно отсекла все оппортунистические элементы. Ленин подчеркивал, что конференция необходима «в первую голову, прежде всего, немедленно и во что бы то ни стало» [94].

Заграничная организационная комиссия, созданная на июньском совещании членов ЦК в 1911 году для подготовки конференции, решила использовать учеников школы для восстановления связей с подпольными социал-демократическими организациями России. «Ввиду того, что в числе слушателей общепартийной школы находится много товарищей, только что прибывших с мест и непосредственно связанных с организациями на местах,— говорится в письме комиссии школьному комитету от 8 июля 1911 года,— ОК считает чрезвычайно желательным обсудить совместно со слушателями школы некоторые вопросы, связанные с конференцией, как-то: организация выборов представителей нелегальных организаций, возможность объединения нескольких организаций для посылки одного представителя, привлечение деятелей легальных организаций и т. д. и т. п.» [95].

Для подготовки конференции в Россию, по рекомендации Ленина, еще до окончания курса занятий, были посланы Г. К. Орджоникидзе (Серго), Б. А. Бреслав (Захар) и И. И. Шварц (Семен). Обсуждая с товарищами задачи предстоящей поездки, Серго говорил: «Раньше от ЦК уезжали в Россию высококвалифицированные интеллигентные работники... а теперь их нет, значит, очередь за нами, Захарами, Семенами и т.п. незаметными работниками партии»[96]. Он имел в виду известное обстоятельство, что в период нарастания нового революционного подъема руководящая роль в местных организациях и в партии в целом переходит к рабочим (взамен интеллигентов, откачнувшихся в большинстве своем от нелегальной работы после поражения революции 1905-1907 годов).

Школа в Лонжюмо дала теоретическую закалку слушателям, в частности, помогла и дальнейшему идейному становлению, переходу на большевистские позиции слушателей меньшевиков-партийцев. Выпускники школы Лонжюмо смогли еще более успешно, чем раньше, руководить подпольными партийными организациями, нести в массы великие ленинские идеи *.

Через школу Ленин смог еще теснее связаться с местными партийными организациями пославшими в Лонжюмо своих представителей. «Ильич был очень доволен работой школы»[97], — вспоминает Крупская.

Деятельность школы в Лонжюмо, судьба ее учеников — одно из многих свидетельств неразрывной связи Ленина с Россией в период парижской эмиграции.

Через переписку и встречи с представителями комитетов РСДРП и отдельными партийными работниками, через большевиков — членов социал-демократической фракции III Государственной думы, через статьи в «Пролетарии», «Социал-Демократе» и «Рабочей газете», через легальную большевистскую печать, выходившую в России, через русских рабочих, учившихся у него в Париже и в Лонжюмо, Ленин осуществлял практическое руководство партийными организациями России.

Почти все враждебные ленинизму историки, касаясь жизни Ленина во второй эмиграции (во Франции и в Швейцарии), пишут о его «оторванности» от России, от русского революционного движения. Клеветническая вер-

* Выпускники школы Лонжюмо приняли активное участие в подготовке VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП. Пятеро из них были выдвинуты делегатами этой конференции (Б. А. Бреслав, А. И. Догадов, Я. Д. Зевин, Г. К. Орджоникидзе, И. И. Шварц). На Пражской конференции Г. К. Орджоникидзе был избран в Центральный Комитет партии. На первом заседании вновь избранного Центрального Комитета был кооптирован в его состав И. С. Белостоцкий. 3 апреля 1917 года, когда Ленин возвратился из эмиграции в Россию, И. Д. Чугурин — как представитель Выборгского райкома партии — вручил Ленину (в ознаменование его возвращения на родину) партийный билет № 600 большевистской организации Выборгской стороны Петрограда («Правда», 22 декабря 1963 г., стр. 6). Ленинские ученики были в первых рядах великих битв Октябрьской революции и гражданской войны. Двое из них пали смертью храбрых осенью 1918 года: Я. Д. Зевин был расстрелян в числе 26 славных бакинских комиссаров, И. В. Присягин замучен колчаковцами.

сия о том, что Ленин, большевики после революции 1905—1907 годов и вплоть до октября 1917 года якобы не имели никакого влияния (или во всяком случае влияние крайне незначительное) на революционное движение в России; что Ленин за время своей эмиграции был «всеми забыт в России», варьируется почти во всех «трудах» буржуазных и реформистских историков, посвященных русской революции. Так, Г. Катков, эмигрант, покинувший Советскую Россию в 1921 году и сделавшийся «специалистом по русским делам» в Англии, в книге, посвященной Февральской революции 1917 года, утверждает, что после 1905 года «большевистская ветвь русской социал-демократии растеряла большинство своих последователей среди рабочих и была дискредитирована в глазах других революционеров»[98].

А вот как выглядит эта версия в одной из наиболее распространенных на Западе «биографий» Ленина, вышедшей в США в 1948 году и за два десятилетия переведенной на 20 европейских и азиатских языков. Ее автор — Давид Шуб, бывший меньшевик, живущий с 1908 года в США, один из самых активных деятелей русской эмиграции. Прошло уже более 60 лет, но до сих пор Шуб — уже глубокий старик — пишет свои «воспоминания», а также «исторические исследования» о Ленине и о русской революции, наполненные злобной клеветой. Их часто печатает, в частности, выходящий на русском языке в Нью-Йорке «Новый журнал» — орган белоэмигрантов (меньшевиков, эсеров, кадетов, бундовцев и т. п.), ярых антисоветчиков, всех, кого объединяет ненависть к Советскому Союзу, к Коммунистической партии, к Ленину.

Рисуя в нарочито мрачных красках положение Ленина в эмиграции, Шуб приходит к следующему выводу: «Изолированный от событий в России, покинутый многими из своих прежних последователей, борющийся из-за куска хлеба и тщетно пытающийся объединить социалистов других стран вокруг своих лозунгов интернациональной гражданской войны, Ленин в конце 1916 года достиг нижней ступени своей лестницы...»[99]

И вот, наконец, как звучит эта мысль в книге Л. Шапиро, считающейся на Западе «классической»: он утверждает, что вплоть до 1917 года большевиков как партию можно было не принимать в расчет — так малочисленна и невлиятельна она, по его мнению, была в русском революционном движении. Леонард Шапиро, преподаватель Лондонской школы экономических и политических знаний, автор ряда работ о Советском Союзе, написанных с откровенно враждебных коммунизму позиций, выпустил в 1960 году объемистый труд — «Коммунистическая партия Советского Союза», своеобразную фальсифицированную «энциклопедию» истории КПСС и мирового коммунистического движения. В 1970 году Шапиро выпустил второе, «пересмотренное» и дополненное издание своей книги. «Пересмотр» не коснулся позиции автора: жизнь и деятельность Ленина в целом, в том числе интересующий нас период, фальсифицируются по-прежнему в том же духе[100].

Исторические документы опровергают лживую версию «советологов» об оторванности

Ленина от России в период его эмиграции. Документы неопровержимо свидетельствуют о масштабах, разнообразии, непрерывности, высокой эффективности и действенности связей Ленина с Россией — связей, в которых практически реализовалась ленинская политическая и тактическая линия в 1908—1912 годах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Я ДОЛЖЕН ВЫСТУПАТЬ!»

(РЕФЕРАТЫ ЛЕНИНА В ГОДЫ ПАРИЖСКОЙ ЭМИГРАЦИИ)

Можно ли воссоздать содержание ленинских рефератов?

Всюду, всегда и, может быть, в Париже сильпее всего Ленин стремился публично отстаивать свои взгляды. Рефераты — как назывались тогда открытые публичные выступления в отличие от докладов на партийных конференциях, пленумах, собраниях — были одной из самых действенных форм борьбы Ленина за единство партии, за чистоту марксизма.

Около 500 статей, заметок, докладов, писем вышло из-под ленинского пера в период парижской эмиграции (декабрь 1908 — июнь 1912 года). Они включены в Полное собрание сочинений В. И. Ленина. Тексты же его публичных выступлений — а мы в настоящее время располагаем сведениями примерно о рефератах парижского периода — не сохранились. Уцелело лишь несколько планов и конспектов, составленпых Лениным. Эти планы, а также различного рода исторические источники: письма и воспоминания участников со-

браний, где выступал Ленин, донесения охранки, газетные отчеты, афиши, «клубные отчеты» и другие документы — позволяют воссоздать в той или иной степени содержание ленинских рефератов *.

Мы уже упоминали о том, какое значение сам Ленин придавал рефератам: «...я должен выступать в клубе «Пролетария» в рабочих кварталах Парижа, где живут сотни и тысячи русских рабочих...— писал он 30 августа 1909 года ученикам каприйской школы.—Париж — самый большой эмигрантский центр, где читаются постоянно публичные рефераты *всех* фракций, происходят дискуссии...» '

Листая пожелтевшие от времени страницы «Парижского вестника», мы встречаем почти в каждом номере объявления о рефератах: А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский, С. А. Лозовский, Н. А. Семашко и многие другие выступали в тот период в парижских залах и клубах.

Рефераты были очень популярны в то время не только о Париже, но и в других городах — всюду, где была хотя бы маленькая колония русских политических эмигрантов. «Задачей заграничных групп по-прежнему должна являться прежде всего пропаганда социализма и привлечение к социалистическому движению возможно больших масс,— говорится в одном из документов Лозаннской группы РСДРП, датированном 30 августа 1910 года.— Одним «з средств этой пропаганды является устройство рефератов. По нашему мнению, при исполнении своих пропагандистских задач мы должны иметь в виду не столько интеллигенцию, сколько... рабочую эмиграцию. С этой целью следует рекомендовать группам обратить большее внимание на организацию собственными силами систематических лекций...» [2]

«Собственных сил», однако, как правило, не хватало. И тогда заграничные группы содействия РСДРП просят, требуют, настаивают: «Пришлите Ленина!» «Посодействуйте нам, чтобы Ленин приехал с рефератом... здесь все сгорают от желания его послушать... спрашивают, когда он будет. Словом, публика хочет во что бы то ни стало его видеть и слушать...» [3]. Это очень характерный документ, хотя и написан он немного ранее, 8 июля 1905 года.

Слава Ленина как оратора, его авторитет вождя вызывали у всех «заграничников», особенно у молодежи, острое желание хоть раз послушать его. Отзываясь на подобные просьбы, в описываемый период Ленин несколько раз выезжал с рефератами за пределы Парижа. В 1908—1912 годах он выступает в Женеве и Берне, Цюрихе и Брюсселе, Антверпене и Льеже, Копенгагене, Лейпциге и Лондоне. Рефераты были для него одной из важнейших форм пропаганды и агитации.

В письме одному из членов парижской группы большевиков от 27 августа 1909 года Ленин писал: «Надо как можно сильнее и в статьях и в рефератах напасть на ликвидаторство Потресова... Из России пишут, что дела

* *В* данной главе рассматриваются — в хронологическом порядке — открытые выступления Ленина. О его выступлениях на закрытых собраниях группы упоминается только в связи с открытыми рефератами,

неважны... Надо будет сильнее поналечь здесь на агитацию за границей» [4].

И Ленин вел эту агитацию всеми доступными ему средствами. О задачах русского революционного движения говорил он и в зале Альказар на Авеню Шуази, 190, и на улице Дантона, 8, и в зале Научных обществ, и в клубе газеты «Пролетарий» на улице Бретань, 49, и в русской библиотеке-читальне на авеню Гобелен, 63.

К каждому выступлению, к каждому докладу, к каждой лекции Ленин тщательно готовился. Сохранилось немало планов, конспектов, драгоценных для нас прежде всего тем, что они являются подчас единственными документами, по которым можно судить о содержании этих выступлений.

До нас дошли подготовительные материалы к восьми устным выступлениям Ленина за 1909—1912 годы*. Иногда эти интереснейшие планы печатались прямо на афишах, извещавших о реферате. В Центральном партийном архиве ИМЛ хранится несколько афиш о выступлениях Ленина парижского периода *.

Тщательная подготовка ко всем выступлениям, внутренняя дисциплина речи — очень характерная черта Ленина-оратора. Очевидец одного из выступлений Ленина и Мартова в Париже Б. И. Горев рассказывает: Мартов, по обыкновению своему увлекшись, совершенно забыл о регламенте и, дойдя лишь до сути вопроса, с удивлением узнал, что время его истекает. Ленин в начале доклада вынул из жилетного кармана часы и положил их перед собой. Доклад он закончил точно в срок, установленный регламентом собрания [5]. «По счету времени он говорил меньше ораторов, которые выступали до него,— вспоминает Горький,— а по впечатлению — значительно больше; не один я чувствовал это, сзади меня восторженно шептали:— Густо говорит...» [6]

Для Ленина очень характерно, что в своих выступлениях он как бы «проговаривал» свои будущие статьи. Причем закономерность здесь можно установить такую: сначала реферат, потом статья. Так, например, реферат о кадетском сборнике «Вехи» он читал 29 октября в Льеже, затем 26 ноября в Париже, а статья «О «Вехах»» была напечатана в декабре 1909 года.

Многое из публичного выступления Ленина о Л. Н. Толстом 18 января 1911 года в Париже вошло в его статью «Л. Н. Толстой и его эпоха», опубликованную две недели спустя в газете «Звезда». Реферат «Столыпин и революция» Ленин прочел в сентябре — октябре

* «План лекций о марксизме», 1908 или 1909 год (ПСС, т. 17, стр. 443—444); план реферата «Современное положение России», 1909 год (т. 17, стр. 445); план реферата «Идеология контрреволюционного либерализма (Успех «Вех» и его общественное значение)», 1909 год (т. 19, стр. 427); план реферата «Международный социалистический конгресс в Копенгагене и его значение», 1910 год (т. 19, стр. 428); план лекции по курсу «Начала политической экономии», лекция IV, 1911 год (т. 20, стр. 413); план реферата «Манифест либеральной рабочей партии», 1911 год (т. 20, стр. 414); «Конспект доклада о политическом положении», 1911 год (т. 21, стр. 479—480); план реферата «Революционный подъем российского пролетариата», 1912 год (т. 21, стр. 488).

* Частично они приведены в Приложении.

1911 года восемь раз, а одноименная статья была опубликована после четвертого выступления. Работа «Манифест либеральной рабочей партии» напечатана через две недели после того, как Ленин читал в Париже реферат под тем же названием. Статья «Революционный подъем» была опубликована 17 июня 1912 года, после доклада (9 мая) на заседании парижской секции Заграничной организации РСДРП о ленском расстреле и публичного реферата (13 июня) «Революционный подъем российского пролетариата». Подробный план реферата в этом случае (как и во всех других, когда имеется возможность сравнивать план устного выступления со статьей) полностью совпадает с основными положениями опубликованного. Ряд этот можно было бы продолжить и дальше, но уже и приведенных примеров достаточно, чтобы сделать вывод о несомненной идентичности содержания устных выступлений Ленина и его статей (причем первые, как правило, предваряли вторые). И это весьма существенная особенность Ленина-оратора парижского периода, существенная, потому что дает возможность предполагать (речь идет, конечно, только о предположении, а не о категорическом утверждении), каково было содержание рефератов Ленина.

Внимательное изучение сохранившихся планов и конспектов, анализ статей, которые следовали за рефератами, сопоставление их с другими ленинскими работами 1908—1912 годов, изучение писем Ленина этого периода (особенно писем, непосредственно касающихся организации рефератов) — первое и самое важное условие для исследователя, поставившего перед собой задачу воссоздать содержание того или иного ленинского реферата.

Немногие дошедшие до нас драгоценные документы того периода помогают воссоздать атмосферу рефератов: письма участников собраний, написанные под непосредственным впечатлением (часто в тот же вечер), и некоторые весьма подробные донесения агентов царской охранки свидетельствуют о том, как говорил Ленин, где он выступал, кто пытался с ним полемизировать, каково было воздействие ленинского слова на аудиторию. Иногда свидетелям ленинских выступлений удавалось — по свежей памяти — привести целые куски из речи Ленина. И в этом пересказе часто звучат живые ленинские нотки, характерные для Ленина слова, сравнения.

Очень интересны документы об организации выступлений Ленина. Например, «Отчет по клубным собраниям для рабочих» на оборотной стороне бланка газеты «Пролетарий». Вот несколько выдержек из него:

Реферат Александрова 4 мая*

доплачено (афиши, зал)	—	8 fr. 30 c.

реферат Лозовского 11 мая

собрано при входе	—	7 fr.
доплачено (афиши, зал)	—	6 fr.

реферат Ленина **

приход за вход	—	24 fr. 80 c.
расход: афиши	—	5 fr.
зал	—	20 fr.
доплачено	—	0,8 fr.

* Имеется в виду реферат Н. А. Семашко (Александрова) по аграрному вопросу 4 мая 1909 года. В прениях по докладу выступал В. И. Ленин.

** Имеется в виду реферат В. И. Ленина «Религия и рабочая партия» 21 мая 1909 года в клубе редакции «Пролетария».

Там же находим мы и счет из типографии (Imprimerie Polyglotte moderne. Specialite pour 1a langue russe). Дата его: (2 июня 1909 года. Одна только строчка, но как много стоит за ней: «600 шт. афиш о реферате Ленина — 5 fr.» [7].

Этот, пожалуй, единственный в своем роде документ свидетельствует о той большой работе, которую проводили большевики, организуя публичные выступления Владимира Ильича: 600 печатных афиш извещали о его реферате («Религия и рабочая партия») русских политических эмигрантов, проживавших в Париже, а также французских рабочих.

На особом месте — как источник — стоят подробные отчеты в «Парижском вестнике» (еженедельной газете, издававшейся русскими политэмигрантами в Париже в 1910—1914 годах), помещавшиеся обычно через несколько дней после реферата. Репортеры «Парижского вестника», отличающиеся от авторов писем своими профессиональными навыками, успевали записать больше. Они ставили перед собой задачу ответить как можно точнее, полнее на вопрос, о чем говорил Ленин. В этом большое значение этих отчетов как источников по данной теме.

К воспоминаниям, написанным, как правило, десятки лет спустя, приходится относиться критически, сравнивать и сопоставлять с документами, более ранними, отдавая во всех спорных случаях предпочтение последним. Однако в ряде случаев воспоминания, написанные много лет спустя, являются единственным источником о том или ином выступлении Ленина. Их можно рассматривать как достоверный исторический источник только после тщательного детального критического анализа, который обязательно включает в себя, в частности, такие элементы, как проверка (по другим источникам) даты события, о котором говорится в воспоминаниях; установление, что факты, излагаемые в воспоминаниях, не противоречат известным историческим событиям и другим точно установленным фактам биографии Ленина. В подобных случаях очень важно также точно установить личность автора воспоминаний: кем он был в момент описываемых событий; мог ли он присутствовать именно на том реферате Ленина; мог ли он заметить ту или иную сторону выступления Ленина; выгодно ли было ему — в зависимости от его политической позиции или личного отношения к Ленину— это заметить; достаточно ли близко знал он Ленина и, наконец, какую позицию занимал в момент написания мемуаров, отделенный от описываемых событий иногда десятками лет. Только подтвердив эти воспоминания данными, говорящими в пользу вероятности такого рода выступления Ленина, можно пользоваться ими как достоверными историческими источниками (хотя и единственными). Это относится, в частности, к воспоминаниям И. М. Полонского о речи Ленина, посвященной памяти Герцена в 1912 году, и воспоминаниям Н. А. Семашко о выступлении Ленина в 1910 году в анархистском клубе.

Воспоминаниями старых большевиков о рефератах Ленина в период эмиграции очень интересовалась М. И. Ульянова. В 1929—1930 годах она разослала письма всем, кто мог бы рассказать об этих выступлениях Ленина,

просила поделиться впечатлениями. Мария Ильинична собирала вырезки, выписывала отрывки из опубликованных воспоминаний старых большевиков, касающиеся рефератов Ленина. Ею установлено около 40 неизвестных ранее выступлений Ленина за все годы первой и второй эмиграции[8]. К сожалению, работа, начатая Марией Ильиничной, не была доведена до конца. И материал, собранный ею (он хранится в Центральном партийном архиве), требует дальнейшего исследования, уточнения, дополнения.

На запросы М. И. Ульяновой пришло много ответов. Очень интересны письма-воспоминания Н. А. Семашко, Б. А. Бреслава, Г. Я. Беленького, В. А. Дегтя, Г. В. Чичерина. «Постараюсь выполнить все то, о чем Бы пишете, по мере моих сил, — ответил Бреслав. — Вам, Мария Ильинична, не приходится говорить, с какой радостью и любовью возьмусь я за это дело»[9]. Письмо написано 5 февраля 1930 года из Парижа, где он в то время работал в торгпредстве. Бреслав рассказывает о некоторых выступлениях Владимира Ильича и обещает разыскать и сфотографировать все помещения, где выступал Ленин.

«Будущее за нами!»

Много раз звучало в Париже ленинское слово — речь трибуна и ученого, редчайший сплав революционной страсти и точнейшего научного подхода к явлениям общественной жизни.

О выступлениях Ленина в Париже до 1909 года упоминалось в начале книги.

4 февраля 1909 года Ленин выступил с докладом «О политическом положении в России и двух путях капиталистического развития аграрных отношений»[10]. «Три дня тому назад в Париже был «большой день», дебютировал Ленин. Как всегда, говорил толково, дельно, красиво. Злободневная тема (политическое положение) и крупное имя собрали массу народу»[11], — пишет 7 февраля 1909 года из Парижа бывший председатель Совета рабочих депутатов в Одессе в 1905 году Варлаам Шавдия (для конспирации он подписался Е. Вашакидзе) своей жене С. Ф. Шавдия в Одессу. Под непосредственным свежим впечатлением от доклада пересказывает В. Шавдия его содержание. Читаем письмо, и до нас доносится живой голос Владимира Ильича.

«...Самодержавие вступает на новые рельсы, государство идет к буржуазной монархии через ломку деревенских отношений и при помощи представительного строя. Вера в широкие крестьянские массы, как элемент оплота и порядка, умерла вместе с первой и второй Думами. Политика царизма целиком опирается на дикого помещика и верхние слои крупного капитала. Мы стоим перед новым этапом политически-социального развития. Куда нас приведет ломка аграрных отношений? К американскому или прусскому типу развития? Может ли правительство Столыпина разрешить вопросы движения и тем разрядить революцию? Безусловно нет. Сохранить старую историческую власть при новых социальных условиях невозможно. Кризис неизбежен. Меч Александра необходим. Положение, занятое правительством, облегчает пропаганду, явно

выступает классовый характер власти. Будущее за нами»[12].

«Будущее за нами!»—эти слова были сказаны в самый разгар реакции в России, когда многие, очень многие потеряли веру, отступили от революции, стали на путь ликвидации революционной нелегальной партии пролетариата.

Против этих людей, против меньшевиков-ликвидаторов, было направлено гневное ленинское слово 10 февраля 1909 года. В этот день Ленин читал реферат на тему: «Современное положение России»[13].

План реферата был напечатан в тексте объявления, выпущенного Второй Парижской группой содействия РСДРП*.

Небольшой план, всего 8 пунктов, но какая в них емкость, какая сила гнева и сарказма! Меньшевиков-ликвидаторов, изменивших великому делу революции (в частности, Череванина), Ленин характеризует как наиболее дряблых в рядах социал-демократии. «Пролетариат и мещанская интеллигенция в праздники и в будни истории» — это Ленин тоже будет говорить о них, о ликвидаторах.

«Как изменяется абсолютизм. Плутократическая или буржуазная монархия?»[14]

О том, как Ленин развивал последний из приведенных пунктов плана реферата, свидетельствует письмо в Россию одного из участников собрания, имени которого пока не удалось установить. «Интересна, — пишет он, — та часть реферата, где Ленин доказывал, что самодержавие принимает все более и более сгущающийся классовый оттенок (единение с крупной буржуазией в лице союза 17 октября)». И далее пересказывается та часть содержания ленинского реферата, где Ленин выступает против отзовистов. «Вероятно, вы слышали о так называемой тактике «отзовизма». Это течение среди РСДРП, настаивающее на немедленном отозвании депутатов с.-д. из Гос. думы. Большевики в массе, по словам Ленина (реферат «Современное положение в России»), являются противниками этой тактики; по их мнению, с.-д. депутаты должны оставаться в Думе». Из этого письма видно, каким образом Ленин ответил на вопрос, поставленный им в плане реферата: «Как надо создавать социал-демократическое использование парламентаризма в России?» (слова Ленина автор письма дает в кавычках, желая подчеркнуть, что он не пересказывает своими словами, а передает врезавшиеся ему в память кие ленинские мысли): «Нечего удивляться, с те самые большевики, которые так ревностно ратовали за бойкот Гос. думы, теперь настаивают на оставлении наших депутатов в ней. Тогда было не то положение дел, что теперь. Бывает время, когда история летит вперед со скоростью локомотива, бывают и такие эпохи, когда она тащится, как груженая телега. Понятно, в первом случае парламентская деятельность может только тормозить мчащиеся с головокружительной скоростью события. Лишь Учредительное собрание, избранное на основании всеобщего и т. д. права, не будет в этом случае препятствовать развитию и ходу истории, скорее, даже ускорит его. Что же касается таких эпох, когда ход событий

* См. Приложение (документ № 4).

уподобляется движению тяжелого воза (как это имеет место в настоящее время в России), то и работа в парламенте может способствовать ускорению движения «телеги»...[15]

24 марта Мария Ильинична пишет из Парижа сестре Анне о Владимире Ильиче: «Недавно выступал с большим успехом...»[16], имея в виду его блестящую речь 18 марта 1909 года, посвященную памяти Парижской коммуны *. А через несколько дней Ленин выступил уже с другим важнейшим рефератом — об итогах V Общероссийской конференции РСДРП[17].

Ротмистр Андреев в своем донесении директору департамента полиции 2 апреля 1909 года сообщает: «На состоявшемся на днях в Париже докладе Ульянова «о всероссийской социал-демократической конференции» при контрдокладчике Гурвиче (Дане), последний... откровенно заявил, что между меньшевиками и большевиками такая пропасть, что вряд лп можно говорить об единстве, что меньшевики ни в одном вопросе не могут идти рядом с большевиками и т. п.»[18].

Сохранилось ценное свидетельство участника этого собрания, Варлаама ПТавдия. Он писал в Одессу 27 марта 1909 года: «Спор по организационному вопросу начался с констатирования ухода из партии некоторых элементов. Кто такие ушедшие? Большевики находят, что это мелкобуржуазные элементы, присосавшиеся к партии во время победоносного шествия революции. Меньшевики находят, что ушли не только мелкобуржуазные элементы, но и рабочие, и, пожалуй, самые лучшие, самые активные. Наше время характеризуется глубоким кризисом в рабочей среде. Что делать? Ленин думает, что единственное спасение в укреплении старых нелегальных позиций. Кто ушел, того мы не можем считать. Для укрепления организации надо развить максимум идейной энергии. Наряду с этим надо на время отказаться от выборного начала, ввести в обиход кооптацию. Сохранение нелегальной организации ничуть не устраняет возможности планомерного использования легальных позиций и легальных связей, — наоборот. Далее Ленин перешел в наступление. Он нападал на организационных и идейных ликвидаторов, причем последним уделил первое место»[19].

Ленину все время приходилось вести борьбу на два фронта — против ликвидаторов и против отзовистов. Это обстоятельство, конечно, не могло не отразиться на тематике его рефератов, на выступлениях членов парижской группы большевиков. В письме от 27 августа 1909 года Ленин указывает на необходимость прочесть рефераты в клубе «Пролетария» для рабочих (русских политэмигрантов) о ликвидаторстве Потресова *(популярных* рефератов — подчеркивает Ленин), й одновременно подготовить реферат против «левых» (это уже для большевиков). Слово «левые» Ленин ставит в кавычки[20].

В марте 1909 года Владимир Ильич выступает с речью на дискуссии об отношении партии к думской социал-демократической фракции. Он подверг резкой критике позиции отзовистов и всесторонне осветил тактику использования трибуны Государственной думы

06 этом выступлении см. в главе V.

для революционной пропаганды и агитации. 4 мая 1909 года Ленин выступил в прениях по реферату Н. А. Семашко об аграрном вопросе. Собрание состоялось в клубе редакции газеты «Пролетарий», было бурным. Оппонентов собралось много, среди них и эсеры, и анархисты, и меньшевики. 21 мая 1909 года Ленин выступает в том же клубе с докладом на тему «Религия и рабочая партия»[21]. Афиш, извещавших об этом выступлении Ленина, как мы уже упоминали, было напечатано 600.

Через пять дней после реферата в газете «Пролетарий» была опубликована статья Ленина «Об отношении рабочей партии к религии». «Социал-демократия безусловно обязана выступить с изложением своего отношения к религии, — писал Владимир Ильич. — Социал-демократия строит все свое миросозерцание на научном социализме, т. е. марксизме. Философской основой марксизма, как неоднократно заявляли и Маркс и Энгельс, является диалектический материализм, вполне воспринявший исторические традиции материализма XVIII века во Франции и Фейербаха (1-ая половина XIX века) в Германии,— материализма безусловно атеистического, решительно враждебного всякой религии»[22].

28 мая 1909 года Ленин принял участие в свободной дискуссии на тему «Контрреволюция и буржуазия в России». Собрание было организовано тоже клубом редакции «Пролетария»[23]. Возможно, что именно там произошел диспут между Лениным и В. М. Черновым — одним из лидеров и теоретиков партии эсеров. В письме польского социал-демократа Г. Каменьского (Домского), адресованном М. И. Ульяновой, есть упоминание о том, что в 1909 году Чернов выступал в дискуссии. «Мне очень понравился деловой тон полемики Ильича против эсера», — пишет автор письма[24].

2 октября 1909 года Ленин выступил в Париже с рефератом о дополнительных (сентябрьских) выборах в III Государственную думу в Петербурге. В статье «К выборам в Петербурге (Заметка)», опубликованной за две недели до этого реферата в газете «Пролетарий», Ленин писал: «Если буржуазным политиканам всех стран, начиная от русских кадетов и кончая «свободомыслящими» Германии или «радикалами» буржуазной демократии во Франции, важнее всего непосредственный успех, важнее всего заполучить депутатское местечко, то для социалистической партии важнее всего пропаганда и агитация в массах, важнее всего проповедь идей социализма и последовательной, беззаветной борьбы за полную демократию»[25]. Именно в целях этой пропаганды и выступал Ленин с рефератами перед теми, кто не прекращал борьбы за великие идеи демократии и социализма, находясь вдали от своей многострадальной родины.

В статье «К выборам в Петербурге» Ленин говорит о необходимости борьбы против «либеральных (кадетских) идеологов и защитников контрреволюции». С гневом пишет он о полном разрыве русской либеральной буржуазии с освободительным движением: ««Бесцельно» отстаивать идеалы революции и свободы — будем поносить их, создадим «Бехи», будем обливать помоями революцию, наймем побольше ренегатов — Изгоевых, Галичей, Струве и т. д. для демонстрации нашего отречения от революции»[26].

Разбору кадетского сборника «Вехи» были посвящены два публичных реферата Ленина: в Льеже — 29 октября и в Париже — 26 ноября 1909 года[27].

Как известно, в «Вехах», сборнике статей кадетских публицистов, представителей контрреволюционной либеральной буржуазии Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. Б. Струве и др., оплевывалось революционное движение 1905 года и воспевалась «незыблемость» и «вечность» монархического строя в России. Ленин получил сборник «Вехи» вскоре после его выхода из печати. Он прочел его, возмущаясь и негодуя. Экземпляр прочитанного им сборника испещрен его многочисленными пометками, подчеркиваниями и замечаниями. Этот экземпляр ныне хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В статье «О «Вехах»» Ленин назвал сборник сплошным потоком «реакционных помоев, вылитых на демократию»[28].

29 октября 1909 года Ленин выступил в Льеже с публичным рефератом «Идеология контрреволюционной буржуазии». Участник этого собрания Б. Н. Нимвицкий пишет в своих воспоминаниях, что «Владимир Ильич, анализируя этот сборник... подчеркнул полный разрыв либерализма с русским освободительным движением... Доклады и выступления Владимира Ильича, его борьба со всеми контрреволюционными течениями, происходившая на глазах у революционеров-эмигрантов,— вот что было подлинной школой большевизма»[29].

Другой участник собрания, В. С. Довгалевский, писал 29 октября из Льежа в Киев, что доклад Ленина «был очень содержателен и

великолепно прочтен. Из первого доклада * нам стала ясна причина того влияния и даже обаяния, которым пользуется имя Ленина в широкой партийной публике. Это великолепный пропагандист и агитатор, блестящий дипломат и политик, роскошный теоретик и практик, вполне доступный для широких масс, одинаково ценный на профессорской кафедре и на рабочем собрании, сочетающий в себе все, что нужно для партийного вождя». И далее идет очень любопытное замечание: «Меньшевики и те аплодировали £му, хотя он их изрядно потрепал...»[30] Так велико было влияние ленинской логики, сила гнева его против врагов революции; могучее влияние самой личности Владимира Ильича — влияние, которое даже вождь меньшевиков Потресов вынужден был признать, как свидетельствует Н. Валентинов, «гипнотическим».

Прошел месяц. В Париже у дверей дома № 8 по улице Дантона появилась афиша о реферате Ленина «Идеология контрреволюционного либерализма». На афише был напечатан план, составленный Лениным **.

Реферат состоялся 26 ноября 1909 года. Зал был переполнен. Кроме большевиков присутствовали кадеты, эсеры и меньшевики. Они пытались помешать референту: шумели, выкрикивали злобные реплики, но вскоре им пришлось замолчать. И. И. Панкратов, который был на этом докладе вместе со своими товарищами, исключенными, как и он, из каприйской школы, вспоминает: «Владимир Ильич разоблачил либералов, показал трусость и реакционность кадетов, их холуйство перед царским правительством. В конце доклада он говорил о Плеханове и меньшевиках, резко критиковал их заявление о том, что рабочим не нужно было браться за оружие. Говорил Владимир Ильич на этом собрании спокойно, жесты его были сдержанны, но аргументы убийственно разоблачали врагов»[31].

Кроме идеологии контрреволюционного либерализма (идеологии «Вех») и ревизионизма справа (ликвидаторства) Ленин во время своих устных выступлений неоднократно разоблачал и ревизионизм «слева» — анархизм (анархо-синдикализм и анархо-социализм), весьма распространенный в тот период в международном рабочем движении; критиковал он и русских «революционеров фразы» — отзовистов.

По свидетельству Н. А. Семашко, Ленин выступал в 1910 году в Париже в анархистском клубе. «...В 1910 году, — вспоминает Семашко, — в Париже была устроена большая дискуссия с анархистами. Основной доклад делал я. Я подробно разобрал учение Кропоткина и популярных тогда западных анархистов. В прениях выступил... Владимир Ильич. Он указал ясно и просто на то, что болтовня анархистов о «безвластии» глупа и вредна: буржуазии того и надо, чтоб «безвластных» рабочих раздавить и уничтожить всякое их сопротивление; что рабочим, наоборот, надо взять крепко власть в свои руки, установить железную диктатуру, подавить сопротивление

* Автор письма имеет в виду доклад Ленина для членов социал-демократических групп Льежа «О положении дел в партии», который состоялся накануне, 28 октября 1909 года.

** См. Приложение (документ № 6).

буржуазии и строить социализм. И я видел по глазам слушателей, как доходчивы были эти слова Владимира Ильича». Он поясняет свою мысль: «...против его аргументации трудно было устоять: его доказательства были удивительно просты, ясны и потому неоспоримы. Простота логики Владимира Ильича всегда неотразимо действовала на слушателей» [32].

В письме М. И. Ульяновой от 5 января 1930 года Семашко вновь возвращается к этому интереснейшему выступлению Ленина, о котором у нас не сохранилось больше ни одного свидетельства. На этот раз он подчеркивает, что речь эта явилась гениальной импровизацией: Ленин к ней не готовился и выступать не собирался.

«Мы решили с Владимиром Ильичем пойти прямо к ним и в анархистском клубе (не помню его названия — где-то в центре Парижа) устроили доклад, — пишет Семашко. — Официальным докладчиком был я. Но когда на меня набросились анархисты, выступил Владимир Ильич с большой речью-докладом. Надо сказать, что это была блестящая речь об анархизме и большевизме — тема, на которую Владимир Ильич, насколько мне известно, подробно не писал. В этой своей речи Владимир Ильич дал не только экономическую и политическую, но и философскую критику анархизма и анархо-синдикализма. Нечего и говорить, что речь его произвела потрясающее впечатление *. И, наверное, только занятость работой не позволила Владимиру Ильичу в свое время оформить ее литературно» [33].

В начале 1910 года Ленин выступил на собрании Второй Парижской группы содействия РСДРП, посвященном итогам январского Пленума ЦК РСДРП 1910 года [34]. Это совместное собрание большевиков-ленинцев и группы «Вперед» было весьма «бурным», как говорится в одном из писем из Парижа, перехваченном охранкой*.

В воспоминаниях Б. А. Бреслава об этом событии точная дата выступления Ленина не указана. Он пишет, что доклад состоялся «примерно в феврале 1910 г. в помещении библиотеки на авеню Гобелен... В этом докладе Владимир Ильич особо подчеркнул, что у партии имеется два флюса: флюс справа и

* В этом же письме Семашко рассказывает об одном из собраний (дату его он не называет), где Ленин выступил против русских «революционеров фразы» — отзовистов, консолидировавшихся к тому времени в группу «Вперед»: «Как известно, Владимир Ильич за границей был постоянным докладчиком на всех партийных собраниях по вопросу «текущего момента». Это были обычные доклады на заседаниях нашей Парижской группы содействия... Некоторые собрания были очень бурны. Особенно мне припоминается собрание с отзовистами во главе с Алексганским. Я председательствовал тогда. Собрание закончилось рукопашной, причем на пол летели зонтики, котелки, палки. Некоторые отзовисты бросились на Владимира Ильича, но я стал перед ним и, как председатель, спокойно и твердо призвал к порядку. Помню, после заседания Владимир Ильич сказал мне: «Ну и дьявольская у Вас выдержка». На что я ответил ему: «Ведь я врач-хирург»» («Исторический архив». 1955. № 2, стр. 23).

* ЦПАИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 134, л. 12. Письмо было датировало 2 марта 1910 года. Автор письма М. И. Ульяновой не был извертев;. Установить, его пока не удалось.

флюс слева — ликвидаторы и отзовисты, что партия сможет снова окрепнуть только в том случае, если она вскроет эти флюсы и избавится от них. О «впередовцах» Ильич тогда же выразился, что они заучили революционные лозунги, соответствовавшие революционной эпохе, и не поняли смысла этих лозунгов, повторяя их теперь ни ко времени, ни к месту. На этом же собрании выступил тов. Лядов и заявил, что он, Лядов, «не отзовист, не ультиматист, а просто наплевист», на что в заключительном слове Ленин обратил особое внимание, подчеркнув, что у «впередовцев», как и у ликвидаторов справа, действительно, прежде всего наплевательское отношение к партии. «Они наплевисты по отношению к пролетарской партии в один из самых трудных для нее моментов. Это доказывает необходимость еще большего заострения нашей борьбы с ними и выявления их сущности перед рабочими», — сказал Ленин»[35].

Кроме «ликвидаторов справа» и «ликвидаторов слева» Владимир Ильич в тот вечер резко критиковал позиции примиренцев, которые «стоят за мир во что бы то ни стало»[36].

Обсуждение доклада Ленина об итогах январского Пленума было продолжено 20 марта 1910 года. Ленин вновь выступил с критикой ликвидаторов и отзовистов и высказался за объединение с меньшевиками-партийцами[37].

26 сентября 1910 года Ленин читает в Копенгагене реферат «Международный социалистический конгресс в Копенгагене и его значение» перед группой русских эмигрантов.

22 декабря того же года Ленин выступил, как свидетельствует газета «Парижский вестник», на митинге в зале Union Italienne (rue de Bretagne, 49), устроенном Второй Парижской группой содействия РСДРП. Митинг был досвящен пятилетию декабрьского восстания 1905 года. Ораторами кроме Ленина были Бракке, Каменев, Малецкий и др.[38]

Памяти Л. Н. Толстого

18 января 1911 года в Париже на улице Дантона, 8, Ленин читал реферат «Л. Н. Толстой и русское общество»[39].

Владимир Ильич преклонялся перед гением Толстого. Он посвятил великому писателю статьи: «Лев Толстой, как зеркало русской революции», «Л. Н. Толстой», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», «Толстой и пролетарская борьба», «Л. Н. Толстой и его эпоха». Отмечая в них величие художника, его великолепное мастерство, выдающееся значение для русской и мировой литературы, Ленин показал вместе с тем, почему для партии так важно понять мировоззрение Толстого, учение которого («толстовство») объективно нанесло большой вред русскому революционному движению.

«Вчера был на публичной лекции Ленина о Толстом, — писал под свежим впечатлением В. Адоратский жене 19 января *. — Было очень интересно». Подробно излагая содержание реферата, Адоратский выделяет мысль, очевидно, поразившую его, о том, что «с самого на-

* Полностью это письмо приведено в Приложении (документ № 7).

чала Толстой был тем же Толстым... каким он остался до конца своей жизни. Именно резким последовательным критиком современного капиталистического порядка... но критиком, стоящим на точке зрения крепостнического общества»[40].

20 лет спустя, пересылая это свое письмо М. И. Ульяновой, Адоратский писал, что Ленин в тот вечер останавливался подробно и на таких произведениях Толстого, как «Крейцерова соната» и «Смерть Ивана Ильича».

Другой участник собрания, И. П. Трайнин, писал М. И. Ульяновой по поводу выступления Ленина 18 января 1911 года: «С рефератами о Толстом выступали и лидеры других различных партий (Чернов и другие), но реферат Владимира Ильича мне запомнился своей отчетливой постановкой вопроса и разрешением его с точки зрения революционных перспектив. Насколько я вспоминаю, сущность доклада сводилась к тому, что: а) Толстой несомненно большой мастер и художник, б) он особняком стоит от других «кающихся дворян», и в нем отражается настроение широких слоев крестьянства того времени. Толстой — идеолог беспомощности, очень характерный для азиатских условий России, в которой «толстовство» могло родиться. Прений, насколько я помню, не было. Весь реферат, длившийся свыше двух часов, был выслушан с большим вниманием»[41].

По свидетельству одного из присутствовавших, который писал письмо через два дня после реферата, Ленин «отметил революционную роль Толстого как критика частной собствен-

ности на землю, брака современного, современной религии и государства и реакционность его взгляда на развитие капитализма, реакционный характер его религии и пр.»[42].

Отчет о выступлении Ленина был опубликован в «Парижском вестнике» № 3 за 1911 год. В газете сообщалось, что состоявшийся в среду 18 января доклад Ленина собрал, как и надо было ожидать, многочисленную аудиторию, и приводилось подробное изложение реферата *.

19 января 1911 года Владимир Ильич писал матери в Россию: «Вчера читал здесь реферат о Толстом, — может быть, поеду с этим рефератом по Швейцарии в объезд»[43]. Поездка в Швейцарию тогда не состоялась. А год спустя Красильников, чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел, доносил директору департамента полиции из Парижа, что 31 января 1912 года Ленин приезжал в Лейпциг и прочел там реферат «Историческое значение Л. Н. Толстого». «Выручено было с реферата,— говорится в этом документе,— за продажу билетов 84 марки, продано литературы («Социал-Демократ» и «Звезда») на 14 марок и в пользу политических ссыльных и каторжан собрана 21 марка...»[44]

Как уже упоминалось, весной 1911 года Ленин читал лекции по политэкономии в Париже на Курсах социальных наук. Об этом свидетельствуют извещение об организации курсов и объявление о начале их работы

* Отчет «Парижского вестника» см. в Приложении (документ № 8).

9 февраля 1911 года, а также план IV лекции по курсу «Начала политической экономии» *, написанный Лениным[45].

Весна 1911 года. Приближается день памяти Парижской коммуны, и снова — уже в который раз! —18 марта Ленин выступает на митинге. Это был торжественный митинг: революционный пролетариат всего мира отмечал 40-летие со дня провозглашения Парижской коммуны **.

12 мая 1911 года Ленин выступил с речью на митинге, посвященном Первому мая[46]. Интересно, что митинг был назначен по старому стилю (в России в этот день было 29 апреля, а во Франции 12 мая). В афише так и говорилось: «В пятницу, 12 мая 1911 года, накануне русского 1 мая, в зале Alcazar, Avenue Choisy, 190, состоится большой митинг»[47].

Среди ораторов на первом месте был назван Ленин.

Газета «Парижский вестник» 20 мая писала, что Ленин в присутствии 300 русских политических эмигрантов уверенно провозгласил «неизбежность близкого революционного подъема, знаменующего собой социальную революцию... Период контрреволюции следует считать законченным... Приближается следующий акт российской революции!»

Речь Ленина произвела столь сильное впечатление на присутствующих, что, по свиде-

* План IV лекции Ленина см. в Приложении (документ № 9).

** Об этом выступлении см. в главе V.

тельству «Парижского вестника», следующий оратор, Шарль Раппопорт, говорил при почти опустевшем зале: все ушли, желая обсудить и осмыслить услышанное...

«Столыпин и революция»

«Столыпин и революция» — с этим знаменитым рефератом за полтора месяца Ленин выступал восемь раз перед русскими политическими эмигрантами в Швейцарии, Франции, Бельгии и Англии. В Цюрихе реферат Ленина слушали 26 сентября, в Берне — 28 сентября, в Женеве — 2 октября, в Париже — 31 октября, в Брюсселе — 5 или 6 ноября, в Антверпене — 7 ноября, в Лондоне — 11 ноября и, наконец, в Льеже —20 ноября 1911 года.

С именем Столыпина — председателя совета министров Российской империи и министра внутренних дел — связан целый период жесточайшей политической реакции с самым широким применением смертной казни в целях подавления революционного движения. 1 сентября 1911 года Столыпин был убит в Киеве эсером Богровым.

«Умерщвлению обер-вешателя» посвящена статья Ленина «Столыпин и революция», опубликованная в Париже в газете «Социал-Демократ» 31 октября 1911 года. «Столыпин пытался в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию, и крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, *последнем мыслимом* для царизма пути»[48] — к такому важнейшему для развития русского революционного движения выводу приходит Ленин в этой статье.

В статье «Итог», опубликованной пять дней спустя в газете «Звезда» (в Петербурге), Ленин особенно сильно подчеркивает тот факт, что у «дикого помещика» Столыпина и у кадетских лидеров в 1906—1911 годах была общая почва для переговоров «и почвой этой была *контрреволюционность*»[49].

О чем же говорил Ленин в своих рефератах? Безусловно, общие моменты во всех восьми рефератах совпадают с теми мыслями, которые развивал Ленин в статьях «Столыпин и революция» и «Итог». Однако у нас есть свидетельства, что Лепин готовился к каждому из этих рефератов, обновлял их, изменял в зависимости от состава слушателей, текущих событий, задач. Для этого ему постоянно нужна была свежая литература. Так, накануне реферата в Берне Ленин просит члена бернской группы Г. Л. Шкловского подобрать ему следующую литературу: комплект газеты «Социал-Демократ», брошюру Л. Б. Каменева «Две партии» (она вышла в Париже в 1911 году с предисловием Ленина), «Дневник социал-демократа» Г. В. Плеханова и, наконец, книгу С. Т. Аркомеда «Рабочее движение и социал-демокпатия на Кавказе», часть 1, с предисловием Г. В. Плеханова (Женева, 1910 год)[50].

Каждый из восьми рефератов, несмотря на общую тему, был самостоятельным, оригинальным, вдохновенным выступлением.

Во вторник 31 октября, сообщалось в «Парижском вестнике», состоится реферат Н. Ленина на тему «Столыпин и революция». В афише, выпущенной парижским кружком

содействия «Рабочей газете», говорилось, что весь сбор от реферата пойдет «на издание социал-демократической предвыборной (в IV Думу) литературы» [51].

Изложение реферата в «Парижском вестнике» кончается весьма знаменательно: «Референт делает вывод о необходимости защиты и подчеркивания идеи надвигающейся русской революции» *.

После реферата началась дискуссия, продолжавшаяся до позднего вечера.

И ноября в газете «Парижский вестник» появилась любопытная заметка: «В ближайшем будущем г. Алексинский прочтет реферат на тему «Итоги столыпинщины». Реферат этот вызван дебатами, возникшими на реферате Ленина, которые за поздним временем не могли быть закончены» [52].

* Полный текст отчета о реферате см. в Приложении (документ № 10).

Долго готовился Г. Алексинский, один из организаторов антипартийной группы «Вперед» к диспуту. Лишь на 28 ноября, то есть почти спустя месяц после ленинского реферА- назначпл он «решительный бой». В объявлении говорилось: «Во вторник 28 ноября в Salle des Societes Savantes г. Алексинский прочтет публичный реферат на тему «Итоги столыпинщины и наши задачи»». После изложения плана будущего реферата Алексинский «бросает перчатку» Ленину: «Устроители реферата, — говорится в объявлении, — специально приглашают г. Ленина, гарантируя ему свободу слова и достаточное время, если он захочет высказаться» [53].

Это было весьма типично для методов борьбы политического авантюриста и демагога Григория Алексинского — человека, к которому Ленин чувствовал «непобедимое отвращение» *.

Парижские большевики выпускают по указанию Ленина следующее печатное извещение:

«Бюро кружка «Рабочей газеты», устроившее реферат т. Ленина «Столыпин и революция», указывает по поводу объявления о реферате т. Алексинского, что т. Ленин уже публично заявил на своем реферате... что он не считает возможным и не будет дискутировать с группой, которую нельзя признать

* «Можете представить,— говорил Ленин Горькому,— с первой же встречи с ним у меня явилось к нему чисто физическое отвращение. Непобедимое. Никогда, никто не вызывал у меня такого чувства. Приходилось вместе работать, всячески одергивал себя, неловко было, а — чувствую: не могу я терпеть этого выродка!» («Воспоминания о В. И. Ленине», *. 2. стр. 268).

сколько-нибудь серьезной. Поэтому Бюро кружка «Рабочей газеты» считает необходимым предостеречь публику и предупреждает ее, что примечание к объявлению о лекции т. Алексинского относится к приемам своеобразной рекламы». На одной из листовок рукой Ленина сделана надпись: <<пол[учено] 24/XI-1911»[54].

Борьба вокруг реферата «Столыпин и революция» велась не только в Париже. Когда Ленин поехал в Швейцарию, он имел все основания предполагать, что «голосовцы» (меньшевики-ликвидаторы), которых было много в местных группах, будут пытаться сорвать его реферат. В связи с этим Владимир Ильич пишет в Берн большевику Г. Л. Шкловскому: «Речь идет об *открытом* реферате («Столыпин и революция») с платой в пользу «Рабочей Газеты»... Бюро собрания (или председатель) непременно должно быть от местных *беков* *, отнюдь не «выборный» (во избежание склоки и скандалов, на которые охочи ликвидаторы).

На собеседование с партийцами (плехановцами) я согласен, *но не с голосовцами*. Лучше всего ограничить собеседование беками...

Пожалуйста, будьте добры, перешлите это письмо *тотчас* же Горину... чтобы он мог принять меры к устройству *подобного* реферата в *субботу* в Женеве и ответить мне через Вас к четвергу»[55].

Письмо это было послано из Цюриха, где Владимир Ильич выступал 26 сентября. «Товарищ Ленин здесь завтра читает реферат», писал один из членов Цюрихской группы, г И. Сафаров, Надежде Константиновне 25 сентября 1911 года.

«Основное содержание реферата, — рассказывает Сафаров,— сходится со статьей Владимира Ильича в «Социал-Демократе» — «Столыпин и революция». Делал этот реферат Владимир Ильич, пользуясь приездом на экстренное заседание Международного социалистического бюро, созванное для разбора обвинения Розы Люксембург немецким «Vorstand"ом... Единственным защитником Р. Люксембург... был Владимир Ильич (он меня провел на заседание, происходившее в цюрихском «Народном Доме»). Реферат Владимира Ильича происходил, насколько мне помнится, тоже в Volkshause. Была вся русская колония. Гвоздем был тезис, что столыпинщина потерпела крах, растет новый революционный подъем, оказались правы большевики, в единственном числе отстаивавшие неизбежность второй революции, без эсеровского авантюризма, в неустанной борьбе с ликвидаторством... Он подчеркнул, что крах столыпинщины означает и крах столыпинской «рабочей политики», т. е. ликвидаторства. Меньшевики были очень недовольны, называли реферат «обычной большевистской демагогией», но не выступали... Ильич был не очень доволен, что ему не удалось вызвать меньшевиков на настоящий бой»[56].

Ленин был недоволен... Он был страстным полемистом, любил открытый бой! Горький в своих воспоминаниях рассказывает, как Владимир Ильич говорил ему перед V съездом в Лондоне: «Это хорошо, что вы приехали. Вы

* Беки — большевики.

ведь драки любите? Здесь будет большая драчка»[57].

В Женеве 2 октября 1911 года после реферата «Столыпин и революция», на котором присутствовало более 350 человек, против Владимира Ильича выступил меньшевик-плехановец А. А. Дивильковский (Авдеев). Выступал он довольно резко, но придирался к различным деталям, оборотам речи и т. д., будучи не в силах противопоставить что-либо всей концепции реферата в целом[58].

Реферату Ленина «нужно было бы противопоставить целый параллельный реферат, — пишет из Женевы в Париж один из политических противников Ленина, присутствовавший на собрании. — У меня был зуд выступить (после Авдеева. — *Р. К.),* но все-таки я сдержал себя...»[59].

Так оправдывали противники Ленина свою боязнь вступать с ним в полемику.

«В 1911 году я видела его в Женеве,— вспоминает М. М. Эссен. — Он выступал с докладом, и меня изумил бодрый и, я бы сказала, вещий тон доклада. В то время как иные из нас переживали настроение сумерек, считая, что реакция укрепилась надолго, Ленин утверждал, что близок новый подъем, что рабочий класс сейчас более созрел для революции, чем в 1905 году... что объективные и субъективные предпосылки для революции налицо и что она неизбежна и успех ее обеспечен... Он привел в своем докладе ряд фактов, свидетельствующих о том, что рабочий класс борется, что число стачечников увеличивается с каждым годом и что назревают события, которые покажут силу и мощь рабочего класса, его политическую зрелость и волю к борьбе»[60].

Рефераты Ленина, а также собеседования с местными большевиками, которые он непременно устраивал в тех городах, куда приезжал выступать, вселяли бодрость, надежду в людей, способствовали активизации работы.

Сохранился документ о содержании собеседования Ленина с льежскими большевиками, с которыми он встретился после открытого реферата «Столыпин и революция». Это было второе известное нам собеседование в Льеже. 28 октября 1909 года, накануне реферата против «Вех», Ленин прочитал в Льеже для членов социал-демократических групп доклад «О положении дел в партии»[61]. Участник этого собрания, Д. И. Часовников, в своем письме в Россию рассказывает, что Ленин «категорически отрицает даже возможность каких-либо принципиальных компромиссов с меньшевиками. Он говорит, что если возможны какие-либо уступки — то лишь только организационные, при том условии, чтобы меньшевики определенно высказывались против ликвидаторства, а не сидели бы между двух стульев, как последний номер «Голоса Социал-Демократа»...»[62].

Спустя два года борьба с меньшевиками-ликвидаторами не была снята с повестки дня — наоборот, еще более обострилась. И с ними надо было размежеваться окончательно и навсегда не только в идейном, но и в организационном отношении. Об этом говорил Ленин при встрече 21 ноября 1911 года с членами льежской группы РСДРП. «Ликвидаторство — течение либерально-рабочее, какое су-

ществует в Западной Европе. Впередовцы-отзовисты ведут в России анархистскую и махаевскую работу. И те и другие не социал-демократы, и с ними не может быть никакого соглашения, так как нет общей базы, но они ведут вредную работу и с ними надо бороться. Примиренцы, кроме своих платонических пожеланий, ничего нового за 2 года своего существования не внесли... Ждать больше нельзя. Лучше работать небольшой группой, чем ничего не делать целой кучей» [63].

«Снимите-ка с себя профессорские очки!»

Борьба с ликвидаторством, о необходимости которой Ленин говорил льежским большевикам, является главной темой реферата «Манифест либеральной рабочей партии», организованного 27 ноября 1911 года парижским кружком содействия «Рабочей газете». Состоялся он в зале «Альказар». Афиша содержала подробный план реферата, составленный Лениным *. План этот написан по-ленински остро, интересно, весь пропитан духом полемики.

«Почему статья Н. Рожкова в № 9—10 «Нашей Зари» заслуживает такого названия и самого внимательного разбора?» — задает Ленин вопрос. Отвечая на него, он характеризует Рожкова как «тип социал-демократа дней свободы». «Буржуазные демократы в марксистском наряде. Рожков как образец; в его статье *сплошная* подмена марксизма либерализмом».

«Почему основываемое Рожковым «Общеетво защиты интересов рабочего класса» есть общество *либеральной* защиты *по-либеральному* понимаемых интересов рабочего класса?» [64] — снова спрашивает Ленин.

К сожалению, мы не знаем, как именно ответил Ленин на этот вопрос во время реферата. Одно можно с уверенностью сказать: ответил с такой же разящей иронией, как писал в одноименной с рефератом статье, обращаясь к Рожкову: «Снимите-ка с себя профессорские очки, любезный, и вы увидите, что «общество», которое вы собираетесь «фактически осуществить»... уже *два года как осуществлено*. И вы в нем уже находитесь! Это «общество защиты интересов рабочего класса» и есть журнал (как идейный коллектив, а не как типографское сборное понятие) *«Наша Заря»*» [65].

«Снимите-ка с себя профессорские очки, любезный...». Непросто было так обратиться к Н. А. Рожкову. Их связывала большая совместная работа. Ведь Рожков раньше был большевиком (на V съезде его выбрали в ЦК РСДРП от большевиков). Ленин ценил его как опытного партийного литератора. Когда Рожкова в России арестовали и сослали, Ленин принимал меры к тому, чтобы помочь ему бежать из ссылки. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Д. И. Часовникова в Россию: «Узнай, отправлен ли уже Рожков, в какие места и прибыл ли он на место. Это меня просил Ленин...» [66],

Но Ленин умел рвать беспощадно с людьми, изменившими революционному марксизму, несмотря на хорошие отношения, связывавшие их прежде. Так было с Мартовым, Богдановым. Так случилось и сейчас. И мы читаем в

* См. Приложение (документ № 11).

самом начале статьи «Манифест либеральной рабочей партии»: «Как ни тяжело марксистам терять в лице Н. Р — кова человека, послужившего рабочей партии в годы подъема с преданностью и энергией, интересы дела должны стоять выше каких бы то ни было личных или фракционных отношений, каких бы то ни было «хороших» воспоминаний...» [67].

Характерно, что после реферата именно Мартов взял под свою защиту Рожкова и выступил против Ленина, обвиняя его в «полемическом пыле». Мы знаем об этом из отчета о выступлении Ленина 27 ноября 1911 года в «Парижском вестнике».

В отчете говорится, что Рожков, «до последнего времени бывший одним из ближайших единомышленников референта (Ленина.— *Р. К.),* поместил в «ликвидаторском» журнале статью. В ней он делает вывод о необходимости организации легальной рабочей партии. В самом прогнозе современного момента, данном автором статьи, референт находит типичные черты «рабочего либерализма». Так, например, оценивая современный момент, г-н Рожков находит, что время «бурь» прошло, русское дворянство вовлечено в общий процесс капиталистического развития страны... В России на предстоящих выборах в IV Думу предстоит торжество умеренно-прогрессивного либерализма».

А далее в отчете говорится, что Ленин «совершенно справедливо заметил, что г-н Рожков... представил переход России в лоно буржуазного строя совершенно автоматическим образом, упустив из виду момент борьбы за власть между помещиками-крепостниками и демократией. В ней (в статье Рожкова), по мнению Ленина, *подведена теоретическая база под практику русского ликвидаторства»* (курсив наш. - *Р. К.)* [68].

«Эволюция» Н. А. Рожкова (историка и публициста) в годы после поражения первой русской революции, его переход на позиции ликвидаторства были весьма характерны для определенной (и довольно значительной) части интеллигенции.

О взгляде Ленина на роль интеллигенции в партии, об отношении большевиков к интеллигенции известно из интереснейшей переписки Владимира Ильича с Горьким. «Значение интеллигентской публики в нашей партии падает,— писал Ленин,— отовсюду вести, что интеллигенция *бежит* из партии... Партия очищается от мещанского сора... Усиливается роль профессионалов-рабочих. Это все чудесно...» Однако, когда Горький сделал после этого письма вывод, что Ленин сам хочет «гнать интеллигенцию» из партии, Владимир Ильич объясняет ему, что это недоразумение: «Уж, конечно, я не думал «гнать интеллигенцию», как делают глупенькие синдикалисты, или отрицать ее необходимость для рабочего движения» [69].

Ленин решительно боролся против всяких проявлений «махаевщины», то есть огульного отрицания роли интеллигенции в революции.

В конце 1911 года Ленин составляет «Конспект доклада о политическом положении». ««Оживление», о котором все говорят, есть симптом нового нарастания революции»,— писал Ленин. Далее в этом конспекте Ленин от-

мечает особый характер ликвидаторской агитации и пропаганды:

«Не надо нелегальной партии
» » пропагандировать
революцию (не гегемония)
etc. etc.» —

и против этих слов делает пометку, в которой с предельной ясностью дана оценка ликвидаторства:

«Проявление контрреволюционности буржуазной в социал-демократии» [70].

Существует предположение, что именно этот документ лег в основу доклада Ленина о современном моменте и задачах партии на *VI* (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП[71].

Митинг памяти Герцена в зале Ваграм

Наступил 1912 год — последний год пребывания Ленина в Париже. Все его выступления овеяны дыханием «бури», начинающейся в России. В марте 1912 года Ленин выступает в Париже на собрании, устроенном Комитетом заграничной организации, с речью об итогах Пражской конференции.

А 15 апреля 1912 года русские политические эмигранты, жившие в Париже, отмечали 100-летие со дня рождения А. И. Герцена. Эмигрантская касса устроила в зале Ваграм вечер, посвященный памяти великого русского революционера-демократа. Председательствовать должна была Вера Николаевна Фигнер. Ораторами приглашались представители всех течений: от большевиков — Ленин, от меньшевиков — Мартов, от эсеров — Рубанович и др. Максим Горький, должен был прочесть свой новый, не изданный еще рассказ, а знаменитый пианист Исай Добровейн — исполнить произведения Шопена[72].

Через шесть дней, 21 апреля, в газете Владимира Бурцева «Будущее» (эта газета выходила в Париже на русском и французском языках) был помещен отчет, в котором говорилось, что митинг 15 апреля собрал более 4 000 участников. Появление Веры Фигнер — знаменитой узницы Шлиссельбургекой крепости — было встречено аплодисментами. Вступительное слово произнес французский социалист Пресансе, затем эсер Рубанович зачитал яркое письмо Жореса о Герцене. После Рубановича речи произнесли Авксентьев и Агафонов. В заключение митинга Максим Горький, очень тепло встреченный присутствующими, прочел тогда еще не изданный рассказ «Рождение человека». О выступлении Ленина в этой заметке ничего не говорится.

О выступлении Ленина на митинге в зале Ваграм 15 апреля 1912 года рассказывает И. М. Полонский: «Эмиграция была широко оповещена... Митинг должен был открыть лидер французских социалистов — Жан Жорес, но по каким-то причинам он не смог прийти, и митинг открыл по поручению Франпузскои социалистической партии Пресансе.

В президиуме собрания были представлены виднейшие деятели русского революционного движения: Плеханов, Ленин, Мартов и др. Первое слово было предоставлено Плеханову. Яркая речь Плеханова произвела на всех присутствующих большое впечатлепие. Но вот

председатель объявил, что слово предоставляется Владимиру Ильичу Ленину. В зале сразу насторожились, стало тихо.

Речь Владимира Ильича была посвящена не только памяти Герцена, но и современным задачам международного рабочего движения и грядущей революции в России. Неотразима была железная логика Владимира Ильича, его мастерский анализ текущего политического момента. С сокрушающей силой и разящим сарказмом он разоблачал либералов, оппортунистов всех мастей, их тактику притупления классовой, революционной борьбы российского пролетариата в угоду буржуазии.

Когда Владимир Ильич кончил свою речь, зал разразился громовыми аплодисментами. Мы покинули митинг в приподнятом настроении, гордые за свою партию, за нашего Ленина, и выходили из зала с революционными песнями»[73].

Мы обратились в 1966 году к И. М. Полонскому с просьбой ответить на вопрос: «Почему в газете «Будущее» ни слова не говорится о выступлении Ленина на митинге в зале Ваграм?» В ответном письме И. М. Полонский дает очень интересное и вполне убедительное объяснение *. Он вспоминает также, что когда набирал вскоре после митинга статью Владимира Ильича «Памяти Герцена» (она была напечатана 8 мая 1912 года), то сразу узнал ее: текст статьи был идентичен содержанию речи в зале Ваграм. Это ценное свидетельство кроме установления самого факта выступления Ленина в зале Ваграм еще раз подтверждает, что в своих рефератах Ленин как бы «проговаривал» статьи, над которыми работал в тот момент.

* См. Приложение (документ № 12). Факт выступления Ленина на митинге памяти Герцена отмечен в биохролике (ПСС, т. 21, стр. 656).

«Спустя примерно неделю мне, как печатнику типографии большевистской газеты «Социал-Демократ», пришлось вторично встретиться с этой речью В. И. Ленина,— вспоминает И. М. Полонский.— Она печаталась в № 26 газеты под названием «Памяти Герцена». Я перечитывал ее несколько раз. Заключительные слова ее: «Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на ваших глазах» — вселяли чувство уверенности в победе сил революции. Меня безмерно радовало, что эта речь Владимира Ильича напечатана в нашей газете и что ее прочитают на моей родине большевики»[74].

«Революционный подъем российского пролетариата»

Натиск бури нарастал...

Сильным толчком для революционного подъема масс послужил расстрел царскими войсками на ленских золотых приисках в Сибири безоружных рабочих, проводивших мирную экономическую стачку. «Так было и так будет впредь»,—нагло заявил в Думе министр внутренних дел Российской империи шеф жандармов А. А. Макаров в ответ на запрос

социал-демократической фракции по поводу ленского расстрела

Нет, так не будет! Так не должно быть!

По всей огромной России прокатывались волны гневного протеста рабочего класса. Своеобразным митингом протеста явилось и заседание Парижской секции Заграничной организации РСДРП 9 мая 1912 года. Владимир Ильич выступил с докладом о ленском расстреле и забастовках в России, связанных с ним. Он говорил о практических мерах, которые должна принять большевистская партия, чтобы возглавить растущий революционный подъем масс[75].

Участница этого собрания, оставшаяся неизвестной (под письмом подпись: «К», адресовано оно З. И. Ивановой), писала на следующий день после реферата: «Дорогие товарищи, вчера был доклад Ленина о событиях в России и о диктуемой ими партийной тактике. Доклад был сделан на заседании Парижской секции Заграничной организации РСДРП. Я считаю нужным передать вам содержание этого доклада, потому что... тактика всей нашей нелегальной организации будет направляться по этой линии. Доклад начался, конечно, с оценки той волны политических забастовок, которая прокатилась по России в связи с ленскими событиями. Прежде всего было констатировано, что эти забастовки нужно считать несомненным показателем довольно высокого и неуклонно возрастающего революционного возбуждения пролетарских масс...

Партия должна проверить на этих событиях правильность своих резолюций, принятых на январской конференции. Мы должны при-

знать, что события оправдывают их полностью. Все они исходят из того, что революция не кончена, должна подняться новая, более грозная волна...»

Далее подробно излагается содержание той части доклада, где Ленин касается выборов в IV Думу. «Сейчас мы лицом к лицу с революционным подъемом, говорил Ленин. Весьма вероятно, что 4-й думе придется функционировать в атмосфере развертывающейся революции, и поэтому нам во что бы то ни стало нужно добиться социалистически выдержанного, революционно настроенного и энергичного представительства в новой Думе. История всех революций во всех странах показывает нам чрезвычайную важность такого представительства в парламенте во время развития революции... Нам нужно в Думе представительство из революционных агитаторов в противоположность оппортунистам-ликвидаторам, которые революции в ближайшем будущем не ожидают... Вторая задача на выборах — откалывать от кадетов все истинно демократические элементы, например трудовиков... После доклада Ленину было задано несколько вопросов практического характера. Например, какие виды на успех в предстоящих выборах? Ленин ответил, что если административные репрессии будут не суровее, чем на выборах в 3-ю думу, то шансов больше, чем тогда...» [76].

Это письмо является, пожалуй, единственным источником, в котором излагается содержание доклада Ленина. Оно было перехвачено царской охранкой и попало в департамент полиции. Интересно, что письмо было переслано министру внутренних дел Макарову (об этом свидетельствует пометка, сделанная на документе в департаменте полиции) — тому самому Макарову, о выступлении которого в Думе Ленин писал: ««Так было — так будет»: на голову себе и своему классу, и своему помещичьему царю сказал эти вещие слова министр Макаров!» [77]

Эти слова — из статьи Владимира Ильича «Революционный подъем», опубликованной в газете «Социал-Демократ» 17 июня 1912 года. За 4 дня до этого, 13 июня, Ленин выступал с рефератом на собрании, организованном Парижской секцией Заграничной организации РСДРП в зале Альказар. Реферат назывался «Революционный подъем российского пролетариата».

В афише, выпущенной Парижской секцией, содержался план, написанный Лениным: «Ленские события и первое мая в России. Массовые стачки и их роль... Закономерность революционного подъема, его предтечи и его перспективы... Либерализм и демократия перед лицом новой революции... лозунги народной революции — борьба за республику, за 8-часовой рабочий день, за конфискацию всей помещичьей земли». «Почему кадеты объявили войну «революционным настроениям» и осудили мысль о «надобности в новой революции в России»?» *

На все эти важнейшие, насущнейшие вопросы отвечал Ленин в своем выступлении.

Через две недели после этого реферата Ле-

* *В. И. Ленин.* ПСС, т. 21, стр. 488. См. также Приложение (документ № 13). 17 июня 1912 года Ленин повторил этот реферат в Лейпциге (ПСС, т. 21. стр. 659).

нин покидает Париж и переезжает в Краков, поближе к России, для установления более тесной связи с революционным русским пролетариатом.

Последний раз в Париже

В январе 1914 года Ленин вновь приезжает в Париж, на этот раз только на неделю. Вместе с ним приехал Р. В. Малиновский — депутат IV Думы*.

Малиновский сделал доклад о работе думской фракции в зале научных обществ на улице Дантона. Он критиковал депутатов-меньшевиков, во главе которых стоял тогда Чхеидзе. Многие ему возражали. Когда Малиновский взял слово для ответа оппонентам, в публике раздались крики: «Ленина, Ленина!» Владимир Ильич в это время сидел в зале, но не поднялся на трибуну: он не хотел выступать на докладе Малиновского, чтобы не подводить его как депутата Думы[78].

Этими же соображениями руководствовался Ленин, когда еще до своего приезда писал Инессе Арманд из Кракова в Париж, что на митинге памяти 9 января 1905 года Малиновскому выступать нельзя. «На такой митинг,— писал он, — Малиновского *вообще невозможно* анонсировать (ибо я ведь писал об *абсолютной* легальности и прошу паки и паки строжайшим образом *блюсти* ее: *ни* партии, *ни* группы, *ни* революции, *ни* социал-демократии не должно быть *и в помине)*»[79].

Выступление депутата Думы на митинге протеста против зверств царского правительства 9 января 1905 года, на митинге, где безусловно должны были прозвучать призывы к свержению этого правительства, могло бы привести к исключению его из Думы.

«Что же касается меня, — пишет Ленин в том же письме Инессе Арманд, — то меня можете поставить в число ораторов на 9 января, если это полезно для Вашего успеха (денежного), *но с правом надуть* (я заявляю *приватно,* что даже если буду в Париже, *не пойду* на митинг 9.I со всякими зверьми вроде с.-р., Ледеров и К°)»[80].

Заручившись формальным согласием Ленина, секция выпускает афишу, которая извещает о том, что (9) 22 января должны состояться два митинга социал-демократов, посвященных годовщине «кровавого воскресенья» 1905 года. Один по адресу: зал на бульваре Огюста Бланки, 94, другой в зале на улице Бретань, 49 (раньше там помещался клуб «Пролетария»).

Ленин выступал, вероятно, только на одном из этих митингов. В пользу этого нашего утверждения говорит следующее:

1) как видно из цитированного письма к Инессе Арманд, Ленин вообще не хотел выступать на одном митинге вместе с меньшевиками и эсерами;

2) Крупская отмечает выступление Ленина только на одном митинге;

3) М. И. Ульянова пишет: «1914. 22 января. 2 больших митинга. Выступал ли Ленип — неизвестно»[81];

* Как известно, в 1914 году Ленин о провокаторстве Малиновского еще не знал («Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 268).

4) о предполагавшемся выступлении Ленина только на одном митинге, а именно на митинге «без меньшевиков», говорит письмо известного меньшевика-ликвидатора П. П. Маслова — (в свое время он входил в редакцию газеты «Голос Социал-Демократа»). Это письмо из Парижа, датированное 19 января 1914 года, адресовано в Петербург, в контору легального журнала меньшевиков-ликвидаторов «Наша Заря». Автор сообщает: «Сюда приехали Ленин и Малиновский. Решили организовать митинг на 9 января без меньшевиков. В ответ на это примиренцы взяли на себя инициативу другого митинга с меньшевиками... Алексинский, Раппопорт и многие другие выступают на нашем (то есть на меньшевистском. — *Р. К.)* митинге» [82].

Один из участников митинга, на котором выступал в тот день Ленин, пишет о своих впечатлениях от его речи: «Это говорил трибун, вождь, гигант, который изливал свою исполинскую мощь перед сотнями людей, в то время как ему нужны были миллионы. К сожалению, от этого выступления Ильича не осталось никакого письменного следа, т. к. речи никем не записывались, но в мозгу и сердцах присутствовавших они оставили глубокую борозду...» [83]

На следующий после митинга день, 10(23) января 1914 года, в большом зале Географического общества в Париже, в доме № 184 на бульваре Сен-Жермен, Ленин читал свой знаменитый реферат «Национальный вопрос» *.

* Объявление о реферате см. Приложение (документ № 14).

Национальный вопрос для Ленина, для партии имел значение не только теоретическое, но и практическое. В России начался новый революционный подъем, направленный на свержение монархии, а свергнуть царскую монархию, считал Ленин, был в состоянии только «объединенный пролетариат всех наций России, ведущий за собой последовательно демократические и способные на революционную борьбу элементы трудящихся масс из всех наций» [84]. Между тем против национальной программы большевиков выступили бундовцы, троцкисты, ликвидаторы и другие антипартийные элементы. Они противопоставляли ленинской трактовке национального вопроса «культурно-национальную автономию» и подобные же пропитанные мелкобуржуазным национализмом «теории».

В своих работах Ленин обосновывает главные положения марксистской теории и программы по национальному вопросу, беспощадно критикует все оппортунистические извращения и ошибки. В первую очередь это такие блестящие и глубокие произведения, как «Критические заметки по национальному вопросу» (1913 год) и «О праве наций на самоопределение» (1914 год) [85]. Он написал проекты резолюций по национальному вопросу для Пражской конференции, для Краковского и Поронинского совещаний, прочитал реферат по национальному вопросу в Цюрихе, Женеве, Берне и Лозанне в 1913 году. И вот теперь, в январе 1914 года, приехал с этим рефератом в Париж.

Воспоминания членов Парижской секции большевиков рисуют атмосферу той борьбы, ко-

торая велась все эти годы вокруг национального вопроса между Лениным и его противниками.

Г. Я. Беленький, секретарь Парижской секции большевиков, организовавшей реферат Ленина, писал М. И. Ульяновой:

«Владимир Ильич в течение полутора-двух часов со свойственной ему четкостью и убедительностью изложил взгляды революционной социал-демократии на национальный вопрос, беспощадно разоблачив черносотенский шовинизм кадетской партии, опортунистические и шовинистические решения национального вопроса меньшевиками; он подверг беспощадной критике национал-сепаратизм бундовцев («культурно-национальная автономия»), равно теорию австрийской школы (Отто Бауэр и К°) по национальному вопросу.

Владимир Ильич в своем докладе тогда много внимания уделил защите взглядов большевиков о национальном самоопределении вплоть до отделения, подчеркнув, что при буржуазной демократии возможно лишь частичное разрешение национального вопроса (ссылаясь при этом на Швейцарские кантоны и Соединенные Штаты Америки) и что радикальное разрешение этого вопроса возможно только при диктатуре пролетариата, создающей благоприятные условия для полной отмены всех и всяких привилегий для господствующих наций...

Я хорошо помню, что этот обстоятельный доклад, иллюстрированный обилием фактов из области национальной политики различных буржуазных и социалистических партий, произвел большое впечатление на всех присутствую-

В зале кроме большевиков (среди них были Инесса Арманд, С. И. Гопнер и др.) находилось много представителей Бунда, явились и все меньшевистские лидеры, жившие в то время в Париже. Владимиру Ильичу было подано много вопросов (устных и письменных), записалось несколько оппонентов — главным образом меньшевиков и бундовцев. Но Владимир Ильич очень торопился на поезд и уехал сразу после своего доклада.

Дискуссия началась без Ленина. Меньшевики кричали о «некорректности» его ухода, заявляли, что он «сбежал, боясь оппонентов». «Мы,—рассказывает Г. Я. Беленький,—с большой иронией встречали подобные идиотские сплетни...» [87]

Дело в том, что Ленин в качестве представителя ЦК РСДРП спешил на IV съезд социал-демократии Латышского края, который должен был открыться в Брюсселе 26 января 1914 года,— съезд, где решался вопрос о будущем пути латышской социал-демократии *. Естественно, что это было для Ленина важнее, чем диспут с кучкой меньшевиков и бундовцев. «Убеждать я их не собирался,— сказал он на вокзале провожавшим его товарищам,— а те

* На этом съезде Ленин от имени РСДРП выступил с докладом, в котором подверг резкой критике деятельность ЦК Латышской социал-демократии, занимавшего оппортунистическую позицию в вопросах борьбы с ликвидаторством. Он решительно выступил против примиренческих тенденций на съезде. Для делегатов съезда Ленин прочел реферат, в котором изложил теорию и тактику большевизма в национальном вопросе (ПСС, т. 55, стр. 513—514).

рядовые члены партии — эмигранты, которые присутствовали и для которых я говорил, они пусть сами разбираются, кто прав по этому вопросу»[88].

После окончания съезда в Брюсселе Ленин читал реферат «Национальный вопрос» в Льеже и Лейпциге. Всего за 1913 и начало 1914 года им было прочитано в различных городах Западной Европы свыше 15 рефератов по национальному вопросу. Об одном из них вспоминает А. Ф. Ильин-Женевский: «Удивительная стройность мыслей, строгая последовательность изложения и неумолимая логичность сделали то, что вся эта большая и в большинстве чуждая нам аудитория, не двигаясь и почти не дыша, как зачарованная, прослушала до конца лекцию Владимира Ильича». Далее он подчеркивает характерную черту Ленина как оратора — полное отсутствие показной красивости. «С внешней стороны Ленина нельзя было назвать блестящим оратором. Он не обладал теми данными, как, например, славившийся в то время в Женеве анархист Бертони. Бертони был прежде всего великолепный артист-трагик. Героическая внешность, глубокий, бархатный, волнующий зрителя голос и удивительная выразительность звука и жеста сразу завоевывали аудиторию... Совсем не то было у Ленина. Не бросающаяся в глаза наружность, несколько хрипловатый голос не могли сразу покорить зрителя. И тем не менее...»[89]

И тем не менее вскоре весь зал находился под могучим обаянием этой речи, присутствующие боялись пропустить даже одно слово.

Очень интересные моменты, характеризующие Ленина-оратора, находим мы в статьях и воспоминаниях Н. А. Семашко — свидетеля почти всех выступлений Ленина в Париже. «Ленин в речах не был оратором ,в профессиональном смысле слова, а вождем, учителем,— пишет он.— Никогда его речь не была «цветиста», не было у него ни одной вычурной фразы, да и внешние данные — картавость на букве «р», глухой высокий голос не выдавали в нем профессионального оратора. Но... аудитория не отрывалась от его речи». «В чем тут был секрет?— спрашивает Семашко, и отвечает так:— По-моему, обаяние его речи было в ее искренности, отсутствии шаблона, логике и громадном уме...»

Он «захватывал слушателей как клещами,— писал Семашко, характеризуя железную, неоп-

ровержимую логику Ленина.— Аргументировал он умно и без всякого шаблона. Он как бы бросал камни, а у слушателя в душе расходились целые широкие круги, освещались целые горизонты» [90].

В воспоминаниях Семашко мы находим также сравнение метода полемики у Ленина и у Плеханова. «Мне приходилось часто присутствовать на дискуссии, которую вели Плеханов и Владимир Ильич. Георгий Валентинович был блестящий оратор, блестящий полемист, и у него была такая черта, что он, бывало, ухватится за действительно нелепую, случайпо брошенную фразу и начнет мочалить противника. У Владимира Ильича был другой подход. Он почти не записывал фраз, которые говорили противники, но он улавливал смысл основного положения и хватал сразу быка за рога, не отдельными полемическими выпадами или отдельными полемическими нападениями на своего противника по его выступлениям — нет, его манера была взять вопрос, взять миросозерцание своего противника и его критиковать, с ним драться. Это был боец в открытую, беспощадный боец, который в этом направлении, в этом отношении в бою никакой пощады не знал» [91].

Н. А. Семашко доводился племянником Г. В. Плеханову, которого Ленин любил, несмотря на все их политические расхождения: Ленин часто расспрашивал Семашко, как чувствует себя Плеханов, что говорит, и т. д. [92]

Об отношении Владимира Ильича к Плеханову свидетельствует Крупская: «Плеханов сыграл крупную роль в развитии Владимира Ильича, помог ему найти правильный революционный путь... всякое самое незначительное расхождение с Плехановым он переживал крайне болезненно». И далее: «Личная привязанность к людям никогда не влияла на политическую позицию Владимира Ильича. Как он ни любил Плеханова или Мартова, он полити чески порвал с ними (политически порывая с человеком, он рвал с ним и лично, иначе не могло быть, когда вся яшзнь была связана с политической борьбой), когда это нужно было для дела. Но личная привязанность к людям делала для Владимира Ильича расколы неимоверно тяжелыми» [93].

Есть в воспоминаниях Семашко и сравнение Ленина с Жаном Жоресом, «великим Жоресом», как его называли французы, справедливо считавшие его одним из самых выдающихся ораторов современности: «Слушаешь, бывало, Жореса — этот пламенный оратор потрясал, и после его речи возвращаешься усталый, оглушенный, растроганный. После Ленина идешь, бывало, с целой кучей новых мыслей. И непременно ищешь с кем-нибудь побеседовать и обсудить то, что сказал Ленин...» [94]

Речи Ленина врезались в память — так свидетельствуют все, кто хоть раз слышал его выступления. Поэтому даже много лет спустя участники собраний, где выступал Владимир Ильич, могли воссоздать фрагменты услышанного и передать те чувства, которые испытали. Именно это обстоятельство дает нам право на вопрос, который мы задали вначале (можно ли воссоздать содержание ленинских рефератов?), ответить положительно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОТИВ ОППОРТУНИЗМА В МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

Ленин ценил заслуги II Интернационала в деле собирания сил и организации пролетариата, высоко оценивал, в частности, проявления международной пролетарской солидарности с первой русской революцией. Вместе с тем он с резкой определенностью выступил против оппортунизма II Интернационала, особенно усилившегося в годы, предшествовавшие началу первой мировой войны.

Ленин творчески развивал марксизм, решительно отстаивал его на международной арене, неуклонно проводил в жизнь принципы пролетарского интернационализма, последовательно боролся против правого и левого оппортунизма, стремился сплотить левые элементы в социал-демократических партиях II Интернационала на базе творческого марксизма.

Ленин неоднократно указывал на глубокую идейную и политическую связь «отечественного» оппортунизма с международным. Он отмечал, что русский оппортунизм перенимает «опыт» своих западноевропейских соратников.

Сопоставляя оппортунизм российский и оппортунизм на международной арене, Ленин приходит к важнейшему теоретическому выводу: появление ревизионизма в рабочем движении «обусловливается его классовыми корнями и современном обществе. Ревизионизм есть интернациональное явление... мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий»[1].

Ревизионистские тенденции в рассматриваемый период все более проявляются в деятельности руководства социал-демократических партий Западной Европы*.

Расшифровывая этот термин в применении к международному рабочему движению, Ленин пишет:

«...ревизионизм (оппортунизм, реформизм)...»[2]

На идеологических корнях ревизионизма Ленин подробно останавливается в работе «О некоторых особенностях исторического развития марксизма». Он выступает против тех, кто забывает, что марксизм не догма, а руководство к действию. Ленин разоблачает антимарксистскую сущность ревизионизма, раскрывает его проявления в политической экономии, философии, в тактике пролетарской борьбы, показывает, что ревизионисты стремятся прежде всего пересмотреть учение о классовой борьбе и диктатуре пролетариата.

* О появлении ревизионизма внутри марксистского движения см.: *С. П.. Трапезников.* На крутых поворотах истории (Из уроков борьбы с ревизионизмом внутри марксистско-ленинского движения). М., 1971, стр. 43—50.

Как актуально звучит сейчас — 60 лет спустя — разоблачение Лениным ревизионистской «теории» о том, что в развитых странах якобы происходит «притупление» классовых противоречий, которое опровергает марксистскую теорию краха капитализма *.

Отказ от подлинного, творческого марксиз-

* См. *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 20. Современные ревизионисты пытаются доказать, что поскольку пролетариат «изменился», то ленинское учедие неприменимо. Слова «диктатура пролетариата», «гегемония пролетариата» ненавистны им. Характерно, что на эти понятия нападают сегодня не только буржуазные идеологи, но и представители «левых», в частности руководители левацкого крыла французского студенческого движения. Они заявляют, что во Франции промышленный пролетариат уже не является революционным авангардом общества. Революционным авангардом «левые» считают студенческую молодежь. В связи с этим они полемизируют с Лениным, выступая против ленинского учения о гегемонии пролетариата в революционной борьбе.

Так, Даниэль Кон-Бендит, немецкий анархист, обучавшийся во Франции, один из идейных вдохновителей антиправительственных выступлений левацких студенческих группировок во Франции в мае — июне 1968 года, опубликовал книгу, которую он, перефразировав название знаменитого ленинского труда, назвал так: «Левизна. Средство против старческой болезни коммунизма» *(D. Cohn-Bendit, O. Cohn-Bendit.* Le gauchisme. Remede a la maladie senile du communisme. Paris, 1968).

В этой книге со столь широковещательным демагогическим названием (вот она левая р-р-р-революционная фраза, которую так высмеивал Ленин!) Кон-Бендит пытается доказать несостоятельность марксистско-ленинской теории социалистической революции и факт «перерождения» коммунистических партий, намечает «новую» стратегию и тактику мирового революционного движения, авангардом которого на современном этапе якобы выступают крайне «левые» группировки и течения анархистского толка.

ла ревизия его — явление отнюдь не случайное,—указывал Ленин. Это нужно оппортунистам, реформистам, ставшим на службу господствующему классу, фактически продавшимся буржуазии для того, чтобы навязать пролетариату соглашательскую политику, отвлечь пролетариат от конечной цели социалистического движения, а именно от ниспровержения капиталистического строя и замены его социализмом.

Вот как характеризует Ленин в статье «Марксизм и ревизионизм» суть такой политики: «От случая к случаю определять свое поведение, приспособляться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать коренные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты,— такова ревизионистская политика» [3].

Перед началом первой мировой войны оппортунисты стояли у руководства во многих социал-демократических партиях Западной Евро-

Отказа от учения Ленина о диктатуре пролетариата, от ленинской концепции роди партии требует и Роже Гароди, политическая платформа которого была подвергнута резкой критике французскими коммунистами. В январе 1970 года в связи с выходом его книги «Большой поворот социализма» орган Французской коммунистической партии «La nouvolle critique» писал, что позиция Гароди может быть названа «поворотом самого Гароди от научного социализма в сторону реформизма». По поводу отказа Гароди от ленинских припципов демократического централизма товарищ Жорж Марше сказал на XIX съезде ФКП, что Гароди окончательно скатился на путь, ведущий к прямому ликвидаторству.

пы и у руководства II Интернационала. Особенно сильны они были в Германии. В письме Горькому 3 января 1911 года Владимир Ильич писал: «У немцев есть образцовый журнал оппортунистов «Социалистический Ежемесячник» («Sozialistische Monatshefte»). Там давно уже господа вроде Шиппеля и Бернштейна нападают на международную политику революционной социал-демократии...» [4]

Бернштейн в Германии, Мильеран во Франции и другие были открытыми оппортунистами, своего оппортунизма не скрывающими. Гораздо опаснее были для рабочего движения представители другой разновидности оппортунизма — центристы. Они назывались так потому, что пытались держаться центра, «золотой середины» между открытыми оппортунистами, ревизующими марксизм, и революционными марксистами, защищающими его. «Не так страшен и вреден открытый оппортунизм, отталкивающий от себя сразу рабочую массу,— писал Ленин,— как эта теория золотой середины, оправдывающая марксистскими словечками оппортунистическую практику, доказывающая рядом софизмов несвоевременность революционных действий и проч.» [5].

Наиболее полное воплощение центризм нашел в деятельности Карла Каутского, одного из главных лидеров германской социал-демократии и II Интернационала[6]. К 1910 году центризм окончательно сложился как оппортунистическое течение во II Интернационале. Он действовал в союзе с правыми оппортунистами против революционных социал-демократов.

Наряду с открытым оппортунизмом и центризмом Ленин отмечает и наличие опасности «слева» в международном рабочем движении, а именно анархизма[7]. Представляя собой отражение мелкобуржуазной революционности в рабочем движении, анархизм и анархо-синдикализм были по существу разновидностью левого оппортунизма. Они отрицали руководящую роль рабочих партий и необходимость использования парламентской трибуны.

В письме Луначарскому в связи с изданием брошюры об отношении партии к профсоюзам (Ленин написал предисловие к этой брошюре) Владимир Ильич, говоря о необходимости *«убить русский синдикализм и оппортунизм »,* подчеркивает: «Именно нам, большевикам, всего легче и естественнее это сделать, ибо мы в революции всего больше боролись против парламентского кретинизма и плехановского оппортунизма. И только мы можем с революционной, а не педантски-кадетской точки зрения Плеханова и К[0], опровергнуть синдикализм, несущий с собой тьму путаницы (для России особенно опасной)» [8].

Ленин постоянно говорил о необходимости борьбы в самом рабочем движении против правой и левой опасности, то есть о необходимости борьбы на два фронта. «Борьба на два фланга,— писал Ленин,— является... необходимой задачей для отстаивания правильной революционно-социал-демократической тактики и для строительства партии» [9].

Призывая к борьбе на два фронта — против правых и левых оппортунистов, Ленин разъясняет, что «и те и другие тормозят самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при *всяких* условиях хорошо

функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском миросозерцании» [10].

Выступая против оппортунистического направления во II Интернационале, Ленин уделяет в то же время самое пристальное внимание направлению революционному. «Обострение борьбы реформизма с революционной социал-демократией *внутри* рабочего движения,— писал Ленин,— есть совершенно неизбежный результат... изменений во всей экономической и политической обстановке всех цивилизованных стран мира... Социальную революцию пролетариата нельзя себе и представить без этой борьбы, без ясной принципиальной размежевки социалистической «Горы» и социалистической «Жиронды» *перед* этой революцией...»[11]

В каждой из социал-демократических партий II Интернационала были элементы левые, революционные, выступавшие в защиту марксизма против оппортунизма. Авангардом этого революционного течения в международном рабочем движении стали большевики во главе с Лениным.

Ленин — представитель РСДРП в Международном социалистическом бюро

Борьбу против оппортунизма, в защиту левых, марксистских элементов вел Ленин и в рамках Международного социалистического бюро *.

* Решение о создании Международного социалистического бюро (МСБ) — постоянного исполнительно-информационного органа — из представителей социалистических партий всех стран — было принято на Парижском конгрессе II Интернационала в сентябре 1900 года. Представителями русских социал-демократов в МСБ были избраны Г. В. Плеханов и Б. Н. Кричевский. Кричевский — социал-демократ, один из лидеров «экономизма», редактор журнала «Рабочее дело» (в 1899 году), на страницах которого он пропагандировал взгляды Бернштейна, — вскоре после II съезда РСДРП отошел от социал-демократического движения, и единственным представителем РСДРП в МСБ остался Плеханов. После III съезда партии, решений которого, как известно, Плеханов не признал, вопрос о представительстве в МСБ был поставлен на обсуждение ЦК РСДРП. 7(20) мая 1905 года ЦК принял решение назначить Плеханова представителем РСДРП в МСБ. При этом была сделана оговорка, что Плеханов обязан признать законность III съезда. Однако Плеханов не принял этого условия и заявил, что будет представлять в МСБ только меньшевиков. После этого ЦК решает назначить от большевиков своего представителя в МСБ (см. *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 48, 79, 98—99).

Ленин предлагал, чтобы представителем от большевиков в МСБ стал В. В. Боровский (Орловский) — выдающийся публицист и литературный критик, соредактор Ленина в газетах «Вперед» и «Пролетарий» (1905 год). Отвечая на это предложение, А. А. Богданов в письме от 14—16 (1—3) октября от имени петербургских членов ЦК РСДРП писал Ленину: «Орловский не подходит к этой роли, его нельзя выдвинуть рядом с Плехановым... Мы считаем, что эту роль должны взять на себя *Вы...* Мы *настаиваем,* чтобы представителем были Вы» *(В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 339).

Текст мандата, выданного Ленину, гласил:

«Центральный Комитет, в заседании своем *** октября постановил предложить товарищу Ленину взять на себя представительство от Р.С.Д.Р-П. в Международном социалистическом бюро».

25 октября 1905 г. Ленин пишет в адрес

Центрального Комитета: «Дорогие друзья! Только что получил ваше письмо о назначении меня в Международное бюро (жаль, что не назначили Орловского...»[12]

Ленин всегда был человеком в высшей степени дисциплинированным. Он подчинился решению большинства и, несмотря на свою огромную занятость, включился в работу Международного социалистического бюро, штаб-квартира которого находилась в то время в Брюсселе. Он принимает непосредственное участие в работе МСБ. На его заседаниях при решении важнейших вопросов Ленин последовательно защищает позиции революционного марксизма против ревизионизма справа и «слева»*.

Наиболее активный период участия Ленина в работе МСБ падает на 1907—1911 годы. Он сам выделяет этот период в письме из Поронина от 25 июля 1914 года, адресованном Янсону или Штицу в Стокгольм. К этим социалистам, с которыми Ленин не был лично знаком, он обращается с просьбой дать конспиративный адрес. «В удостоверение своей личности сообщаю, — пишет он, — что в 1907—1911 гг. я был представителем РСДРП в Международном социалистическом бюро. Моя партийная кличка — Ленин, настоящая фамилия - Ульянов. Мой прежний адрес, имеющийся во многих печатных документах Международного социалистического бюро: Oulianoff. 4. Rue Marie Rose. Paris. (XIV)»[13].

О том, с какой ответственностью относился Ленин к своей деятельности в МСБ, мы узнаем из воспоминаний И. Ф. Попова. «На меня — вспоминает он,— были возложены секретарские обязанности, то есть осведомлять Владимира Ильича (как официального представителя партии в Интернационале) о положении дел в Интернационале, о намерениях, о предложениях Исполнительного комитета и влиятельных лидеров крупнейших социалистических партий в тех вопросах, которые прямо или косвенно касались или могли касаться, влияли или могли влиять на сложное положение и на ход ожесточеннейшей фракционной борьбы внутри российской партии... Его руководство было повседневным. Иногда в один и тот же день от него или Надежды Константиновны приходило несколько писем либо телеграмм, открыток. Указания Владимира Ильича были самого разнообразного рода. Иногда это было точнейшее предписание, что и как я должен сказать председателю или секретарю II Интернационала. И тогда требовалось без каких-либо отклонений передать именно данную формулировку; часто в таких случаях Владимир Ильич писал формулировки по-французски. Иногда же указывалась только цель, которую мне надо было добиться, а способы предоставлялось найти сообразно обстоятельствам»[14].

Первое после Штутгартского конгресса засе-

* Вопрос о представительстве РСДРП в МСБ в дальнейшем обсуждался на январском Пленуме ЦК РСДРП 1910 года (см. письмо Ленина в адрес МСБ от 2 сентября 1910 года о том, что, согласно постановлению январского Пленума, представителем РСДРП в Международном социалистическом бюро наряду с Лениным является и Плеханов.—ПСС, т. 47, стр. 265), а также на Пражской конференции (см. письмо Ленина Гюисмансу в марте 1912 года, где он извещает о своем избрании представителем РСДРП в МСБ.-ПСС, т. 48, стр. 48-49).

дание Международного социалистического бюро состоялось 11 октября 1908 года в Брюсселе. К этой, 10-й по счету сессии МСБ была приурочена международная конференция представителей социалистической прессы, которая открылась в субботу 10 октября в 3 часа дня. В ней участвовал и Ленин[15], а вечером того же дня он присутствовал на международном митинге в «Народном доме», где выступали делегаты — австрийские, немецкие, английские, турецкий и болгарский. Речь шла о борьбе пролетариата всех стран за сохранение мира. Митинг закончился единогласным принятием следующей резолюции:

«Международный митинг... подтверждает еще раз энергичное решение всемирного пролетариата отстаивать мир между нациями и бороться изо всех сил против капиталистического милитаризма, разоряющего и угнетающего все народы. Митинг выражает уверенность, что различные национальные отделы рабочего Интернационала будут применять полностью решение, принятое по этому вопросу Международным социалистическим конгрессом в Штутгарте»[16].

Участники собрания разошлись под пение «Интернационала».

Весь следующий день, воскресенье 11 октября, был посвящен заседанию Международного социалистического бюро. Всего на повестке дня стояло восемь вопросов. Ленин выступал по первому и по седьмому. Первым стоял вопрос о допущении английской «Рабочей партии» (лейбористской партии) в Интернационал.

Высказываясь за допущение в Интернационал «Рабочей партии», Ленин в то же время подчеркивал, что эта партия зависит от либеоалов, не ведет самостоятельной классовой политики, не является социалистической. Однако оппортунистические тенденции лидеров лейборизма не могут служить причиной для того, чтобы закрыть двери пролетарского Интернационала перед миллионами английских рабочих, поддерживавших лейбористскую партию. «...Социализм, — указывал Ленин в статье «Заседание Международного социалистического бюро», — становится в этой стране *опять* массовым движением... этого могут не видеть только слепые люди. Интернационал поступил бы безусловно неправильно, если бы не выразил прямо и решительно своего полнейшего сочувствия этому громадному шагу вперед массового рабочего движения в Англии...» И Ленин вновь подчеркивает момент, который был решающим IB его отношении и к российскому, и к международному рабочему движению: «Когда есть объективные условия, задерживающие рост политической сознательности и классовой самостоятельности пролетарских масс, надо уметь терпеливо, выдержанно работать рука об руку с ними, не делая уступок в своих принципах, но и не отказываясь от деятельности *в гуще* пролетарских масс»[17].

Отмечая массовый характер лейбористской партии и ее широкие связи с рабочим классом, Ленин в то же время не счел возможным замалчивать тот факт, что она не стояла — сознательно и твердо — на позициях классовой борьбы. В связи с этим он подверг критике последнюю часть резолюции Каутского, в которой говорилось: «...Международное бюро объявляет, что английская «Рабочая партия» до-

пускается на международные социалистические конгрессы, так как она, не признавая прямо... пролетарской классовой борьбы, ведет ее, тем не менее, на деле и становится на почву ее самой своей организацией, которая независима от буржуазных партий»[18].

Ленин выступил против этой формулировки. Он сказал, что она неправильна, ибо на деле «Рабочая партия» не является действительно независимой от либералов и не ведет вполне самостоятельной классовой политики. По резолюции же Каутского выходит, будто Интернационал ручается за то, что лейбористская партия на деле ведет последовательную классовую борьбу.

Ленин предложил сформулировать заключительную часть резолюции следующим образом: «...она («Рабочая партия») представляет собой первый шаг действительно пролетарских организаций Англии к сознательной классовой политике и к *социалистической* рабочей партии»[19].

Большинством голосов МСБ отвергло поправку Ленина. Была утверждена резолюция Каутского, делающая уступку реформистским лидерам лейбористской партии.

Доводы К. Каутского и В. Адлера не убедили Ленина. 26 октября 1908 года он посылает секретарю МСБ Гюисмансу текст своей поправки к резолюции Каутского и просит напечатать ее в официальном отчете об этом заседании МСБ[20]. А три дня спустя в газете «Пролетарий» публикуется статья, где подробно излагается содержание выступлений на заседании МСБ по вопросу о приеме во II Интернационал лейбористов. Статья Ленина так называется: «Заседание Международного социалистического бюро».

Объясняя, почему он продолжает настаивать на своей формулировке, Ленин пишет: «...именно такая формулировка заставила бы сотни тысяч английских рабочих, безусловно уважающих решения Интернационала, но не ставших еще вполне социалистами, задуматься лишний раз над тем, почему их признают сделавшими только *первый* шаг, и каковы должны быть *дальнейшие* шаги по этому пути». Таким образом, Ленин разъясняет (в данном случае, обращаясь к читателям «Пролетария») большое воспитательное значение, какое имела бы резолюция, если бы она была принята в его формулировке.

Исключительно важное принципиальное значение имело и имеет сегодня для международного коммунистического движения и следующее замечание Ленина: «В моей формулировке нет и тени претензии на то, чтобы Интернационал брался решать конкретные и детальные вопросы национального рабочего движения, брался определять, когда именно и какие именно дальнейшие шаги сделать необходимо»[21].

Глубоко вникая в национальную природу каждого отряда международного рабочего класса, в его исторические особенности и конкретные социально-экономические условия борьбы, Ленин всегда стремился выявить то новое, что появлялось в каждой классовой схватке и составляло сущность классовой борьбы на империалистической стадии капитализма. В то же время Ленин обращает внимание русского пролетариата на общность его целей с междуна-

родным рабочим движением, на диалектическую связь революционных событий, где бы они ни происходили — в Англии или в далекой Персии.

Вопрос о единстве национального и интернационального, а также другие важнейшие проблемы международного рабочего движения разработаны в многочисленных статьях Ленина, написанных в 1908—1912 годах, и в его выступлениях (в том числе с трибуны Международного социалистического бюро). Рассматривая программные, тактические и организационные вопросы различных социалистических партий (в том числе и лейбористской партии Англии), Владимир Ильич неоднократно подчеркивает и развивает эту мысль: нельзя декретировать сверху, из единого центра всю тактику борьбы в отдельных странах, не считаясь с национальными особенностями[22]*.

Мы остановились так подробно именно на этом выступлении Ленина **, на его отношении к приему лейбористской партии во II Интернационал потому, что оно, быть может, больше, чем другие, показывает самые характерные черты ленинской тактики в борьбе за массы как в России, так и в международном рабочем движении: сочетание идейной принципиальности и гибкости, постоянную заботу Ленина о сплочении всех революционных сил на марксистской основе, призыв учитывать «национально-особенное, национально-специфическое» при решении «единой интернациональной задачи».

В ноябре 1909 года на 11-й сессии МСБ Ленин выступил с речью по вопросу о расколе в социал-демократической рабочей партии Голландии. Лидеры этой партии, Трульстра, Ван Коль, Флиген и другие, отреклись от старой, марксистской программы партии. «Оппортунисты, — писал о них Ленин в статье, посвященной итогам этой сессии МСБ, — предприняли пересмотр старой, марксистской, программы голландской с.-д. партии и выставили, между прочим, такие тезисы этого пересмотра, как... пожелание, чтобы признание программы обязывало членов партии признавать политико-экономические, *«но не философские взгляды Маркса»*»[23].

Они вели политику сближения с либералами, одобряли колониальную экспансию, защищали выдачу субсидий на преподавание религии в школах, поставили своей целью в парламенте борьбу за реформы, противопоставляли парламентскую социал-демократическую фракцию партии.

Ленин в своих выступлениях и статьях неоднократно резко критиковал империалистическую сущность позиции Ван Коля, который приобрел сомнительную известность после оппортунистических выступлений по колониаль-

* Позднее, в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», Ленин предостерегал компартии от шаблона, от механического подражания русскому опыту и призывал их «изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в *конкретных* подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи...» (ПСС, т. 41, стр. 77).

** В тот же день, 11 октября 1908 года, он выступил по седьмому пункту повестки дня, категорически протестуя против принятия сионистов-социалистов в русскую подсекцию Интернационала (ПСС, т. 17, стр. 245—246).

ному вопросу на конгрессе в Штутгарте. Что же касается другого лидера голландских оппортунистов, Трульстра, то Ленин назвал его образцом «продажного, оппортунистического вождя, служащего буржуазии и обманывающего рабочих»[24].

Против оппортунизма Ван Коля, Трульстра и их сторонников выступило революционное крыло партии, возглавлявшееся известной писательницей Генриеттой Роланд-Гольст, Германом Гортером, Антони Паннекуком и другими.

Они основали свою газету «Трибуна», но экстренный съезд социал-демократической рабочей партии Голландии в Дэвенте в феврале 1909 года постановил закрыть эту газету. Редакторы «Трибуны» отказались это сделать (кроме Роланд-Гольст, занявшей, по словам Ленина, в этом вопросе, «к сожалению, безнадежную примиренческую позицию»)[25] и были исключены из партии.

К И. Ф. Попову, осуществлявшему связь между Лениным и Международным социалистическим бюро, приходит поэт Герман Гортер — лидер голландских левых. «Ленин становится центром, к которому идут за поддержкой самые передовые революционные круги социал-демократии... — вспоминает Попов. — Осенью 1909 года ко мне явился т. Гортер, тогдашний лидер голландских революционных марксистов, чтобы просить у Ленина поддержки в МСБ для небольшой марксистской группы, которая на съезде голландской партии объявлена была раскольничьей. С точки зрения фанатиков единства... этот раскол представлялся скандальной выходкой... «Раскольникам» грозила перспектива быть исключенным из Интернационала»[26].

7 ноября 1909 года на 11-й сессии МСБ Ленин выступил с речью в защиту голландских марксистов. Раскол, сказал он, является уже совершившимся фактом, с которым нельзя не считаться; даже противники СДП не могут не признать ее социалистической партией. Ленин обратил внимание МСБ на письмо Генриэтты Роланд-Гольст, одной из тех, кто создал газету «Трибуна». Она не решилась пойти на прямой раскол и осталась в одной партии (СДРП) с реформистами. Однако, когда в 1909 году «трибунистам» грозила опасность, Роланд-Гольст прислала письмо в МСБ, где высказалась за прием СДП в Интернационал.

Ленин поддержал проект резолюции П. Зингера, в котором говорилось: новая партия «должна быть допущена на международные социалистические конгрессы, так как она удовлетворяет условиям, которые поставлены уставом Интернационала. Что касается до участия ее делегата в Бюро и до числа ее голосов на конгрессе, то вопрос этот подлежит решению Копенгагенского конгресса, если голландские товарищи не придут сами к улажению этого спора». Резолюция Зингера решала вопрос «в пользу марксистов».

Оппортунистически настроенное большинство членов МСБ отклонило эту резолюцию, приняв большинством в 16 голосов против 11 резолюцию Виктора Адлера — одного из вождей международного оппортунизма. Эта резолюция, разумеется, была против марксистов. Она гласила: «Просьба СДП передается голландской секции. Если соглашения внутри этой секции

не последует, тогда предоставляется апелляция к Бюро»[27]. (Ван Коль и Трульстра, присутствовавшие на заседании, с восторгом встретили проект Адлера: как говорится, пустила щуку в воду...) Ленин писал: «...из текста ясно, что симпатии этой резолюции на стороне оппортунистов», ибо о признании голландских марксистов членами Интернационала там ничего не говорилось.

Оценивая итоги голосования, Ленин согласился с мнением газеты «Leipziger Volkszeitung» — органа левого крыла германской социал-демократии, которая на следующий день после сессии справедливо назвала это решение «достойным сожаления» и выразила мнение, что Копенгагенский конгресс (дата и повестка дня которого были утверждены на той же сессии МСБ) должен пересмотреть это решение *.

Ленин солидаризируется также с мнением и другой газеты (как он пишет, «того же направления»), а именно газеты «Bremer Biirgerzeitung» (органа бременских левых социал-демократов), которая назвала Адлера адвокатом «международного оппортунизма, блещущего всеми красками». Ленин называет справедливым мнение газеты, что резолюция Адлера прошла «благодаря поддержке оппортунистической мешанины»[28]**.

* На Копенгагенском конгрессе голландская секция Интернационала вынуждена была все же дать один голос (из восьми) представителю СЦП («трибунистам»).

** Речь Ленина в защиту голландских левых 7 ноября 1909 года была напечатана 13 ноября в приложении к газете «Leipziger Volkszeitung».

Вернувшись в Париж, Ленин прочел 21 ноября (4 декабря) 1909 года на собрании Второй Парижской группы содействия РСДРП доклад об этом заседании МСБ, коснувшись также тех вопросов, которые были намечены к обсуждению на предстоявшем в 1910 году в Копенгагене VIII конгрессе[29]*

Еще одним примером борьбы Ленина в поддержку левых элементов социал-демократии является его выступление на сессии МСБ осенью 1911 года в Цюрихе. На этот раз Ленин выступил в защиту Розы Люксембург против оппортунизма лидеров германских социал-демократов.

Эта пламенная революционерка была одним из самых страстных борцов против оппортунизма в немецком и международном рабочем движении. С самого начала выступала она против ревизионизма Бернштейна. Именно она осенью 1899 года на партийном собрании в Лейпциге потребовала исключить Бернштейна из СДПГ. Будучи одним из основателей и руководителей социал-демократической партии Польши, Роза Люксембург участвовала в первой русской революции 1905—1907 года (в Варшаве); в 1907 году на V (Лондонском)

* На следующий же день, 5 декабря 1909 года (что говорит об оперативности слежки за Лениным), заведующий заграничной агентурой в Париже Красильников шлет донесение в Петербург о том, что «в субботу, 4 декабря нового стиля, в Париже на очередном собрании Второй Парижской группы содействия РСДРП Ленин прочел доклад о последнем заседании Международного социалистического бюро... в коем он принимал участие в качестве представителя русской социал-демократии» («Красный Архив», 1934, № 1(62), стр. 221).

съезде РСДРП она поддерживала тактическую линию большевиков.

На Штутгартском конгрессе II Интернационала в 1907 году, сделавшем крупный шаг вперед в борьбе против оппортунизма в международном рабочем движении, Ленин предложил именно Розе Люксембург одно из двух мест предоставленных представителям России в подкомиссии для выработки проекта резолюции о милитаризме. Это символизировало единство взглядов российских и польских социал-демократов в вопросе об опасности империалистической войны.

В начале января 1908 года Владимир Ильич и Надежда Константиновна по дороге в Женеву остановились в Берлине. Они посетили Розу Люксембург; разговор в тот вечер между ними носил особо дружеский характер. В память об этой встрече Ленин в мае 1909 года послал Розе свою только что вышедшую книгу «Материализм и эмпириокритицизм» [30].

Роза Люксембург была талантливейшим публицистом. Ее статья «Революционное похмелье», напечатанная в газете «Пролетарий» (8)21 апреля 1909 года, очень понравилась Ленину. Она была направлена против отзовистов и ультиматистов в РСДРП. «Ваша статья... — писал ей Ленин, — всем очень нравится: жаль только, что Вы *так редко* выступаете по-русски, предпочитаете богатую социал-демократическую партию немцев бедной социал-демократической партии россиян» [31].

Когда начал выходить в Москве журнал «Мысль», Ленин передал через поляков просьбу Розе Люксембург написать что-нибудь для этого журнала на любую тему (теоретическую или публицистическую) [32]. А несколько месяцев спустя ученики школы в Лонжюмо пристают ее читать лекции. «Уважаемые товарищи, — отвечает им Роза Люксембург. — Благодарю вас за приглашение преподавать в Вашей партийной школе. С большим удовольствием я бы последовала этому приглашению, но к сожалению, здешняя партийная работа не позволяет мне решительно удалиться на несколько недель из Германии. Выборная кампания началась уже со стороны нашей партии со всей энергией, и мне приходится каждый месяц уделять пару недель на разъезды по агитации, — не говоря уже о письменной работе на месте. Ввиду этого приходится leider* отказаться. Желаю Вашему предприятию искреннего успеха, с товарищеским приветом. Rosa Luxemburg» [33].

Письмо было написано по-русски и отправлено 9 июня 1911 года.

Во время выборной кампании в рейхстаг в 1911 году, о которой упоминается в этом письме, произошел следующий инцидент. Герман Молькенбур, генеральный секретарь Германской социал-демократической партии, заявил, что социал-демократы перед январскими (1912 года) выборами в рейхстаг не должны «выпячивать» борьбу против милитаризма и колониальной политики немецкой империалистической буржуазии, так как это может-де повредить социал-демократической партии на выборах. Правление партии опасалось, как бы антимилитаристская борьба не лишила партию голосов мелкой буржуазии. Правление не же-

* К сожалению (нем.).

лало развертывания массового движения. Надо сказать, что Молькенбур с 1911 по 1924 год был председателем социал-демократической фракции рейхстага. Это был типичный оппортунист. И бесстрашная Роза Люксембург опубликовала в печати письмо Молькенбура, чтобы разоблачить его[34].

Руководящая верхушка СДПГ обвинила Розу в «предательстве» и передала дело в Международное социалистическое бюро. Было объявлено экстренное заседание МСБ. Происходило оно в Цюрихском «Народном доме» 10—11 (23—24) сентября 1911 года. Ленин, прибыв на заседание, энергично выступил в защиту Розы Люксембург. Он был единственным ее защитником[35].

Травлю ее он рассматривал как поход против всей революционной социал-демократии в целом. Очень высоко ценивший Розу Люксембург, Ленин вместе с тем критиковал ее, когда она ошибалась, и тем самым помогал ей занять правильную позицию. Он критиковал теоретические ошибки Р. Люксембург по ряду вопросов (о роли партии, об империализме, о национально-колониальном и крестьянском вопросах, о перманентной революции и др.). «Но, — писал Ленин,— несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом; и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов (всего мира, но ее биография и *полное* собрание ее сочинений... будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира». И Ленин презрительно и гневно добавляет в адрес тех, кто травил Розу Люксембург: «А на заднем дворе рабочего движения, среди навозных куч, куры вроде Павла Леви, Шейдемана, Каутского и всей этой братии, разумеется, будут особенно восторгаться ошибками великой коммунистки. Каждому свое»[36].

Ленинская критика имела огромное теоретическое и практическое значение не только для самой Розы Люксембург, но и для всех левых социал-демократов. Она способствовала сплочению левых элементов II Интернационала на основе марксизма.

Первые шаги по сплочению левых. Борьба Ленина против милитаризма и колониализма

Всемерно поддерживая революционные элементы в социал-демократических партиях, Ленин стремился сплотить их, создать левое крыло во II Интернационале, с тем чтобы противопоставить блок революционных марксистов возраставшему с каждым годом влиянию оппортунизма на международное рабочее движение.

Первая попытка объединения левых была предпринята Лениным в 1907 году в процессе работы Штутгартского конгресса II Интернационала[37]. Владимир Ильич проводит ряд неофициальных совещаний с левыми социал-демократами с целью выработки единой точки зрения по вопросам, обсуждавшимся на конгрессе, в том числе по вопросу о борьбе с угрозой войны.

М. М. Литвинов, секретарь социал-демократической секции русской делегации на Штутгартском конгрессе, свидетельствует: «Наша

делегация действительно имела совещания с левыми членами других делегаций. Это были, конечно, совещания не формальные, а созываемые по принципу персональных приглашений. Могу вспомнить присутствие на них лишь Ледебура, Розы Люксембург и Тышки. Обсуждаться могли лишь вопросы порядка дня конгресса, по которым были расхождения между правыми и левыми»[38].

Одним из центральных в повестке дня конгресса был вопрос о милитаризме и международных конфликтах. Ленин работал в комиссии, обсуждавшей данный вопрос.

Наиболее приемлемым для Ленина был проект Августа Бебеля, внесенный им от имени Социал-демократической партии Германии. Однако проект имел тот недостаток, что не содержал в себе никакого указания на активные задачи пролетариата.

Надо было внести такие дополнения к резолюции Бебеля, которые вооружили бы пролетариат революционными методами борьбы против империалистических войн. Эту задачу взяли на себя Ленин и его единомышленники. На одном из заседаний российской делегации (между 18 и 20 августа) принимается решение поддержать резолюцию Бебеля, внеся в нее подготовленные Лениным и Р. Люксембург поправки (подписанные также Мартовым). В комиссию конгресса поправки внесла Роза Люксембург[39].

Наиболее важной была четвертая поправка, требовавшая от социалистов в случае возникновения войны всемерно использовать вызванный ею экономический и политический кризис для возбуждения народных масс, чтобы тем самым ускорить падение власти капитала. Эта поправка отразила главную ленинскую мысль о тактике пролетариата по отношению к войне: «Не в том суть, чтобы помешать только возникновению войны, а в том, чтобы использовать порождаемый войной кризис для ускорения свержения буржуазии...* Штутгартский съезд,— писал далее Владимир Ильич,— рельефно сопоставил по целому ряду крупнейших вопросов оппортунистическое и революционное крыло международной социал-демократии и дал решение этих вопросов в духе революционного марксизма»[40].

Борьба большевиков за революционные методы антивоенной тактики способствовала сплочению левых социал-демократов. Вспоминая о событиях тех лет, Н. К. Крупская писала: «Штутгартский конгресс, где Владимир Ильич и Роза Люксембург выступали солидарно по вопросу о войне, очень сблизил их. Было это еще в 1907 г., а они на конгрессе уже говорили о том, что борьба против войны должна ставить себе целью не только борьбу за мир, она должна иметь целью замену капитализма социализмом. Порожденный войной кризис необходимо будет использовать для ускорения свержения буржуазии»[41].

Ленин пристально следил за растущей опасностью возникновения мировой войны и вел активную борьбу против нее. Он разоблачал

* Вспомним, что в октябре 1905 года Ленин, пересылая в ЦК РСДРП письмо Э. Вальяна о позиции пролетариата в случае угрозы войны, замечает: «...единственно, что может повлиять в случае конфликта между правительствами,— это диктатура пролетариата» (ПСС, т. 47, стр. 96).

лицемерие правящих кругов империалистических государств, призывал партии рабочего класса бороться против милитаризма, за предотвращение империалистических войн, выступал против колониализма. В статье «Горючий материал в мировой политике» дается глубокий анализ состояния национально-освободительного движения начала века. «У европейского сознательного рабочего уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам»[42] — к такому выводу приходит Ленин в этой статье.

«Долой всякую колониальную политику, долой всю политику вмешательства и капиталистической борьбы за чужую землю, за чуждое население, за новые привилегии, за новые рынки, проливы и т. п.!»[43] — провозглашает Ленин в статье «События на Балканах и в Персии», написанной в октябре 1908 года.

В статье «Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии» Ленин резко критиковал Фольмара, Носке и других немецких правых социал-демократов, которые заявляли, что если милитаризм и войны являются неизбежными спутниками капитализма, то нет никакого смысла вести против них борьбу, проводить специальную антимилитаристскую деятельность. «Рабочий класс,— писал Ленин в этой статье,— который главным образом поставляет солдат и на который главным образом падают материальные жертвы, в особенности является естественным врагом войн, так как войны противоречат цели, преследуемой им: созданию основанного на социалистическом принципе экономического строя, который на деле осуществит солидарность народов»[44].

Эту же мысль Ленин, по свидетельству Горького, развивал во время их встречи в Париже. Ленин говорил: «Война будет. Неизбежно. Капиталистический мир достиг состояния гнилостного брожения, уже и сейчас люди начинают отравляться ядами шовинизма, национализма. Я думаю, что мы еще увидим общеевропейскую войну. Пролетариат? Едва ли пролетариат найдет в себе силу предотвратить кровавую склоку. Как это можно сделать? Общеевропейской забастовкой рабочих? Для этого они недостаточно организованы, сознательны. Такая забастовка была бы началом граж-

данской войны, мы, реальные политики, не можем рассчитывать на это...

— Пролетариат, конечно, пострадает ужасно — такова, пока, его судьба. Но враги его — обессилят друг друга. Это — тоже неизбежно...

— Нет, вы подумайте: чего ради сытые гонят голодных на бойню друг против друга? Можете вы назвать преступление более идиотическое и отвратительное? Страшно дорого заплатят за это рабочие, но в конце концов выиграют они. Это — воля истории»[45].

Это было сказано в квартире Ленина на улице Мари-Роз, в Париже. Мысли о судьбе пролетариата в случае войны очень волновали Владимира Ильича. Об этом шла речь и у Горького (на острове Капри). Петр Райчев, известный болгарский певец, свидетель этого разговора, приводит слова, сказанные тогда Лениным: «Помните: европейская война неизбежна. Наступит небывалое истребление народов, а главным образом пролетариата, но в конце концов рабочий класс одержит победу. Запомните это!»[46].

На Копенгагенском конгрессе

Перед Копенгагеном Ленин отдыхал во французском приморском городке Порник. Надежда Константиновна и Елизавета Васильевна приехали сюда раньше и поселились сначала в летней колонии Французской социалистической партии недалеко от Порника, в Вандее. «Но в колонии,— вспоминает Крупская,—у нас житье не вышло. Французы жили очень замкнуто, каждая семья держалась особенно, к русским относились недружелюбно как-то, особенно заведующая колонией... Тогда мы все решили перебраться в Порник... Наняли мы с матерью две комнатушки у таможенного сторожа. Вскоре приехал Ильич. Много купался в море, много гонял на велосипеде — море и морской воздух он очень любил...»[47]

Вилла, где они жили (маленький двухэтажный домик на тихой улочке рядом с морем), называлась «Розы».

Находясь в Порнике на отдыхе, Владимир Ильич ведет переписку в связи с подготовкой отчета РСДРП к Копенгагенскому конгрессу. Отчет готовился под руководством Ленина. Он поручил написать этот документ Каменеву. Переводил его на французский язык Шарль Раппопорт, а редактировал лично Ленин[48].

Каждая партия, входившая в Интернационал, должна была представить Международному социалистическому бюро отчет о своей деятельности за период, прошедший после Штутгартского конгресса (то есть за 1907—1910 годы) *.

Январский Пленум ЦК РСДРП 1910 года рассмотрел вопрос о подготовке к Копенгагенскому конгрессу и принял меры к организации делегации на конгресс и к составлению отчета партии, о чем Ленин известил партпй-

* Отчеты 33 социалистических партий и профсоюзных центров 21 страны мира были опубликованы в виде серии под общим названием «От 1907 до 1910 г. Доклады о рабочем и социалистическом движении партий, представленных на Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене (28 августа — 3 сентября 1910)».

ных товарищей, требуя своевременной подготовки доклада.

Стремясь в этом докладе представить конгрессу исчерпывающе полную картину жизни партии, Ленин решительно отверг попытку сократить его. Внимание и беспокойство, которое проявлял Ленин, объяснялось и тем, что меньшевики тоже готовили свой доклад; большевики в своем докладе должны были дать развернутый анализ действительного положения дел в РСДРП, грубо искажаемого меньшевиками.

В связи с тем что Гюисманс запретил печатать доклады объемом свыше четырех страниц, Ленин пишет А. И. Любимову: «Я знаю одно: что доклад *печатаем мы сами;* кто же может нам запретить сделать его большим? Надо только, чтобы *не позже конгресса* доклад был готов — и *мы сами* раздадим его *делегатам».* По поводу пожелания МСБ, чтобы каждая партия напечатала свой отчет на трех языках, Ленин замечает: «Требование печатать доклад на 3-х языках мне известно давно, но раз нет денег? Что же, «запретят» на одном языке?»

«Будет ли доклад (французский) готов к 23 августа? Крайне важно, чтобы был»,— торопит Ленин Д. М. Котляренко, ответственного за печатание доклада в типографии. «Корректуру доклада я просил бы, если можно, посылать мне сюда (хорошо бы второй экземпляр, буде сие осуществимо) »[49],— пишет он ему 8 августа *.

8 августа 1910 года Ленин посылает письмо из Порника М. В. Кобецкому. «Позвольте обратиться к Вам с небольшой личной просьбой,—" пишет Владимир Ильич.— Я бы хотел воспользоваться конгрессом в Копенгагене, чтобы поработать в Копенгагенской библиотеке. Вы очень обязали бы меня, если бы сообщили мне:

1) Открыта ли в сентябре все время Копенгагенская библиотека (национальная или университетская; не знаю, какая лучше; мне нужны материалы о сельском хозяйстве в Дании).

2) Сколько стоит, понедельно и помесячно, меблированная комната в Копенгагене и могли ли бы Вы, *не отрываясь от своих занятий,* помочь мне найти комнату...

Простите за беспокойство. Заранее благодарю Вас и жму руку.

Н. Ленин»[50].

* Отчет РСДРП был издан на французском языке отдельной брошюрой под заголовком «Доклад Российской социал-демократической партии VIII конгрессу Социалистического Интернационала в Копенгагене (28 августа — 3 сентября 1910)». В нем анализировался опыт рабочего движения в России за пять лет и подчеркивалось «универсальное историческое значение» этого опыта. «Самая жестокая, вероломная и кровавая контрреволюция не была в состоянии разрушить пролетариат и партию. Мы черпаем в этом уверенность, что интернациональному пролетариату не придется долго ожидать нового пробуждения русского пролетариата»,— подчеркивалось в отчете (цит. по кн.: *И. М. Кривогуз.* Второй Интернационал. М., 1964, стр. 402).

Предполагалось, что приложением к отчету РСДРП Копенгагенскому конгрессу будет доклад, написанный меньшевиком Триа (Вл. Мгеладзе). Ленин редактировал и этот доклад. Однако как приложеняе он не пошел, а был опубликован позднее на русском языке *(В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 264; т. 48, стр. 2).

Получив ответ Кобецкого, Владимир Ильич вновь пишет ему: «Очень благодарен за сведения и за любезное предложение помощи. Если не затруднит, наймите мне комнату простую, дешевую, маленькую с *26-го числа*. Я буду в Копенгагене к утру 26-го (собрание Бюро)... *Если Вам некогда,*— снова подчеркивает Ленин со столь присущей ему деликатностью,— не хлопочите, я успею найти сам 26—27 августа, ибо заседание Бюро возьмет одно лишь утро»[51].

23 августа Ленин возвратился из Порника в Париж. Здесь он встречается с Плехановым и выезжает вместе с ним в Копенгаген. Во временное удостоверение, выданное Плеханову как представителю РСДРП на Копенгагенском конгрессе, Ленин вписывает: «Georges Plekhanoff. Soc. Dem. Arb. Part. Russlands». Он извещает Международное социалистическое бюро о том, что, согласно постановлению январского Пленума ЦК РСДРП, представителем РСДРП в МСБ наряду с ним, Лениным, является и Г. В. Плеханов. В письме Ленина, написанном во время работы конгресса, говорится, что это решение январского Пленума было поддержано всей русской социал-демократической делегацией, приехавшей на Копенгагенский конгресс. Необходимо подчеркнуть, что именно Ленин настаивал на том, чтобы Плеханов был на конгрессе делегатом от меньшевиков. Мартов же возражал против кандидатуры Плеханова, бывшего в тот период союзником Ленина, и настаивал на том, чтобы послать на конгресс Ф. И. Дана[52].

В состав делегации РСДРП на конгрессе

В. И. Ленин, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зи- (от большевиков), А. Барский (от польских социал-демократов), Г. В. Плеханов, К). Мартов, Ф. И. Дан и А. С. Мартынов (от меньшевиков) и еще до одному делегату от литовских и армянских социал-демократов. Таким образом, всего 10 делегатов с правом решающего голоса.

С правом совещательного голоса на конгресс приехали впередовец А. В. Луначарский, меньшевичка А. М. Коллонтай и «нефракционный» Троцкий. И. П. Покровский присутствовал в качестве представителя при МСБ от социал-демократической фракции III Государственной думы (удостоверение на его имя заполнял сам Ленин)[53]. Прибыл на конгресс и член думской социал-демократической фракции Н. Г. Полетаев.

Было на конгрессе и много гостей. «Насчет *гостей* на конгрессе в Копенгагене не могу ничего сказать,— писал Владимир Ильич 1 августа в ответ на запрос Д. М. Котляренко.— Обыкновенно, кажись, пускали на хоры свободно»[54]. Очень хотелось попасть на конгресс Инессе Арманд. Об этом она пишет в Заграничное бюро ЦК РСДРП из-под Брюсселя, где находилась на отдыхе со своими детьми. Узнав о намерении И. Арманд принять участие в работе конгресса, Владимир Ильич, приехав в Копенгаген, посылает М. В. Кобецкому два гостевых билета (пропуска на заседания конгресса) и просит вписать в один из них имя Инессы Арманд[55].

На заседаниях русской секции конгресса Ленину пришлось вести упорную борьбу против меньшевиков. Выше уже приводились злоб-

ные выкрики Федора Дана в адрес Ленина: «Он губит партию... Какое счастье было бы для партии, если бы он куда-нибудь исчез, испарился, умер...» [56] И когда З. П. Кржижановская опросила: «Как же это так выходит, что один человек может погубить всю партию и что все они бессильны против одного и должны призывать смерть в сообщницы?».-— Дан с раздражением ответил: «Да потому, что нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию. Подите-ка справьтесь с ним» [57].

На этот раз ярый враг Ленина сказал, пожалуй, чистую правду...

Нападки политических противников — отступников, ликвидаторов — больше чем что бы то ни было говорили Ленину, что он на правильном пути. Недаром он так любил (и часто повторял) строки Некрасова:

Мы слышим звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья...

Особенную ярость Дана вызывало продолжавшееся сближение Ленина с Плехановым.

Во время работы Копенгагенского конгресса состоялось совещание, в котором приняли участие Ленин, Плеханов, Каменев, Зиновьев и представители думской социал-демократической фракции Покровский и Полетаев. На совещании было достигнуто соглашение об издании нелегальной «Рабочей газеты» за границей и легального органа в России (при думской фракции), а также о сотрудничестве в этих газетах меньшевиков-партийцев (плехаяовпев).

Работа конгресса сосредоточилась в комиссиях. «Я заметил,— пишет в этой связи И. М. Майский, присутствовавший на конгрессе от русской прессы,— что все более активные люди среди делегатов, все те. кто хотел оказать действительное влияние на решения конгресса, а не только блеснуть красноречием перед международной аудиторией,— все такие люди шли в комиссии, выбирая для себя ту комиссию или те комиссии, которые они считали особенно важными» [58].

Ленин вместе с Луначарским представляет Россию в кооперативной комиссии. Вопрос о кооперации, по убеждению Ленина,— один из существеннейших в борьбе за укрепление сил международного пролетариата. Оппортунисты выдвинули тезис «нейтральности» кооперативов. А Ленин на заседаниях комиссии решительно отстаивал марксистское положение об обязательном подчинении кооперативного движения задачам классовой борьбы пролетариата, задачам борьбы за социализм *.

По инициативе Ленина было созвано совещание левых социал-демократов — делегатов конгресса. Это была вторая — после Штутгарт-

* О своем участии в работе кооперативной комиссии Владимир Ильич подробно рассказывает в статье «Вопрос о кооперативах па Международном социалистическом конгоессе в Копенгагене» (ПСС, т. 19, стр. 345—,4541. См. также «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 5. М., 1969, стр. 151 (воспоминания 10. Сиролы).

ского конгресса — попытка Ленина объединить левых.

В плане брошюры * «Европейская война и европейский социализм» сохранилась ленинская пометка: «Приватное собрание левых Интернационала в Копенгагене».

На этом совещании присутствовали: от франции Ж. Гед и Ш. Раппопорт, от Бельгии де Брукет», от Болгарии Д. Благоев и Г. Кипков, от Германии Р. Люксембург и Э. Вурм, от Польши Ю. Мархлевский (Карский^, от Испании П. Иглесиас, от Австрии А. Браун, от России В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Д. Б. Рязанов. Совещание левых обсудило вопрос об опасности оппортунизма во II Интепнационале и необходимости усиления борьбы с ним[59].

Симптомы решительной размежевки с ревизионистами все более нарастали. «Борьба с ревизионизмом отсрочена, но эта борьба придет неизбежно»[60],— писал Ленин, подводя итоги конгресса.

После завершения работы конгресса ** Ленин приезжает 30 августа (12 сентября) 1910 года в Стокгольм для свидания с матерью. Это была их последняя встреча.

Из Стокгольма Ленин снова заехал — по пути в Париж — в Копенгаген и выступил там с рефератом о конгрессе. М. Кобецкий, бывший в то время секретарем Копенгагенской группы содействия РСДРП, вспоминает: «Реферат состоялся в понедельник, 26 сентября 1910 г. На нем присутствовало человек около 100 — членов копенгагенских эмигрантских групп: нашей (группа содействия РСДРП), бундовской, польской, латышской, все почти исключительно рабочие. Владимир Ильич говорил о Копенгагенском конгрессе... говорил очень ясно и просто. Слушатели были очень довольны и благодарны». И далее Кобецкий сообщает один факт, очень характерный для Ленина: «Владимир Ильич с готовностью согласился прочесть этот реферат, тогда как все мои попытки (я был секретарем нашей группы уговорить кого-нибудь из других наших делегатов выступить с докладом остались безрезультатными»[61].

* Брошюру Ленин не написал.

** В день окончания конгресса, 3 сентября 1910 года. Ленин подписывает вместе с Г. Кирковым, видным деятелем болгарского рабочего движения, поздравительную открытку его жене и ближайшему соратнику Тине Кирковой (по случаю дня ее рождения): «Тина, марксисты, собравшиеся на ужия после Конгресса, передают тебе поздравление. Твой *Георгий, Н. Ленин...» (В. И. Ленин.* ПСС. т. 47, стр. 302). Среди подписавшихся были также Г. В. Плеханов, Роза Люксембург, Жюль Гед и Юлиан Мархлевский (Карский), присутствовавшие на этой дружеской встрече левых участников Копенгагенского конгресса.

Против клеветы и дезинформации

В день открытия Копенгагенского конгресса, 28 августа 1910 года, газета «Форвертс» напечатала злобную анонимную статью «Русская социал-демократия». Статья имела подзаголовок: «От нашего русского корреспондента». Автор ее (как потом выяснилось, это был Троцкий) писал о разложении, о распаде партии, пытался ошельмовать газету «Социал-Демократ», ЦК РСДРП и Ленина.

Не в первый раз эта газета — центральный орган Германской социал-демократической партии — выступала с тенденциозным освещением положения в РСДРП с позиций ликвидаторов и троцкистов. Изолированные от участия в русском революционном движении, осужденные партийными организациями в России, ликвидаторы и троцкисты обратились за поддержкой к лидерам II Интернационала, тем самым еще раз доказав, что оппортунизм русский, как писал Ленин, проявление оппортунизма международного, доказав родственность свою как правым оппортунистам II Интернационала (меньшевики-ликвидаторы), так и центристам (Троцкий) *.

Прикрываясь фразами о своей внефракционности, Троцкий старался изобразить дело так, будто борьба между большевиками и меньшевиками идет из-за влияния «на политически незрелый пролетариат» *. Он извращал большевизм и историю русской революции.

Возмущенные клеветническим выступлением Троцкого и в первую очередь предоставлением ему трибуны редакцией «Форвертс», Ленин, Плеханов и польский социал-демократ Д. Барский обратились с гневным протестом к Правлению СДПГ**. Публикация редакцией «Форвертс» статьи Троцкого квалифици-

* «Форвертс» сразу же после раскола партии на II съезде стал поддерживать меньшевиков. В годы реакции эта газета печатала клеветнические статьи против Ленина, большевиков, не давая им выступить с опровержением и объективной оценкой положения дел в партии. Так, например, 3 апреля 1909 года «Форвертс» опубликовала грубо тенденциозное сообщение о V конференции РСДРП, вызвавшее возмущение Ленина. Он направил в правление СДПГ решительный протест от имени ЦК РСДРП и поставил вопрос о нелояльном поведении редакции «Форвертс», которое выражалось в тенденциозной публикации статей о русских делах ПСС. т. 17, стр. 391—3912).

«В «Vorwarts'e» печатается самая наглая ложь...— писал Ленин по атому поводу 16 апреля 1912 года.— Пишет Троцкий и К^0, немцы верят. Вообще в «Vorwarts'e» ТРОЦКИЙ ХОЗЯИН. Иностранным отделом заведует Гильфердинг — приятель Троцкого» (ПСС. т. 48. стр. 59).

Поддерживал РУССКИХ оппортунистов и теоретический журнал Германской социал-демократической партии «Neue Zeit», который систематически печатал статьи ревизионистов. Его редактором (вплоть до 1917 года) был Карл Каутский, который, как известно, неоднократно предпринимал попытки вмешательства в «русские дела» с целью их «исправления». В 1908 году Ф. Дан опубликовал в этом журнале статью, в которой представил немецкому читателю либеральную буржуазию как прогрессивную силу в русской революции, а крестьянство — как реакционную, вполне довольную столыпинской реформой. Такое фальшивое изображение обстановки в России сразу же было разоблачено Лениным, показавшим, что оно вытекает не из действительности, а из политической программы Дана (ПСС, т. 17, стр. 33).

Меньшевики я — особенно! —Троцкий спекулировали на внимании к ним лидеров II Интернационала, хвастались их поддержкой, печатали письма этих лидеров в своих органах. Именно это имел в виду Ленин, когда в сентябре 1909 года писал об антипартийной школе на острове Капри и о хвастовстве организаторов школы письмом Каутского в их адрес (ПСС, т. 47, стр. 208, 354).

* Вспомним, как иронически писал Ленин относительно так называемой «внефракционности» Троцкого: «Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра — другой, и поэтому объявляет себя стоящим *выше* обеих фракций» (ПСС, т. 19, стр. 375).

* Проект протеста был составлен Розой Люксембург («В. И. Ленин. Биохроника», т. 2, стр. 564).

ровалась ими как «беспримерное нарушение интернациональной солидарности и братства по отношению к русской социал-демократии». Самым энергичным образом протестовали она против «вероломной критики» РСДРП и ее центральных учреждений.

«В разгар работы Международного конгресса... — говорилось в письме, — в Центральном органе Германской партии вдруг появляется без какого-либо повода, без всякой видимой надобности статья с невероятными нападками на русскую социал-демократию. В упомянутой статье беззастенчиво критикуется все социал-демократическое движение России; статья пытается в самых мрачных красках представить перед заграницей упадок, бессилие и разложение социал-демократии в России. Далее в ней раскритикованы и охаяны снизу доверху все без исключения существующие фракции и направления в партии; наконец, содержатся грубые нападки по адресу официальных центральных учреждений партии — Центрального Комитета, Центрального Органа — обвинение их в фракционной однобокости и т. д.; неслыханным образом оклеветаны и отдельные члены этих центральных учреждений» [62].

Анонимный автор, подчеркивают Ленин, Плеханов и Барский, стремился своей статьей повредить интересам социал-демократического движения в России. Опубликовав статью, центральный орган германской социал-демократии нарушил свой интернациональный долг.

Несмотря на протест Ленина, Плеханова и Барского, антибольшевистская кампания в правой социал-демократической печати продолжалась. Один из лидеров меньшевизма, Марков выступает со статьями в «Арбайтер цайтунг», органе австрийских социал-демократов; появляется новая клеветническая статья Троцкого, на этот раз в журнале «Нойе цайт».

Троцкий старался представить большевизм в виде течения с узкосектантскими взглядами, а отход от РСДРП антипартийных ликвидаторских элементов изображал как разложение всей партии. В другом номере «Нойе цайт» Мартов, открыто проповедуя либерально-буржуазные взгляды на уроки русской революции, исказил смысл борьбы РСДРП за углубление и развитие революции.

Познакомившись со статьями Мартова и Троцкого, Ленин немедленно запросил Каутского о возможности выступить в «Нойе цайт» против клеветы и дезинформации. Как и следовало ожидать, редакция журнала отказалась поместить опровержение Ленина. И он пишет в связи с этим несколько дней спустя Ю. Мархлевскому (Карскому): чрезвычайно обидно, что лидеры II Интернационала, в том числе Каутский, не видят «пошлости и гнусности таких статей, как Мартова и Троцкого... Ведь это прямо скандал, что Мартов и Троцкий безнаказанно лгут и пишут пасквили под видом «научных» статеек!!» [63] Далее Ленин сообщает, что «написал уже около половины большой статьи против Мартова и Троцкого вместе» *, и предлагает Мархлевскому включить в его статью ряд дополнений,

* Имеется в виду статья «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России» (ПСС, т. 19, стр. 358—376).

в которых резко критикует фальсификацию Мартовым исторической роли пролетариата в революции 1905 года.

Статья Ю. Мархлевского, защищающая ленинскую позицию, появилась в «Нойе цайт» 28 октября 1910 года. Это было еще одним выражением сотрудничества польских социал-демократов с Лениным, большевиками в борьбе против российского и международного оппортунизма [64].

Добившись публикации в немецкой социал-демократической печати материалов, опровергающих ложь меньшевиков, Ленин сначала выступает в «Социал-Демократе» со статьей «О том, как некоторые с.-д. знакомят Интернационал с положением дел в РСДРП», а затем со статьей «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России». Эта статья была опубликована 29 апреля (12 мая) 1911 года в № 3 «Дискуссионного Листка». В ней Ленин убедительно доказывает, что Мартов вместо объективного анализа положения в РСДРП «излагает взгляды меньшевизма», а Троцкий «плетется за меньшевиками, прикрываясь особенно звонкой фразой». «...Если немецким товарищам Троцкий говорит, что он представляет «общепартийную тенденцию», то мне приходится заявить, что Троцкий представляет лишь *свою* фракцию и пользуется некоторым доверием *исключительно* у отзовистов и ликвидаторов» [65], — подчеркивает Ленин.

В 1910—1912 годах меньшевики и Троцкий пытались организовать финансовый нажим на большевиков с помощью своих покровителей в Международном социалистическом бюро, в частности К. Каутского. Дело в том, что Каутский был одним из трех «держателей» (арбитров, членов третейского суда), которым были переданы на хранение, по решению январского Пленума ЦК РСДРП 1910 года, деньги, принадлежавшие большевистской фракции. Сумма равнялась примерно 300 тысячам франков *.

Как мы уже упоминали, большевики, идя навстречу назревшей потребности в организационном единстве партии, подчинились решениям январского Пленума ЦК: закрыли газету «Пролетарий», в феврале 1910 года распустили Большевистский центр и передали деньги в общепартийную кассу.

Распоряжение денежным имуществом большевистской фракции было передано на определенных условиях «держателям» — представителям германской социал-демократии — К. Каутскому, Ф. Мерингу и К. Цеткин. Нужные большевикам суммы выдавались теперь из «держательских денег» через Заграничное бюро ЦК РСДРП только с согласия «держателей». Так, например, в марте 1911 года Ленин выезжал в Берлин для переговоров с «держателями» партийных средств об ассигновании денег на газету «Звезда» и на издание отчета социал-демократической фракции III Государственной думы.

При заключении договора с меньшевиками Ленин настоял, чтобы за большевиками оста-

* О происхождении этих денег («наследстве Н. П. Шмидта») см.: «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, стр. 342; *Е. Н. Андриканис.* Хозяин чертова гнезда. М., 1965 (автор книги — племянник Н. П. Шмидта, завещавшего свои деньги большевикам).

лось право потребовать от «держателей» возврата денег, если меньшевики не распустят свой фракционный центр, не закроют «Голос Социал-Демократа», не прекратят фракционный раскол за границей, не будут лояльно проводить в жизнь резолюцию о борьбе с ликвидаторством. Но, как и предвидел Ленин, ликвидаторы отказались от соблюдения договора; вероломно нарушив решение Пленума о прекращении издания «Голоса Социал-Демократа», они выпустили очередной номер с нападками на нелегальную партию.

Тогда Ленин от имени большевиков заявил о расторжении договора с разрушителями партии и потребовал возврата партийных денег: 5 декабря 1910 года было подано заявление в ЗБЦК с требованием немедленного созыва пленума ЦК[66].

Троцкий, которому, по решению январского Пленума ЦК, была выдана субсидия на издание его газеты «Правда» в Вене[67], выступил с клеветническими заявлениями по адресу большевиков, обвиняя их в «финансовой диктатуре». Троцкого поддержал Каутский, который открыто вмешался во внутренние дела РСДРП, пытаясь под маской объективности оказать финансовую помощь Троцкому и его сторонникам. Таким образом Каутский пытался оказать давление на большевиков, заставить их отказаться от непримиримой борьбы против ликвидаторов и троцкистов.

«Каутский и его «тройка» объявили, что «на раскол денег не дадут», — вспоминает И. Ф. Попов. — Никакие мирные усовещания не помогли. Тогда Владимир Ильич поручил мне договориться с каким-либо известным в Бельгии адвокатом, по возможности социалистом, чтобы тот дал юридическое заключение о неправильных действиях держателей. Кроме меня еще двое товарищей, живших в Англии и Италии, получили от Владимира Ильича поручение добыть такие же заключения»[68].

ri «держателям» апеллируют и меньшевики. В своей книжке «Спасители или упразднители?», вышедшей в Париже в 1911 году, Мартов пытается, в частности, доказать, что Н. 1i. Шмидт завещал свои деньги не большевикам, а всей РСДРП в целом (значит, и им, меньшевикам), а Большевистский центр во главе с Лениным эти деньги якобы «узурпировал»[69].

Книжка Мартова содержала выпады против большевиков и Ленина настолько грубые и клеветнические, что, когда он послал ее К. Каутскому и К. Цеткин (в переводе на немецкий язык, сделанном на пишущей машинке), Каутский назвал ее «отвратительной», а Цеткин — «грязной». Об этом сообщает Ленин в письме Горькому от 15 сентября 1911 года и добавляет иронически в адрес Мартова, что посылкой клеветнической брошюры «держателям» Мартов, вместо того чтобы навредить большевикам, *«очень* помог» им, так как К. Каутский и К. Цеткин «обругали брошюру жестоко»[70].

Оскорблениями, которыми осыпали меньшевики Ленина и большевиков, была крайне возмущена Роза Люксембург. Она сказала, что писания Мартова против Ленина по своей низости превосходят «все, что появлялось до сих пор...»[71].

«Держатели» — один за другим — отказыва-

ются от своей роли третейских судей. В конца января 1912 года Ленин едет в Берлин для получения от бывших «держателей» принадлежащих партии денег (уже согласно решению Пражской конференции)[72].

По воспоминаниЯхМ В. Б. Адоратского, у которого Ленин останавливался по приезде в Берлин, Бладимир Ильич после встречи с Каутским был очень раздражен и по поводу Каутского «отзывался весьма непочтительно и с возмущением говорил, что тот «суется» решать вопросы, абсолютно не будучи в состоянии разобраться в русских делах» '[3].

Несмотря на все принятые меры, «держатели» так и не отдали денег большевикам, а революция, как писала впоследствии М. И. Ульянова, «вообще поставила на этих деньгах крест»[74].

VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП, изгнавшая из партии ликвидаторов, вызвала ярую ненависть и страх международного оппортунизма. Им было чего бояться: своей непримиримой борьбой с оппортунизмом большевики дали убедительный пример всем революционным интернационалистским элементам в социал-демократических партиях и других стран.

XIII съезд Итальянской социалистической партии, состоявшийся через полгода после Пражской конференции, исключил из партии группу оппортунистов во главе с бывшим лидером партии Биссолатти. Ленин в связи с этим писал: «Раскол — тяжелая, болезненная история. Но иногда он становится необходимым, и в таких случаях всякая слабость, всякая «сентиментальность»... есть преступление. Вожди рабочих не ангелы, не святые, не герои, а люди, как все. Они делают ошибки. Партия поправляет их... Но если на ошибке настаивают, если для защиты ошибки составляется группа, которая топчет ногами все решения партии, всю дисциплину пролетарской армии, тогда раскол необходим. И партия итальянского социалистического пролетариата, удалив из своей среды синдикалистов и правых реформистов, встала на верный путь»[75].

В самом факте изгнания оппортунистов из Итальянской социалистической партии Ленин видел подтверждение линии Пражской конференции РСДРП, направленной на то, чтобы борьбу с оппортунистами вести последовательно, энергично и доводить до конца, до организационного разрыва с ними.

Как известно, борьба большевиков за проведение в жизнь решений Пражской конференции вызвала ожесточенное сопротивление всех антипартийных групп и течений. Ликвидаторы, впередовцы, троцкисты, бундовцы единым фронтом ополчились против ее решений. В январе 1912 года состоялось совещание ликвидаторов при участии представителей Бунда, социал-демократических организаций Латвии, Литвы и Кавказского меньшевистского областного комитета. Совещание ставило своей задачей сорвать выполнение решений Пражской конференции и создать организационный комитет по созыву конференции ликвидаторов. Ленин высмеял потуги антипартийных групп сколотить блок, созвать свою конференцию: «Бунд + латыши пробуют смастерить конфе-

ренцию с ликвидаторами. Пусть попробуют!.. С ликвидаторами *мы* порвали, *партия* порвала. Пусть попробуют создать иную РСДРП *с* ликвидаторами! Смеху достойно»[76].

12 марта в Париже собрались представители различных «течений»: заграничного комитета Бунда, меньшевиков-плехановцев, группы «Вперед», «Голоса Социал-Демократа», группы Троцкого и примиренцев. Обвиняя большевиков в «узурпации», в «расколе», в «перевороте» в партии, это совещание призвало местные организации не подчиняться решениям общепартийной конференции. Участники совещания вынесли «протест» против Пражской конференции. Эта резолюция была направлена в Международное социалистическое бюро, в ЦК и ЦО германской, австрийской и французской партий, а также бывшим «держателям». Ликвидаторы, Троцкий и их сообщники стремились очернить и опорочить большевиков на международной арене. Одной из форм борьбы ликвидаторов против партии было их стремление доказать неправомочность избранного конференцией Центрального Комитета. И прежде всего они нападали на самого Ленина.

Доклад Ленина об итогах Пражской конференции, написанный специально для Международного социалистического бюро, был разослан К. Гюисмансом с циркуляром МСБ. Его опубликовали почти одновременно крупнейшие социалистические газеты: «Пепль» (Франтция) — 23 марта 1912 года: 25 марта — «Лейпцигер фольксцайтунг» (Германия): «Форвертс» (Германия) — 26 марта; 6 апреля — «Джастис» (Англия).

Редакция «Форвертс» к докладу Ленина приложила пространный (по размерам больше чем ленинский доклад) анонимный комментарий Троцкого под названием «Из русской партийной жизни».

Троцкий постарался представить Пражскую конференцию как совещание «ленинской группы», утверждая, что она не может считаться общепартийной, поскольку вне ее остались «другие направления социал-демократии России». Статья была наполнена бранью по адресу партии, Пражской конференции. В письме Орджоникидзе, Спандаряну и Стасовой Ленин сообщал: «В «Vorwarts'e» от 26 марта появилась бешеная и гнусная статья против конференции, от имени редакции. Ясно, что это Троцкий. Бой великий из-за конференции...»[77]

В ответ Ленин написал статью «Аноним из «Vorwarts'a» и положение дел в РСДРП», разоблачающую лживые выпады Троцкого, и направил ее в редакцию «Форвертса». Но «приятели» Троцкого, Гильфердинг и другие, отказались напечатать статью Ленина. Тогда редакция «Соииал-Демократа» издала статью Ленина отдельной брошюрой на немецком языке и разослала ее по 600 адресам: редакциям немецких социал-демократических изданий, руководящим лицам, местным комитетам, библиотекам. Троцкий был разоблачен.

Характеризуя выступление Троцкого, Ленин писал: «...статьи анонимного осведомителя «Vorwarts'a» отдают таким букетом беспардонного хвастовства и фразистой лжи, что не допускают сомнения в том, что ликвидаторскин заказ на эти статьи попал в опытные руки»[78].

Несмотря на то что Ленин послал Гюисмансу свой доклад о Пражской конференции, тот разослал копию резолюции совещания антипартийных групп во все секции II Интернационала. Тем самым он объективно способствовал распространению клеветы. Прислал он резолюцию и Ленину (как члену МСБ). Отвечая Гюисмансу, Ленин напомнил, что участники совещания — ликвидаторы и «различные заграничные группы, вносящие дезорганиза* цию в нашу партию и ничего не представляющие в России» [79].

30 марта Секретариат МСБ опубликовал в своем циркуляре парижскую резолюцию с предисловием Гюисманса, в котором фракционные группки фактически ставились на «одну доску» с Центральным Комитетом РСДРП. Ленин пишет два письма, одно из которых имело личный характер и предназначалось Гюисмансу, а другое имело официальный характер и было опубликовано в циркуляре МСБ 12 апреля 1912 года. «Мы не можем...— писал Ленин,— придавать ни малейшего значения протестам мелких заграничных групп, которые ни на какие партийные организации в России не опираются» [80].

Наконец, Гюисманс вынужден был признать, что был неправ, выступив фактически в роли посредника для передачи полемического материала. Ленин в твердой и вместе с тем корректной форме, которой он всегда придерживался в переписке с секретарем Международного социалистического бюро, убедительно просил Гюисманса на будущее «пересылать лишь те документы», которые он получает «от высших учреждений партий, представленных в Бюро, и которые касаются этих партий» [81] *

Выступления Ленина на международной арене с разъяснением значения конференции, так же как и сами решения конференции, не только сыграли первостепенную роль в укреплении партии, но и явились образцом идейной борьбы и организационного размежевания с оппортунистами для всех революционных элементов в социал-демократических партиях.

* С середины 1912 года партия большевиков подвергается систематическому и организованному «нажиму» со стороны оппортунистически настроенных лидеров 11 Интернационала с целью ликвидировать ее как пролетарскую партию нового типа под видом «объединения» с оппортунистическими группами. В декабре 1913 года «русский» вопрос стоял в повестке Международного социалистического бюро. Этому вопросу было посвящено и пресловутое «объединительное» совещание в Брюсселе (16—18 июля 1914 года). Как известно, все эти попытки закончились позорным провалом (подробнее см. «Вопросы истории КПСС», 1У59, № 5, стр. 152—163).

Во время своего последнего приезда в Париж, 18 января 1914 года, Ленин делает на собрании парижской секции большевиков сообщение о намерении МСБ вмешаться в дела РСДРП с целью выявления «пунктов расхождения» между большевиками и меньшевиками. «Это вмешательство Международного социалистического бюро в русские дела,— вспоминает Крупская,— очень волновало Ильича, который ждал от этого вмешательства лишь тормоза для все усиливающегося влияния большевиков в России» *(Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 231). Владимир Ильич с возмущением рассказал своим товарищам в Париже о заявлении Каутского на заседании МСБ в декабре 1913 года, что-де социал-демократическая партия в России умерла. Каутскому надо было дать решительный отпор.

«Желательнее всего, чтобы секция приняла мордобойную резолюцию против Каутского (назвав его

Переписка Ленина с секретарем МСБ К. Гюисмансом

Письма Ленина К. Гюисмансу, касающиеся положения дел в РСДРП, показывают, каким образом разоблачал он ложь и дезинформацию со стороны ликвидаторов и троцкистов, как отбивал все попытки оппортунистических лидеров «примирить» непримиримые группы после Пражской конференции.

Но кроме этого крайне важного круга проблем письма Ленина Гюисмансу затрагивают целый ряд других вопросов. Только за период с 13 декабря 1908 (канун переезда Ленина в Париж) по 30 сентября 1909 года секретариат МСБ получил от Ленина 12 писем. Они освещали деятельность социал-демократической фракции в III Государственной думе, касались издания отчета РСДРП Штутгартскому конгрессу, подготовки доклада РСДРП будущему конгрессу в Копенгагене, интернациональной помощи забастовщикам Вильно, организации протестов против поездки русского царя в Европу, перевода и публикации на французском языке Программы и Устава РСДРП *.

заявление о смерти партии бесстыдным, наглым, чудовищным, игнорантским)», — писал Ленин Инессе Арманд уже после своего отъезда из Парижа (ПСС, т. 49, стр. 254). Он имел в виду тот факт, что 18 января 1914 года собрание секции не приняло резолюцию против Каутского. Т. Ф. Людвинская, бывшая членом секции, допускает в своих воспоминаниях неточность, когда пишет, что собрание секции «единодушно согласилось с Владимиром Ильичей» *(Т. Ф. Людвинская.* Великий, близкий, простой. М., 1964, стр. 17).

* Речь идет о переводе на французский язык программ и уставов всех партий II Интернационала.

В письмах за этот период содержатся также просьба подыскать работу большевику Т. Богдасаряну, резко отрицательная оценка «дела» провокатора Б. Герцика и др.[82]

Русское революционное движение... Это было главной заботой, главным содержанием всей деятельности Ленина, а следовательно, и главным содержанием его писем Гюисмансу. В этом смысле особенно показательны несколько его писем, на которых следует остановиться более подробно.

В конце 1908 года в Вильно началась крупнейшая забастовка рабочих кожевенных заводов. Она явилась ответом на локаут, объявленный владельцами кожевенных предприятий, перешедшими в наступление на завоевания рабочих — 8-часовой рабочий день и более высокий, чем в остальных районах России, уровень заработной платы. Поскольку предприниматели были не в состоянии на длительный срок остановить предприятия, локаутная комиссия призвала рабочих продолжать забастовку до полной победы и обратилась через «Пролетарий» к рабочим России и Западной Европы с призывом поддержать стачечников. Это воззвание было опубликовано в газете «Пролетарий» 7(20) января 1909 года.

Летом 1909 года МСБ предприняло перевод Программы и Устава РСДРП, которые были изданы на русском языке газетой «Социал-Демократ» в Париже, в 1909 году. Перевод был, по выражению Ленина, «весьма несовершенным» (ПСС, т. 47, стр. 181). Перевод Программы и Устава был поручен Ш. Раппопорту (ПСС, т. 47, стр. 181, 205, 207, 209). Новый перевод был послан Лениным в МСБ 30 сентября 1909 года (ПСС, т. 47, стр. 209).

Редакция ленинской газеты «Пролетарий» организовала сбор средств за границей в помощь забастовщикам.

В начале января 1909 года Ленин послал секретарю Международного социалистического бюро Гюисмансу письмо с просьбой о помощи бастующим кожевникам Вильно. Постскриптум содержал воззвание кожевников. 28 января 1909 года Гюисманс направляет копию воззвания кожевников секретарю бельгийских профсоюзов Бергману и в Германию — секретарю Международного секретариата профсоюзов Карлу Легину.

Предпринятые Лениным усилия увенчались успехом. Уже следующий, 42-й номер газеты «Пролетарий» от 12(25) февраля сообщил о поступлении денег для бастующих — из Германии и Франции. Профсоюз кожевников Вильно послал письмо в редакцию «Пролетария» с благодарностью за братскую помощь.

Для получения собранных иностранными рабочими денег за границу был направлен товарищ Марцели (Эйдукявичюс), рабочий-металлист, один из видных деятелей литовского революционного движения, с 1906 года член ЦК Социал-демократической партии Литвы. Он был у Ленина в Париже и получил от него соответствующие инструкции.

Но возникли непредвиденные осложнения.

25 февраля 1909 года Ленин послал из Парижа Гюисмансу письмо, написанное на немецком языке (для пересылки Карлу Легину— немцу): «Кожевники Вильны послали товарища *Марцели* за границу, чтобы собрать деньги для бастующих. Тов. Марцели был у юв. Легина, но тов. Легин отнесся к нему недоверчиво, потому что у Марцели не было никакого удостоверения. Я знаю товарища Марцели, и он просит меня теперь, чтобы Международное бюро сообщило товарищу Легину, что товарищ Марцели действительно уполномочен кожевниками Вильны и что деньги, собранные для бастующих, должны быть посланы по адресу, указанному товарищем Марцели товарищу Легину. Союз кожевников Вильны пошлет товарищу Легину еще специальную доверенность. Я прилагаю печать этого Союза» [83].

В ответном письме Гюисманс сообщил Ленину о том, что он выполнил его просьбу.

Летом 1909 года царь Николай II едет в Европу. Целью поездки была демонстрация единства европейских сил реакции, помогавших подавлению революции 1905—1907 годов в России.

Первыми против приезда Николая II выступили социалисты Швеции, внеся от имени социал-демократической фракции запрос в парламент. Высоко оценивая это выступление, Ленин 26 мая 1909 года обратился в Исполком МСБ с просьбой поддержать инициативу шведских социалистов и призвать рабочий класс к единодушному протесту против царской поездки.

«Газеты сообщают о поездке царя...—писал Ленин.— Шведские социалисты уже сочли необходимым по этому поводу выступить, и от их имени наш товарищ Брантинг заявил в шведском парламенте — в форме запроса правительству — энергичный протест, проникнутый духом международной социалистической солидарности.

Мы уверены, что наши товарищи в других странах разделят мнение Брантинга... и что они со своей стороны выступят с протестом, как того требуют обстоятельства.

Необходимо только призвать их к срочным действиям... Нам кажется также, что Исполнительный комитет и Межпарламентская комиссия могли бы взять на себя инициативу обращения к примыкающим партиям, равно как к соответствующим парламентским группам, указав им на роль паря Николая II в зверствах режима, в отношении которого он является не только представителем, но и активным и преступным вдохновителем». В заключение Ленин подчеркивает: «Совершенно особое внимание наших товарищей из других секций должно быть обращено на зверства в русских политических тюрьмах, где десятки тысяч наших товарищей искупают свое стремление к свободе и свою борьбу за рабочее дело и социализм» [84].

Получив письмо Ленина, МСБ обратилось с воззванием, которое было опубликовано в центральной печати социалистических партий нескольких европейских стран.

В программу поездки царя входили Франция, Англия, Швеция и Италия. Депутаты-социалисты этих стран выступили открыто — на заседаниях парламента — против визита палача русской революции (Торн и Кейр-Гарди в Англии, Моргари в Италии, Жан Жорес во Франции).

В Швеции, Германии, Англии, Франции, Италии и других странах были организованы митинги и демонстрации протеста. Активные действия пролетариата помешали Николаю II появиться в столицах европейских государств и фактически сорвали поездку.

В статье «Поездка царя в Европу и некоторых депутатов черносотенной Думы в Англию», опубликованной 11(24) июля 1909 года в газете «Пролетарий», Владимир Ильич подводил итоги выступлениям социалистических парламентариев Европы. Он писал, что «Торн в Англии, Жорес во Франции, Моргари в Италии — последовали уже призыву Международного социалистического бюро и заявили перед всем миром о той ненависти, о том презрении, с которыми относится рабочий класс к Николаю-Погромщику, к Николаю-Вешате-

лю, к Николаю, давящему теперь персидский народ...». И Ленин с удовлетворением отмечает: «Торжественное празднество вождей международной реакции, празднество по поводу подавления революции в России и Персии *сорвано* единодушным и мужественным протестом социалистического пролетариата всех европейских стран».

В этой же статье Ленин, касаясь поездки «российских парламентариев» в Англию (которая должна была, по замыслу, совершиться одновременно с визитом царя в Европу), так характеризовал членов этой делегации: «Они корчат из себя представителей «конституционной» России, они восхваляют «обновленный» строй и обожаемого монарха, «даровавшего народу» Думу. Они топорщатся и надуваются, как крыловская лягушка...»

С негодованием Ленин приводит в своей статье ставшую «знаменитой» фразу лидера партии кадетов Милюкова из его речи на приеме у лорд-мэра Лондона: «Пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией Его Величества, а не Его Величеству». И это говорит «вождь «конститущмтпо-демократической» (не шутите!),— восклицает Ленин,— партии... Дослужились, гг. кадеты...» [85]

Еще одна крупная международная кампания, организованная Лениным как представителем РСДРП в МСБ, относится к 1911 году. Она была связана с «делом втородумцев» — 55 социал-демократических депутатов II Государственной думы, сосланных на каторгу в 1907 году.

Ленин обратился в Международное социалистическое бюро с письменным докладом, в котором рассказал о преступлениях царизма и его наемных агентов. Статья (доклад) Ленина «О социал-демократической фракции II Думы» была напечатана Исполнительным комитетом Международного социалистического бюро вместе с материалами о деле социал-демократических депутатов II Думы на немецком, французском и английском языках в «Периодическом бюллетене Международного социалистического бюро» № 8.

После опубликования статьи Ленина агитационная кампания за границей за освобождение социал-демократических депутатов II Государственной думы усилилась. «Рабочая газета» от 17(30) марта 1912 года сообщала: «Иностранные с.-д. партии после призыва Международного социалистического бюро, разославшего всем партиям доклад по этому делу представителя нашей партии в МСБ т. Ленина, развили усиленную агитацию. Выступили с протестом все с.-д. депутаты Германии, Франции, Бельгии, Швеции, Финляндии, Австрии и т. д.»

Выступив инициатором международной кампании, в ходе которой укрепилась интернациональная солидарность пролетариата, Ленин вновь и вновь обращает внимание рабочих Запада на революционное движение России.

Эта кампания еще раз показала, каким образом Ленин, будучи представителем РСДРП в МСБ, неуклонно проводил в жизнь принцип пролетарского интернационализма, братского сотрудничества трудящихся всех стран, вел борьбу за единство всех революционных сил

в международном рабочем движении, последовательно защищая принципы революционной социал-демократии, борясь против оппортунизма и центризма лидеров II Интернационала за торжество революционного марксизма.

Переписка Ленина с Гюисмансом — важнейший источник для изучения его деятельности в Международном социалистическом бюро. До недавнего времени эта переписка была известна только частично: Гюисмаяс, посетивший СССР, преподнес в дар Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС 13 ленинских автографов. Кроме того, три письма Ленина Гюисмансу были обнаружены в наших архивах. Остальные письма Ленина в секретариат МСБ долгое время считались утерянными.

Только в начале 60-х годов Гюисмансу удалось найти централизованный архив II Интернационала, который он как секретарь МСБ создал в 1905 году по решению Парижского конгресса. Этот архив, содержащий ценнейшие документы, был дважды серьезно поврежден: сначала в годы первой мировой войны, а затем в годы второй мировой войны, когда Бельгия была оккупирована фашистской Германией. Архив хранился в подземелье, под зданием городской ратуши в Антверпене, которая была разрушена и затоплена во время бомбардировки в 1943 году. Поэтому большинство найденных документов оказалось испорченными, в том числе пострадали и некоторые драгоценные для нас автографы ленинских писем.

Ленинские письма, найденные в архиве МСБ, были впервые опубликованы на французском языке Ж. Хауптом, близким сотрудником Гюисманса, в журнале «Carriers du Monde Russe et Sovietique» (№ 4 за 1962 год и № 1—2 за 1963 год), а затем изданы отдельной книгой под названием «Переписка между Лениным и К. Гюисмансом. 1905—1914 гг.» [86].

В эту публикацию входят 80 писем и документов, из которых 64 были ранее неизвестны (как мы указывали выше, 16 письмами Ленина в МСБ Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС уже располагал). 45 документов публикуются по автографам, остальные — в извлечениях, сохранившихся в шести томах регистров корреспонденции Гюисманса. Эти извлечения представляют собой краткие записи о содержании писем Ленина и о их дате *.

Публикация переписки открывается небольшим предисловием К. Гюисманса (датировано 4 июля 1963 года). К каждой из четырех частей публикации, составленной по хронологическому принципу (часть I — 1905 год, часть II —1907—1911, часть III —1912, часть IV — 1913—1914 годы), предпослано введение, где дается характеристика деятельности Ленина в МСБ. Автор этих введений — профессор Жорж Хаупт, специалист по истории II Интерпацио-

* Письма Ленина в МСБ за период с 25 июня (8 июля) 1905 но 16(29) июня 1914 года, переведенные на русский язык, вотпли в Полное собрание его сочинений: 51 письмо — в 47 и 48-м томах, одно письмо — в 21-м томе. Письма Гюисманса Ленину (всего 49 писем) за 1905—1914 годы были опубликованы Ж. Хауптом на французском языке в вышеназванных изданиях. На оусском языке четыре письма Гюисманса Ленину опубликовантл в сборнике «Письма В. И. Ленину из-за рубежа» (М., 1969, стр. 34—38)

нала. Он же автор введения и заключения ко всей публикации в целом.

Факты, связанные с деятельностью Ленина в МСБ, в комментариях Хаупта изложены достаточно точно. Однако, освещая роль Ленина как представителя РСДРП, Хаупт смазывает ту непрестанную борьбу, которую вел Ленин против правых оппортунистов и центристов во II Интернационале. Корректный тон писем Ленина, его оперативность в переписке Хаупт склонен толковать как уступку, как сознательный отказ от идейной борьбы с оппортунизмом и центризмом. Это неправильное толкование убедительно опровергается как самими письмами Ленина, опубликованными в книге, так и всеми его статьями и выступлениями, касающимися вопросов международного рабочего движения.

Непримиримая борьба Ленина против оппортунизма на международной арене является образцом для деятельности всех коммунистических и рабочих партий сегодня, ибо борьба против правого и «левого» ревизионизма попрежнему остается, как подчеркивается в «Материалах XXIV съезда КПСС», важной, актуальной задачей[87].

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЛЕНИН И ФРАНЦУЗСКОЕ РАБОЧЕЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Франция... Это слово встречается очень часто на страницах произведений Владимира Ильича Ленина. Он преклонялся перед героическим прошлым этой страны, изучал историю революционной борьбы французского пролетариата и неоднократно подчеркивал огромное международное значение опыта Великой французской революции конца XVIII столетия, революции 1848 года и в особенности значение Парижской коммуны. Сквозь призму революционера-организатора, готовящегося к боям у себя на родине — в России, изучал он этот опыт.

«Он прежде всего нас спросил о положении во Франции, которую он очень хорошо знал,— вспоминает Марсель Кашен о своей встрече с Лениным 28 июля 1920 года.— Он повторил нам, что восторженно относится к прошлому нашей страны, к французскому, и в частности к парижскому, пролетариату. Он характеризовал коммунистов как современных якобинцев»[1].

Великая французская революция впервые показала всему миру, что движущей силой истории является классовая борьба. G особым вниманием изучал Владимир Ильич якобинское движение. Он восхищался якобинцами 1793 года, они были его любимыми героями. В якобинцах Ленина привлекала их подлинная и последовательная революционность, их преданность интересам народа. «Якобинцы 1793 года,— говорится в одной из ленинских статей,— вошли в историю великим образцом действительно революционной борьбы с *классом эксплуататоров* со стороны взявшего *всю* государственную власть в свои руки *класса трудящихся и угнетенных*»[2].

Ленин часто сравнивал большевиков с якобинцами. Якобинцы, писал он в 1905 году, «так же последовательно отстаивали интересы передового класса 18-го века, как революционные социал-демократы последовательно отстаивают интересы передового класса 20-го века»[3].

Если большевиков Ленин сравнивал с якобинцами, то меньшевистское течение он часто отождествляет с Жирондой. Жирондисты в отличие от якобинцев колебались между революцией и контрреволюцией и шли по пути сделок с монархией. После раскола РСДРП Ленин не раз подчеркивал, что меньшевики представляют собой жирондистское, то есть оппортунистическое, течение в русском рабочем движении, в русской социал-демократии.

В один из напряженнейших моментов русской революции Ленин снова обращается мыслью к истории французского революционного движения. 7 июня 1917 года в «Правде» были напечатаны следующие слова Ленина: «Пример якобинцев поучителен. Он и посейчас не устарел, только применять его надо к революционному классу XX века, к рабочим и полупролетариям». И далее мы читаем слова, которые воспринимаются как клятва, как обещание большевиков — накануне взятия ими государственной власти — русскому народу, изнемогающему под гнетом империалистической войны: «Если бы власть перешла к «якобинцам» XX века, пролетариям и полупролетариям, они объявили бы врагами народа капиталистов, наживающих миллиарды на империалистской войне, *то есть* войне из-за дележа добычи и прибыли капиталистов»[4].

Для того чтобы увековечить то незабываемое, что дали деятели французской революции человечеству, Ленин предусматривал в связи с планом монументальной пропаганды создание в Москве памятников Робеспьеру и Марату. Он приветствовал устройство музеев и выставок, посвященных истории революционного движения.

Такими выставками Ленин всегда очень интересовался. «В Париже,— вспоминает Надежда Константиновна,— была как-то устроена выставка революции 1848 г. Выставка была архискромная, в двух небольших комнатах. О ней, кажись, вовсе не писалось в газетах; когда мы были там, было еще двое рабочих. Никаких экскурсоводов не было. Но сделана выставка была очень заботливо, обдуманно. И Ильич так и впился в нее. Его интересовала буквально каждая мелочь. Для него эта выставка была куском живой борьбы...»[5] По свидетельству Крупской, Ленин «охотно читал стихи Викто-

ра Гюго «Chatiments» («Возмездие»), посвященные революции 1848 г.»[6].

Для Ленина революция 1848 года была интересна тем, что именно эта революция впервые показала всему миру: на арену классовой борьбы вышла новая, решающая сила — пролетариат. В своих работах Ленин неоднократно останавливался на зловещей роли Кавеньяка, который в 1848 году потопил в крови восстание парижского пролетариата и тем самым способствовал возрождению империи.

Владимир Ильич часто подчеркивал, что он очень многое извлек из опыта Великой французской буржуазной революции конца XVIII века и революции 1848 года. Но особенно пристально на протяжении всей своей жизни всматривался он в опыт Парижской коммуны — великого события в истории французского и международного рабочего движения, 100-летие которого отмечало в 1971 году все прогрессивное человечество.

Ленин и Коммуна

Владимир Ильич обращался к истории Парижской коммуны в течение всей своей жизни. Еще в июне 1895 года во время своего первого приезда в Париж он конспектирует в Национальной библиотеке книгу Гюстава Лефрансе «Очерк движения парижских коммунаров в 1871 году». До нас дошел ленинский конспект только первой части книги (от июня 1868 до 18 марта 1871 года). В нем выделены даты, связанные с событиями, интересовавшими Ленина[7].

В 1905 году Ленин редактирует перевод на русский язык отрывков из третьей части второго тома «Мемуаров» генерала Парижской коммуны Гюстава-Поля Клюзере, где был обобщен опыт баррикадных боев коммунаров. Владимир Ильич написал к этой работе предисловие, содержащее биографическую справку о знаменитом деятеле Коммуны, а также отредактировал перевод, сделанный В. В. Филатовым. Перевод и предисловие были опубликованы 10 (23) марта 1905 года в большевистской газете «Вперед» под заглавием «Об уличной борьбе (Советы генерала Коммуны)»[8].

Ленин тщательно изучал литературу о первом победоносном вооруженном восстании рабочих. Сохранился «План чтения о Коммуне», который Ленин составил для себя в феврале — марте 1905 года. Из этого плана видно, что Владимир Ильич внимательнейшим образом изучил «Гражданскую войну во Франции» К. Маркса (третье берлинское издание) и был знаком с книгой П. Лиссагаре «История Коммуны 1871 года», по которой он приводит цифры жертв Коммуны[9].

«План» свидетельствует также об использовании Лениным книги Ж. Вейля «История социального движения во Франции (1852—1902)» и первого тома трехтомного исследования французского историка Габриэля Аното «История современной Франции (1871—1900)», вышедшего в Париже в 1903 году. Выписки Ленина из книги Аното, опубликованные в Ленинском сборнике XXVI, говорят об интересе Ленина к позиции Тьера и других политических деятелей в связи с дебатами в феврале

1871 года о будущем государственном устройстве Франции *.

Ленин старался прочесть всю новую литературу по истории Коммуны, однако основными непревзойденным всегда был для него классический труд К. Маркса «Гражданская война во Франции», написанный по горячим следам событий. В июле 1905 года Ленин, находившийся тогда в Женеве, по предложению одесского издательства «Буревестник» редактирует легальное издание книги К. Маркса на русском языке. Перевод был сделан по юбилейному изданию, выпущенному Энгельсом в 1891 году. Более 530 уточнений, изменений и исправлений было внесено Лениным в перевод книги, осуществленный за месяц до этого тем же издательством «Буревестник». В перевод «Введения», написанного Энгельсом, Ленин внес более 80 поправок [10].

В 1907 году Ленин редактирует русский перевод писем Маркса к его другу, германскому социал-демократу, члену I Интернационала Людвигу Кугельману. Письма эти, впервые опубликованные в 1902 году в журнале «Die Neue Zeit», Ленин считал ценнейшим источником по истории Парижской коммуны. Перевод, осуществленный сестрой Ленина Марией Ильиничной, вышел в Петербургском издательстве «Новая дума». В «Предисловии» Ленин с восхищением писал о позиции Маркса в 1871 году: «... когда *массы* восстали, Маркс хочет идти с ними, учиться вместе с ними, в ходе борьбу, а не читать канцелярские наставления. Он понимает, что попытка учесть наперед шансы *с полной точностью* была бы шарлатанством или безнадежным педантством. Он *выше всего* ставит то, что рабочий класс геройски, самоотверженно, инициативно *творит* мировую историю»[11].

Владимир Ильич продолжает следить за новейшей литературой по истории французского революционного движения. В 1908 году он просит Луначарского написать статью о Парижской коммуне. В письме к нему он советует использовать только что вышедшую под редакцией Жана Жореса книгу генерального секретаря Французской социалистической партии Луи Дюбрейля о Коммуне, хотя, по словам Ленина, «вряд ли сии господа могли верно оценить Коммуну». Он пишет Луначарскому, что безусловно необходимо упомянуть письма Маркса к Кугельману о Коммуне и «процитировать в поучение оппортунистам» [12].

Оппортунизм с каждым годом все глубже разъедал социалистическую партию страны, рабочий класс которой явил в свое время миру чудеса революционного героизма. Ее лидеры не могли, по мнению Ленина, верно оценить Коммуну. Тем ценнее, важнее для русского и всего международного пролетариата (в том числе и пролетариата Франции) явилось пристальное внимание Ленина к французской истории, его гениальные по своей глубине оценки.

Пожалуй, нет такой другой темы из истории

* Книги по истории Коммуны все время интересуют Ленина. Живя в Швейцарии во время первой мировой войны, он изучает там книгу Эдмона Лепелетье «История Парижской коммуны» и лекции Артуро Лабриолы, прочитанные в «Социальной школе» Итальянской социалистической партии («Дружба народов», 1959, № 4).

нового времени, к которой Ленин обращался бы так часто на протяжении всей своей жизни, как к Парижской коммуне *. В статьях «Уроки Коммуны» и «Памяти Коммуны», в работах «О двоевластии», «Марксизм и государство», «Письма из далека», «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», а также во многих других работах, письмах, заметках, тезисах и конспектах книг Ленин разрабатывает свою излюбленную тему.

Он рассматривает Парижскую коммуну как новый тип государства, отмечает ломку ею буржуазной государственной машины; изучает исторические условия возникновения Коммуны; пишет об ошибках Коммуны и причинах ее поражения, о ее уроках и великом историческом значении. Ленин исследует взаимоотношения Коммуны с крестьянством, с мелкой буржуазией, поль Национальной гвардии, роль женщин в Коммуне. Особенно пристальное внимание Ленина привлекают такие вопросы, как руководятпая роль пролетариата в коммvне, превращение войны правительств в войну гражданскую, предательство французской буржуазией национальнытх интересов, роль К. Маркса. Ф. Энгельса и I Интернационала в событиях 1871 года, социально-экономические мероприятия Коммуны, сравнительный анализ Коммуны и Советской власти. По всем этим вопросам мы находим в трудах Ленина всесторонний и исчерпывающий ответ.

В статье «Памяти Коммуны», написанной в Париже в 1911 году, Ленин объясняет, почему пролетариат всего мира — в том числе и русский пролетариат — чтит ее память: «...Коммуна боролась не за какую-нибудь местную или узконациональную задачу, а за освобождение всего трудящегося человечества, всех униженных и оскорбленных. Как передовой боец за социальную революцию, Коммуна снискала симпатии всюду, где страдает и борется пролетариат». Подчеркивая великое интернациональное значение подвига парижских коммунаров, Ленин далее пишет, что «гром парижских пушек разбудил славшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды». Коммуна «до сих пор живет в каждом из нас» [13],— неоднократно подчеркивал Ленин в своих выступлениях.

Статьи Ленина о Коммуне, отрывки из его произведений, посвященные ей, широко известны, поскольку они опубликованы в Полном собрании сочинений и выходили отдельными сборниками. Что же касается устных выступлений Владимира Ильича о Коммуне в годы его эмиграции, то до нас дошли воспоминания участников собраний (частично опубликованные) , а также некоторые архивные документы, находящиеся в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС.

Во время эмиграции Ленин всегда отмечал 18 марта — день памяти Парижской коммуны. В этот день он обязательно выступал на том или другом собрании. «Был один день в году,— читаем мы в воспоминаниях П. Н. Лепешинского,— когда страсти партийной борьбы умол-

* В первый раз оп пишет о Коммуне в 1894 году в ответ на выпады одного из лидеров народничества, Н. К. Михайловского (ПСС, т. 1, стр. 155).

кали и на Ильича обращались все взоры, как на общепризнанного властителя дум в деле оценки исторического события, вспоминаемого в этот день. 18 марта в годовщину восстания парижского пролетариата в 1871 г. вся эмигрантская братия считала для себя величайшей честью послушать на традиционном митинге вдохновенную речь Владимира Ильича о Парижской Коммуне» [14].

Остановимся кратко на восьми выступлениях Ленина, посвященных памяти Коммуны.

18 марта 1903 года Ленин выступает с речью о годовщине Парижской коммуны перед рабочими-эмигрантами из России на митинге в Уайтчепеле (районе Лондона). Н. А. Алексеев, член РСДРП, живший в то время в эмиграции в Лондоне, вспоминает: «...он выступал в годовщину Парижской коммуны в 1903 году вместе с другими ораторами (из которых помню члена Польской социалистической партии Барского) и произнес блестящую речь, которая, к сожалению, осталась незаписанного» [15].

Непосредственно перед Лениным на этом митинге выступала участница Парижской коммуны Луиза Мишель.

22 марта 1904 года Ленин выступил в Женеве на собрании социал-демократов в зале «Хандверк». Афиша, дошедшая до нас, гласит: «Во вторник 22 марта 1904 г. в зале Handwerck'a Avenue du Mail состоится собрание в память Парижской Коммуны. Программа: I. Вступительное слово. Речь тов. Ленина. II. Живые картины. Хор. Декламация. Плата за вход 40 сантимов. Начало в $8^{1/3}$ часов».

Председательствовавший на этом собрании П. Й. Лепешинский вспоминает: «..он как раз был в ударе и чувствовалось, что он хотя на один час рад забыть... об истерических выходках Мартова, о мерзком политиканстве Дана, о бесновании самовлюбленного Нарцисса — Троцкого... забыть обо всем этом, погружая свои мысли в оценку деяний Парижской коммуны» [16].

«Впервые я увидела его на трибуне в 1904 году в Женеве,— вспоминает большевичка М. Эссен,—когда он делал доклад о Парижской коммуне... Ленин говорил о Коммуне, и мы ощутили ее могучее дыхание, ее пафос, ее трагедию, ее мировое значение». Владимир Ильич говорил об осажденном Париже, о трусости и предательстве господствующих классов, о продажном правительстве, сбежавшем в Версаль и предавшем родину. Ленин говорил о героических парижских пролетариях, взявших на себя задачу построения нового, неизвестного еще истории типа государства. Проанализировав ошибки Коммуны, Владимир Ильич с волнением поведал слушателям и о последних ее днях, о ее гибели.

«Я до сих пор помню,— пишет много лет спустя М. Эссен,— и эту речь и тот энтузиазм, какой она вызвала. Из всей речи Ленина, такой вдохновенной и огненной, стало ясно, что Парижская коммуна — не только героический эпизод истории, показывающий силу и мощь рабочего класса, но и вдохновляющий пример для нас. С собрания возвращались небольшой компанией, все были радостно возбуждены. Я спросила Ленина:

— Неужели мы доживем до того времени, когда Коммуна снова встанет в порядок дня?

Ленин встрепенулся:

— А вы сделали такой вывод из моего доклада?! — спросил он.

— Да, и не одна я, а все, кто слушал вас сегодня»[17], — ответила Эссен.

Наступил 1905 год. В России началась первая буржуазно-демократическая революция. И Ленин призывает русский рабочий класс учиться на опыте Парижской коммуны. Он называет ее высшим образцом революционной пролетарской борьбы. «На плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении» — эти слова были сказаны им на собрании русской колонии политических эмигрантов в Женеве 18 марта 1905 года.

Сохранившийся ленинский план доклада — он известен под названием «План чтения о Коммуне» — позволяет нам судить о содержании выступления Ленина. План включает в себя 13 пунктов. Последний называется «Уроки». «...Буржуазия пойдет *на все,* — записал Ленин. — Сегодня либералы, радикалы, республиканцы, завтра измена, расстрелы»[18].

Вспомним, что это было сказано за два года до начала столыпинской реакции, во время которой вчерашние либералы отшатнулись от революции, изменили ей и аплодировали тем, кто расстрелял революцию в России.

Прошло три года. 18 марта 1908 года Владимир Ильич выступил от имени РСДРП с речью о значении Парижской коммуны на интернациональном митинге в Женеве, посвященном трем годовщинам: 25-летию со дня смерти К. Маркса, 60-летию мартовской революции 1848 года в Германии и дню Парижской коммуны. На митинге присутствовали 2000 человек: русские, немцы, швейцарцы, австрийцы, шведы, датчане, итальянцы. Это было в полном смысле интернациональное собрание.

Запись доклада Ленина была опубликована 23 марта 1908 года в «Заграничной газете» — органе русских эмигрантов в Женеве. В этой статье (она была названа Лениным «Уроки Коммуны») подчеркивалось, в частности, что одной из коренных ошибок, погубивших «плоды блестящей победы», было излишнее великодушие пролетариата по отношению к своим врагам; пролетариату «надо было истреблять своих врагов, а он старался морально повлиять на них, он пренебрег значением чисто военных действий в гражданской войне и вместо того, чтобы решительным наступлением на Версаль увенчать свою победу в Париже, он медлил и дал время версальскому правительству собрать темные силы и подготовиться к кровавой майской неделе»[19].

Один из меньшевиков-плехановцев, А. А. Дивильковский (Авдеев) *, восхищенный речью Ленина на этом митинге, писал, что в то время «с легкой руки германской социал-демократии, Парижскую Коммуну считали скорее за образец, как не надо делать рабочую революцию. А Ленин в простых и сильных словах, наоборот, ставит ее в образец того, как впервые в истории рабочие показали настоящую манеру

* С начала первой империалистической войны А. А. Цивильковский стал интернационалистом, в 1918 году вошел в женевскую группу большевиков. В ноябре того же года он вернулся в Россию. Работал в Москве в качестве пропагандиста, был помощником управляющего делами Совета Народных Комиссаров. В последние годы (он умер в 1932 году) занимался литературной работой.

делать эту революцию. Тут не было показной учености Мартова, ни эффектной театральности Троцкого. Казалось, один из коммунаров 1871 года звал на баррикаду просто, но смело».

В письме Марии Ильиничне Ульяновой от 22 декабря 1929 года Дивильковский снова вспоминает о том, как выступал Ленин на том митинге: «Он читал каким-то торжественно-боевым тоном. Содержание: дело Коммуны не умерло, наоборот, было ее фактом поднято на высшую ступень пролетарской революции, что и скажется соответствующей высокоразвитой формой восстания и государства-коммуны при ближайшем историческом подъеме рабочего движения. В необходимости такого подъема для Владимира Ильича не было сомнения»[20].

18 марта 1909 года Ленин делал доклад о Коммуне на большом собрании политических эмигрантов в Париже. Говорил он страстно, вдохновенно. Чувствовалось, что тема близка и дорога ему. Это выступление очень характерно для Ленина. В то время как другие докладчики только прославляли героизм и мученичество коммунаров, а также их благородство по отношению к врагам, Владимир Ильич дал глубокий анализ причин поражения Коммуны. Так, например, он подробно остановился на том, что коммунарам необходимо было захватить в свои руки Государственный банк (цитадель могущества буржуазии). В Ленине, вспоминает один из участников этого собрания, Б. Горев, «чувствовался активный политик, для которого опыт прошлого — материал, подлежащий учету и использованию в будущем, тогда как меньшевики не шли дальше платонического, шаблонного, чисто словесного «почитания памяти» Коммуны»[21].

Ленин постоянно связывал уроки Парижской коммуны с насущными задачами борьбы русского рабочего класса, в частности с задачей создания союза рабочего класса с крестьянством. По воспоминаниям Д. 3. Мануильского, Владимир Ильич, говоря об уроках Парижской коммуны, «беспощадно громил меньшевиков, жевавших жвачку о «реакционном» крестьянстве, об «антиколлективистском черепе мужика» и призывавших русских рабочих отказаться от борьбы за социализм». Ленин напоминал, какой вред нанесли делу Коммуны прудонисты, утверждавшие, что крестьянство в целом якобы является контрреволюционной силой и поэтому, дескать, важно отгородиться от него. Эти вредные теории, а также то обстоятельство, что Париж был окружен, отрезан версальцами и прусскими войсками, привели к тому, что коммунарам не удалось установить прочной связи с деревней. Революционный Париж не был поддержан крестьянской массой провинций. Опыт Коммуны свидетельствует о том, что победа социалистической революции не может быть сколько-нибудь прочной без поддержки пролетариата союзником в лице трудящегося крестьянства.

«Владимир Ильич видел ошибки Парижской коммуны,— вспоминает Мануильский,— в том, что она не захватила государственного банка, оставив его в руках версальцев, что она перешла к тактике обороны и тем дала возможность врагу организоваться, тогда как нужно было, начав восстание, непрестанно наносить удары врагу, как этому учил Маркс»[22].

Присутствовавшие на собрании, как отмечает Б. Горев, не могли не ощутить звучавшую в речи страстную уверенность в том, что он, Ленин, «ошибок Коммуны не повторил бы, что в его глазах пролетариат у власти должен быть решителен и, если нужно, беспощаден к противнику» [23].

По свидетельству бывшего ученика каприйской школы И. И. Панкратова, Ленин в речи на собрании 18 марта 1909 года особое внимание слушателей обратил на то, что «французские рабочие первыми показали миру прообраз диктатуры пролетариата»[24]. «Тема доклада — «Парижская Коммуна» была любимой темой Владимира Ильича,— пишет Панкратов.— Он говорил страстно, он был весь в движении. Своей речью В. И. Ленин захватил буквально всех, и воодушевленные слушатели устроили ему бурную овацию» [25].

В 1911 году исполнилось 40 лет со дня провозглашения Парижской коммуны. 18 марта Ленин вновь произносит яркую речь. Вот что вспоминает об этой речи один из членов парижской группы большевиков, Б. А. Бреслав: «Владимир Ильич выступил на большом митинге, устроенном всей русской политической эмиграцией в Париже. Митинг происходил в помещении Всеобщей конфедерации труда... возле площади Республики. Выступал ряд ораторов. Ленин выступал после Мартова.

В то время как Мартов и другие ораторы по обыкновению восхваляли геройство Коммуны и коммунаров, Ленин, коснувшись кратко исторического значения Коммуны, как первой попытки пролетариата завоевать власть, начал с критики ошибок Коммуны.

Указав на то, что основные ошибки Коммуны заключались в том, что она не выступила против Версаля раньше, чем версальцы собрались с силами, что она не конфисковала Национального банка,—Ленин сказал, что когда пролетариат России завоюет власть, он этих ошибок не повторит» [26].

Последнее выступление Ленина в эмиграции, посвященное памяти Коммуны, относится к марту 1917 года.

В России только что произошла Февральская революция. Ленин, находившийся в то время в Швейцарии, приехал 18 марта в крупный рабочий центр Шо-де-Фон и выступил там в помещении рабочего клуба на немецком языке с рефератом о Парижской коммуне и о перспективах развития русской революции. Реферат этот носил название весьма знаменательное: «Пойдет ли русская революция по пути Парижской Коммуны?»* «Пропаганда Ленина всегда была тесно увязана с тем, что нужно делать в данную минуту,— отмечает Крупская.— Делая в Швейцарии доклад после Февральской революции 1917 г. о Парижской коммуне, Ильич не только рассказывал о том, как парижские рабочие в 1871 году захватили власть, не только приводил оценку Марксом Парижской коммуны,— он делал выводы о том,

* Рукопись Ленина, написанная на немецком языке, была передана им А. Е. Абрамовичу (организатору этого собрания), а тот передал ее в свою очередь заведующему партийной библиотекой в Женеве В. А. Карпинскому. Дальнейшая судьба рукописи, к сожалению, неизвестна *(А. Абрамович.* Незабываемые встречи,— «Коммунист Советской Латвии», 1961, № 4).

что должны делать русские рабочие, когда захватят власть. Всегда умел Ленин превратить теорию в руководство к действию»[27].

Последний раз говорил Ленин о Коммуне на митинге в Петрограде (на площади Урицкого) 19 июля 1920 года. «Сегодня,— сказал он,— закладываются памятники борцам за коммунизм, которые пятьдесят лет назад подняли знамя восстания в Париже, взяли власть в свои руки и приступили к строению социалистического общества. Их постигло поражение. Немецкие войска империалистов в союзе с французской буржуазией раздавили рабочих в Париже. Несмотря, однако, на это поражение, мы видим, что их дело не умерло. Мы успешно продолжаем строить Советскую республику в России»[28].

Об исторической преемственности между Великой Октябрьской революцией и Парижской коммуной поэт Поль Вайян-Кутюрье, видный деятель французского рабочего движения, написал проникновенное стихотворение. В нем говорится[29]:

...Русские рабочие, крестьяне и солдаты
Восстановили красный цвет Коммуны...
Бойцы Коммуны нашей славной,
Зарытые на Пер-Лашез!
Мы принесли вам свежие венки
В дар от Коммуны вашей новой.

Символ этой исторической преемственности — овеянное пороховым дымом, пробитое пулями, пропитанное кровью знамя, которое развевалось над одной из последних баррикад Коммуны в 1871 году. Это знамя героев было подарено Французской коммунистической партией коммунистам Советского Союза, которые под руководством Ленина воплотили в жизнь идеи парижских коммунаров. Его привезли в Москву спустя несколько месяцев после смерти Ленина, когда работал V конгресс Коминтерна. Член французской делегации А. Кост, секретарь партийной федерации департамента Сена, вручил знамя коммунаров Московскому комитету партии 6 июля 1924 года, а 1 августа оно было торжественно перенесено в Мавзолей Ленина.

Сейчас это знамя хранится в Музее Владимира Ильича в Москве в зале, который посвящен годам его пребывания во Франции. И в том же зале находится трагически прекрасный

бронзовый барельеф, изображающий фрагмент Стены коммунаров (он прислан французскими товарищами в дар нашей партии в 1949 году).

Ленин часто посещал священное для каждого революционера кладбище Пер-Лашез. Здесь произнес он речь (на французском языке) на похоронах Поля и Лауры Лафарг. «Прежде всего пойдите к стене коммунаров на кладбище Пер-Лашез»[30],—советовал Владимир Ильич товарищам, которые впервые приезжали в Париж.

Каждый год в конце мая парижские рабочие в день памяти Коммуны приходили на это кладбище. С ними вместе приходили и русские политические эмигранты. Принимала участие в манифестациях и парижская группа большевиков. Обычно в этот день у Стены коммунаров выступал Эдуард Вайян. Старого коммунара любили рабочие Парижа. Большим уважением пользовался он и в среде русских политических эмигрантов, как человек, входивший в Генеральный совет I Интернационала, соратник Маркса и Энгельса, член Исполнительной комиссии Парижской коммуны. Именно поэтому большевики хотели его видеть на своих митингах (в частности, приглашали его в 1911 году на митинг, посвященный 1 Мая[31]).

По приказу тогдашнего префекта Парижа, известного своей жестокостью, полицейские прерывали речь Вайяна, набрасывались на демонстрантов и разгоняли их. «Нужно было видеть лицо Владимира Ильича в эти минуты,— вспоминает Д. З. Мануильский,— глаза его сверкали негодованием, он сжимал кулаки и, чувствовалось, делал невероятные усилия, чтобы сдержать себя. К сожалению, перевес сил йыл на стороне полицейских, и внукам коммунаров приходилось отступать»[32].

Среди французских рабочих

Ленин не только анализировал уроки французской истории. Живя во Франции, он уделял большое внимание французскому рабочему движению.

Одновременно с ростом промышленной концентрации, значительным увеличением финансового капитала во Франции возрастает роль рабочего класса, его удельный вес в населении страны: в 1861 году сельское население составляло 71,1 процента, в 1911—уже только 56,8 процента. В промышленности и торговле в 1911 году было занято 7 миллионов 846 тысяч человек, тогда как в 1870 году их было только 5 миллионов. Условия жизни и труда французского пролетариата были тяжелыми: длинный рабочий день, жилье, лишенное самых элементарных удобств, очень дорогие продукты первой необходимости. Заработная плата продолжала оставаться низкой: в 1910 году ткачи в Аллюэне, например, получали в день 2 франка, намотчицы — 0,75 франка. Эксплуатация рабочих усиливалась с каждым годом.

Предприниматели старались выжать как можно больше прибыли и на больших фабриках, и в маленьких мастерских. В ответ на это рабочие поднимались на борьбу. Массовая стачечная борьба не затихала во Франции до самого начала первой мировой войны. Бастовали

землекопы и почтово-телеграфные служащие железнодорожники и горняки, строители и металлисты. В среднем в 1905—1913 годах ежегодно происходило 1254 забастовки[33].

Часто забастовки переплетались с другими массовыми выступлениями — митингами, демонстрациями. И тогда происходили ожесточенные схватки рабочих с полицией и даже с войсками. Так было, например, в Вильнев-Сен-Жорж 30 июля 1908 года, где во время всеобщей стачки строителей происходила большая демонстрация бастующих рабочих. Глава правительства Жорж Клемансо отдал приказ стрелять по забастовщикам. В Вильнев-Сен-Жорж были посланы войска. Солдаты открыли огонь, 7 человек были убиты, 200 ранены.

На Владимира Ильича произвел большое впечатление один из эпизодов этого драматического дня: когда рабочие несли своего раненого товарища мимо генерала Вирвэра, командовавшего атакой на стачечников, из толпы манифестантов раздались крики «Saluez!» («Отдайте честь!»). «И генерал буржуазной республики отдал честь раненому неприятелю». Обострение классовой борьбы во Франции, писал Ленин в связи с этими событиями, «проявляется в особенно бурных, резких, частью прямо революционных взрывах, когда... «мирная» обстановка парламентской борьбы сменяется сценами настоящей гражданской войны»[34].

Ленин внимательно следил за жизнью Французской социалистической партии, читал газеты и журналы социалистов, слушал их выступления на собраниях. Французская социалистическая партия в 1908—1912 годах была уже насквозь оппортунистической. Болезнь эта — оппортунизм — возникла задолго до описываемого периода.

Как известно, вступление Мильерана в качестве министра в реакционное буржуазное правительство (в 1899 году) вызвало острую полемику не только во французском, но и во всем международном социалистическом движении. Все реформисты во главе с Эдуардом Бернштейном восприняли этот факт как «огромное достижение». Все истинно революционные марксисты были возмущены поступком Мильерана. Ленин разоблачал мильеранизм как предательство интересов пролетариата, как «самый крупный опыт применения ревизионистской политической тактики в широком, действительно национальном масштабе»[35].

Что касается анархо-синдикализма, то, как неоднократно подчеркивал Ленин, почву для его влияния создавала неоднородность французского рабочего класса, наличие в нем довольно значительной мелкобуржуазной прослойки — недавних неустойчивых выходцев из непролетарских слоев. Анархо-синдикалисты отрицали необходимость политической партии пролетариата и политического руководства его борьбой, политической борьбе противопоставляли борьбу экономическую, основной организацией рабочего класса считали не партию, а профсоюзы (по-французски синдикаты). Они наносили большой вред рабочему движению, отвлекая пролетариат от его исторической миссии — подготовки к социалистической революции.

Лидеры профсоюзов считали экономическую борьбу своей «монополией». Социалистическая

партия Франции, наоборот, занималась в тот период в основном политической, парламентской деятельностью, а от борьбы за насущные экономические интересы рабочего класса самоустранилась. Особенно проявилось это своеобразное «разделение труда» во Франции в марте 1909 года во время крупнейшей почтово-телеграфной забастовки. Руководил ею синдикат служащих почт, телеграфа и телефона.

«Весь город был взволнован,— пишет Крупская,— а партия стояла в стороне: это-де дело профессиональных союзов, а не наше. Нам, россиянам, это разделение труда, это самоустранение партии от участия в экономической борьбе казалось прямо чудовищным»[36].

15 марта 1909 года полиция занимает почтовые отделения Парижа. Шесть тысяч почтовых работников голосуют за всеобщую забастовку. Она начинается 16 марта. Прекращается работа почты, телеграфа, телефонная связь. 5 миллионов писем, 200 тысяч телеграмм лежат недоставленными. 19 марта в газете «Революсьон» появляется заголовок: «Клемансо — провокатор. Работники связи бастуют. У правительства нет телефона, у бастующих есть». В течение десяти дней жизнь столицы была дезорганизована. Клемансо вынужден был схитрить: он обещает уволить товарища министра Симьяна, из-за издевательств которого парижские почтовики прекратили работу ".

Забастовка совпала с напряженнейшим периодом в жизни Ленина. Из Москвы в Париж и обратно летели заказные письма и бандероли. В них лежал драгоценный груз: корректура книги «Материализм и эмпириокритицизм», которую печатали в Москве. На почте забастовка. Письма задерживаются, Ленин очень нервничает. «Дорогая Анюта! Здесь, как ты знаешь, вероятно, из газет, почтовая забастовка. Нерегулярность полная. Корректур не получаю...» — пишет Владимир Ильич сестре 21 марта. А через два дня он полушутя замечает: «У нас окончательно кончена забастовка. Наконец-то! д то хорошее пролетарское дело здорово мешало в литературных наших делах... Твоих корректур и сверстанных листов *так и не получал»*[38].

17 октября 1909 года Ленин участвует в манифестации парижского пролетариата против казни в Испании видного анархиста, профессора Феррера[39].

Испанский педагог Франсиско Феррер открыл за пределами своей родины, в Париже, школу, где готовил учителей в атеистическом духе. Церковь ненавидела его и искала случай отомстить. Он оказался в Испании именно в дни, когда там вспыхнула всеобщая забастовка в знак протеста против отправки правительственных войск в Марокко. Вскоре забастовка переросла в мятеж (в Барселоне, 26—27 июля 1909 года). Феррер был арестован и, несмотря на то что обвинение не могло представить абсолютно никаких доказательств его участия в июльском мятеже, приговорен к смертной казни и расстрелян (13 октября). Весть о казни быстро разнеслась в Париже. Демонстранты с криками «Да здравствует Феррер!», «Долой попов!» проходили перед испанским посольством. В воскресенье, 17 октября, во второй половине дня колонны манифестантов заполнили

улицы; более 100 тысяч парижан шли с пением «Интернационала» *.

Участник манифестации Д. 3. Мануильский писал:

«...Когда в Испании... казнили видного анархиста профессора Феррера и французский пролетариат ответил на это стотысячной демонстрацией, Владимир Ильич шел вместе с рабочими, скандируя лозунги. Глаза его юношески сверкали, и, когда полиция сделала попытку загородить дорогу демонстрантам, Владимир Ильич взялся за руки с рабочими, чтобы помешать полиции рассеять демонстрантов, предотвратить избиение. А ведь Владимир Ильич знал подлинную цену испанским анархистам типа Феррера! В своих выступлениях он беспощадно критиковал анархизм, но в то же время знал, что его место там, где идет рабочая масса»[40].

Демонстрация 17 октября была интересна Ленину не только как антиклерикальное выступление (демонстранты скандировали: «Долой попов!», «К ответу убийц!»), но и как протест парижских рабочих против колониальной авантюры в Марокко. Дело в том, что в Марокко отправляла свои войска не только Испания (из-за чего и возник мятеж в Барселоне, в подготовке которого обвинили Феррера), но и Франция. Во имя наживы буржуазии в Марокко сложили головы многие сыновья французских рабочих и крестьян.

«Марокко» было запретным словом. Пьесу о восстании солдат в Марокко запрещено было играть в центре Парижа. Показывали ее на окраинах, в небольших театрах для рабочих. И каждый раз она вызывала бурю аплодисментов. Ленин и Крупская специально пошли смотреть эту пьесу. Самое интересное для Ленина было то, как реагировали на нее рабочие, заполнявшие театр. По ходу пьесы молодого солдата отправляют в Марокко. Дома — во Франции — остаются его мать и сестра. Живут они в нищете. Им очень трудно платить за квартиру. И тогда хозяин дома предлагает освободить их от квартирной платы, если сестра солдата станет его наложницей. «Скотина!», «Собака!»—неслось со всех сторон из зала. Зрители воспринимали увиденное на сцене как настоящую жизнь и грозили кулаками актеру,

* В январе 1910 года Ленин присутствовал в театре «Водевиль» в Париже на одном из первых представлений пьесы Поля Бурже «Баррикада». Премьера этой пьесы, где классовая борьба (хотя и в мелодраматическом аспекте) была впервые показана на французской сцене, состоялась 8 января 1910 года. Руководитель профсоюза электриков Пато, который вдохновил своей деятельностью Бурже на создание пьесы, послал перед премьерой письмо автору — известному писателю и академику: «На том основании, что мы оба состоим членами двух высоких организаций: Вы — Французской академии, а я — профсоюза электриков, позволю себе просить Вас об одолжении — предоставить мне кресло на спектакль «Баррикада», в обмен на что я позабочусь о местечке на скамье для Вас во время ближайшего заседания профсоюза электриков...» Оценив юмор Пато, Поль Бурже послал ему билет на премьеру. Пато воспользовался этим и устроил в фойе театра настоящую пресс-конференцию. На другое утро пресса неистовствовала. Леон Доде в «Аксьон Франсез» призывал громы и молнии на голову академика, который якшается с «красным сбродом» («Когда Ленин жил в Париже». Альбом, стр. 82— 83).

12 января 1910 года Ленин писал М. И. Ульяновой: «Видел новуто пьесу Бурже... Реакционно, но интересно» (ПСС, т. 55, стр. 304).

игравшему хозяина. Солдат и его товарищи в Марокко, не выдержав издевательств, восстают. Восставшие поют на сцене «Интернационал». И мгновенно великая песня перекидывается в зрительный зал. «Интернационал» пел весь театр[41].

Летом 1909 года правительство Клемансо пало. Буржуазия передала власть другому своему слуге — «социалисту» Бриану. Бриан включил в свой кабинет Мильерана и Вивиани, в народе их называли «кабинетом трех ренегатов». В статье «Заметки публициста» весной 1910 года Ленин так характеризует этот кабинет: «Буржуазия наградила изменников социализма должностями министров. Тройка французских ренегатов продолжает называть себя и свою группу независимыми социалистами, продолжает оправдывать свое поведение интересами рабочего движения и социальной реформы»[42].

А несколько месяцев спустя — в октябре 1910 года—Ленин стал свидетелем того, как Бриан подавил всеобщую стачку железнодорожников. По приказу Бриана были мобилизованы войска, чтобы занять железнодорожные службы и помещения, и было объявлено о привлечении железнодорожников к работе в принудительном порядке. Бриан заявил, что забастовка железнодорожников — «преступное проявление насилия, беспорядка и саботажа». После нескольких дней сопротивления забастовочный комитет капитулировал. Это была тяжелая неудача: 3 тысячи забастовщиков уволили с работы[43].

Примечательно, что как раз перед забастовкой Бриан в качестве «социалиста» выпустил брошюру о всеобщей стачке как главном средне борьбы пролетариата за свои права. Фран---ский журнал «Illustration» поместил поэтому случаю ядовитую карикатуру, подпись под которой гласила: «Марсельеза социалиста Бриана».

Особенно ярко проявился оппортунизм социалистической партии перед выборами в парламент 1910 года. Ленин очень внимательно, по свидетельству Крупской, наблюдал предвыборную кампанию, в которой «все тонуло в личной склоке, взаимных разоблачениях, политические вопросы отодвигались на задний план»[44].

Были, правда, и исключения. Крупская вспоминает, как она вместе с Владимиром Ильичей присутствовала на собрании, где выступал Жан Жорес. И они еще раз смогли убедиться в огромном влиянии его на аудиторию: речь Жореса буквально гипнотизировала слушателей. Очень понравилось Ленину и Крупской выступление на предвыборном митинге Эдуарда Вайяна. Запомнилась фигура высокого рабочего, пришедшего на предвыборное собрание прямо с работы. Рукава его были засучены. Рядом стояли двое сьшовей-подростков. Все трое с восхищением смотрели на Вайяна. «Вот он, наш старик, как говорит!» — с восторгом восклицал рабочий. «Но не везде ведь выступали Жоресы и Вайяны,— замечает Надежда Константиновна.— А рядовые ораторы крутили, приспособлялись к аудитории, в рабочей аудитории говорили одно, в интеллигентской другое. «Вот она, папламентская-то машина!»— сказал как-то Ильич после одного из предвыборных собраний».

Владимира Ильича особенно интересовало,

как выступают социалисты на разного типа собраниях. Он специально ходил слушать одного социалистического депутата на рабочем собрании, а потом его же на собрании мелких чиновников. И что же? Докладчик говорил на втором собрании прямо обратное тому, что на первом, ибо ему нужно было прежде всего завоевать голоса и тех и других. Я помню, вспоминает Крупская, как возмущался Владимир Ильич этим оратором: радикал перед рабочими, оппортунист — перед интеллигенцией... Мы «видели, как большие и зажигательные идеи, от которых трепетала рабочая аудитория, тускнели, рядились оратором в приемлемый для мелкой буржуазии цвет. Ведь надо же отвоевать побольше голосов!» На каких только предвыборных собраниях в Париже мы не бывали!» [45] — восклицает она.

В связи с этим двуличным беспринципным поведением социалистов во время предвыборной кампании невольно вспоминается французское стихотворение, которое секретарь антверпенской группы большевиков А. Н. Макаренко приводит в своем письме Владимиру Ильичу от 26 февраля 1911 года. В стихотворении этом есть такие строчки[46]:

Cette politique, helas! Voila notre misere,
Mes meilleurs ennemis me conseillent d'en faire
Etre rouge ce soir, blanc demain... *

Посещение предвыборных собраний, речи депутатов-социалистов еще и еще раз убеждали

* О, эта политика! Вот наше несчастье, к которому меня склоняют мои злейшие враги: сегодня будь красным, завтра — белым...

Ленина в правильности его вывода: гангрена оппортунизма разъедала социалистическую партию Франции. Не борьба за социализм была нужна так называемым «социалистам», не интересы рабочих их волновали. Всего важнее для них было «заполучить депутатское местечко»[47].

Что же касается деревни, то и там социалистические депутаты появлялись только перед выборами в парламент. Владимир Ильич часто вполголоса напевал, возвращаясь с предвыборных собраний, песенку: «T'as bien dit, mon ga!» («Правильно, парень, говоришь!») В этой песенке говорилось, как один депутат-социалист ездит собирать голоса в деревню, обещает крестьянам всякие блага и подпаивает их. Они выбирают его и подпевают: «Правильно, парень, говоришь». Обманув крестьян, «социалист» приходит в палату депутатов, начинает получать 15 тысяч франков депутатского жалованья и предает крестьянские интересы[48]*.

Владимир Ильич не только сам внимательно изучал французское рабочее движение. Он требовал, чтобы и члены парижской группы большевиков активно изучали французский язык, историю революционного движения Франции, посещали собрания рабочих, участвовали в профессиональном движении, поддерживали все политические мероприятия рабочих организаций Парижа[49].

Член парижской группы большевиков А. С. Гречнев-Чернов работал на заводе слесарем-механиком. «Непосредственное общение с

* Эту песенку, которая так нравилась Ленину, пел Монтегюс.

французскими рабочими,—вспоминает он,— давало мне возможность познакомиться с их жизнью, узнать их интересы и запросы, а участие во французском синдикате механиков, где работала русская секция... облегчило знакомство с практикой синдикатов и нравами синдикалистов. Всеми этими вопросами, а особенно работой и влиянием французских социалистов в рабочих низах, живо интересовался Владимир Ильич, и я сделался одним из его информаторов о жизни рабочих-французов... Говорил я довольно складно, слушали меня хорошо, и поэтому я охотно выступал с докладами и рефератами. Однажды под руководством Владимира Ильича я готовил доклад о неомальтузианстве. Эту тему выдвинула сама жизнь, жизнь французских рабочих. Пропагандисты неомальтузианства все социальные язвы капиталистического общества объясняли высокой рождаемостью у рабочих, были даже организованы базы, на которых входящий в синдикат рабочий мог получить средства для предупреждения рождаемости. Ленин до глубины души возмущался этой порочной практикой и считал необходимым выступить с разоблачением неомальтузианства» [50].

Под руководством Владимира Ильича Гречнев-Чернов подготовил доклад, который затем многократно читал французским рабочим в Папиже *.

Русская секция французского синдиката механиков, о работе которой А. С. Гречнев-Чернов рассказывал Ленину, была создана в сентябре 1910 года. В уставе этой секции (называлась она «секция синдикализированных русских рабочих по металлу») подчеркивалось, что одной из главных задач является «активное участие во французском рабочем движении». Членом секции был и А. Н. Голуб; он часто выступал на собраниях синдиката[51].

Большое участие во французском профсоюзном движении принимал С. А. Лозовский. Он организовал профсоюз шляпников и был избран 15 мая 1911 года секретарем его правления. Н. К. Крупская и Л. Н. Сталь по заданию Ленина вели работу среди женщин-работниц (шляпочниц и швеек) — русских эмигранток[52]*.

Ленин, вспоминает Крупская, «хотел видеть жизнь... французского рабочего, слышать, как он говорит не на больших собраниях, а в кругу близких товарищей, о чем он думает, чем он живет» [53]. Он знал быт рабочих той страны, в которой жил, гораздо лучше, чем его знают обычно эмигранты. Интересовало его решительно все: как живет рабочий, в каких условиях работает, как относится к жене, к детям, как отдыхает.

* В 1913 году Ленин выступил со статьей «Рабочий класс и неомальтузианство» (ПСС. т. 23, стр. 255—257).

* После отъезда Ленина в Краков большевики, оставшиеся в Париже, продолжают по его настоянию участвовать во французском рабочем движении: Л. Н. Сталь участвует в организации в Париже празднования Международного женского дня; С. И. Гопнер ведет пропаганду среди рабочих против империалистической войны; С. И. Назаров рассказывает французским рабочим на заводе Ньюпор (где он работал электромонтером), за что борются большевики; большую работу среди французских рабочих ведет С. М. Диманштейн и др. (ЦПА НМЛ, ф. 124, оп. 1, Д- 1845, 494, 1359, 594 и др.).

Человек необычайно жизнерадостный и остроумный, Ленин любил и ценил удачную шутку, каламбур, сатирические куплеты парижских шансонье.

Из всех певцов Парижа особенно нравился Владимиру Ильичу Монтегюс (его настоящее имя было Гастон Брунсвик), который пользовался в те годы большой популярностью среди парижских рабочих. Он сочинял революционные песенки (часто сам писал и слова, и музыку к ним) и исполнял их в народных театрах и кабачках рабочих предместий. «Помню, в Париже,—вспоминает Крупская,— была у нас полоса увлечения французской революционной шансонеткой. Познакомился Владимир Ильич с Монтегюсом, чрезвычайно талантливым автором и исполнителем революционных песенок. Сын коммунара, Монтегюс был любимцем рабочих кварталов... Рабочие встречали его бешеными аплодисментами, а он, в рабочей куртке, повязав шею платком, как это делают французские рабочие, пел им песни на злобу дня, высмеивал буржуазию, пел о тяжелой рабочей доле и рабочей солидарности...

В его песнях была какая-то смесь мелкобуржуазной сентиментальности с подлинной революционностью. Правда,— замечает Надежда Константиновна,— в его импровизированных песнях всегда с ярко бытовой окраской — не было определенной какой-нибудь идеологии, но было много искреннего увлечения»[54].

Эта искренность и подкупала Владимира Ильича. Он сам выискивал в газетах объявления о театральных представлениях в предместьях Парижа. Если там упоминалось имя Монтегюса, Владимир Ильич и Надежда Константиновна, вооружившись планом Парижа, побирались до отдаленного предместья.

Но не всегда Ленину приходилось специально ездить в другой конец города, чтобы услышать полюбившегося ему певца. Монтегюс выступал и на устраивавшихся иногда вечерах русских политических эмигрантов. Об одном таком его выступлении рассказывает в своих воспоминаниях Т. Ф. Людвинская.

Парижская группа большевиков очень нуждалась в деньгах. Одним из источников добывания средств было устройство вечеров с платным концертом, буфетом, лотереей и т. д. Однажды Людвинская, которой было поручено организовать такой вечер, пришла к Надежде Константиновне домой, чтобы посоветоваться с ней. В комнату вошел Владимир Ильич. Услышав о предстоящем вечере, он сказал: «План должен быть не только коммерческим, но и идейным. В программу должен быть внесен агитационный элемент. Пригласите Монтегюса. Он вам и публику соберет, и агитацию проведет»[55].

Людвинская пошла приглашать Монтегюса. «Едва я сказала, что меня к нему направил Ленин, Монтегюс сразу же откликнулся на предложение»[56],— вспоминает она.

Вечер состоялся в доме № 8 на улице Дантона, в том самом зале, где часто выступал с рефератами Ленин. Во время концерта, когда Монтегюс пел, Ленин вместе со всеми подхватывал припев. Когда певец кончил, Владимир Ильич подошел к нему, они сели за столик и стали оживленно разговаривать. Далеко за полночь длилась горячая беседа. Ленин развивал перед Монтегюсом перспективу грядущей ми-

ровой революции. Сын коммунара и русский большевик — каждый мечтал об этой революции по-своему.

Тонко подмечена в воспоминаниях Надежды Константиновны причина этой откровенности Ленина с незнакомым ему человеком. «Однажды на русской вечеринке,— вспоминает Крупская,— Ильич разговорился с Монтегюсом, и, странно, эти столь разные люди — Монтегюс, когда потом разразилась война, ушел в лагерь шовинистов — размечтались о мировой революции. Так бывает иногда — встретятся в вагоне малознакомые люди и под стук колес вагона разговорятся о самом заветном, о том, чего бы не сказали бы никогда в другое время, потом разойдутся и никогда больше в жизни не встретятся. Так и тут было. К тому же разговор шел на французском языке — на чужом языке мечтать вслух легче, чем на родном» [57].

А. С. Гречнев-Чернов, бывший одно время председателем «Рабочего клуба» в Париже (в него входили, как выше уже упоминалось, представители всех течений и групп русской политической эмиграции, в том числе и большевики), рассказывает в своих воспоминаниях, что на свои вечера они часто приглашали Монтегюса. На трех таких вечерах присутствовал Ленин. Когда выступал Монтегюс, Владимир Ильич преображался. «Глаза его как-то особенно блестели, он широко улыбался и, чтобы ничего не пропустить... приставлял ладонь к уху. Политические остроты по адресу депутатов муниципалитета, руководителей профсоюзов и членов правительства вызывали у него веселый, искренний смех» [58].

Особенно любил Владимир Ильич и часто напевал песню Монтегюса «Salut, salut a vous, soldats de 17-eme» («Привет, привет вам, солдаты 17-го полка»). Это была песня в честь французских солдат, которые отказались стрелять в восставших *.

Музыку создали композиторы Шантегрель и Дуби, слова написал сам Монтегюс[59]:

Честь и хвала солдатам
Семнадцатого полка!
Честь и хвала ребятам!
Их связь с народом крепка.
Честь и хвала солдатам!
Их подвиг ярко горит.
«Спасибо»,—своим солдатам
Республика говорит.

Когда Ленин и Крупская жили в Париже, к ним приходила иногда на пару часов уборщи-

* В 1907 году на юге Франции волновались крестьяне-виноградари. Солдаты 17-го линейного полка, посланные по приказу Клемансо на усмирение, не только отказались стрелять в «бунтовщиков», но и перешли на их сторону. Началось волнующее братание. Полк был сослан правительством в Африку.

Когда в 1914 году началась война, Монтегюс подобно многим другим заговорил языком шовиниста. Он публиковал воинственные строфы в газете ренегата Гюстава Эрве, которая некогда называлась «Герр еосиаль» («Социальная война»), а затем была переименована в «Виктуар» («Победа»). Тем не менее революционное значение знаменитой песенки о подвиге солдат 17-го пехотного полка, интерес Ленина к певцу остаются фактами, и никакая непоследовательность Монтегюса в дальнейшем не может перечеркнуть их. В истории французского прогрессивного искусства имя Монтегюса сохранилось благодаря его изобличению буржуазного общества, и в частности избирательного фарса (см. *Ж. Фревиль.* Ленин в Париже, стр. 206—209).

ца-француженка Луиза Фарош. Она напевала эльзасскую песню. Владимиру Ильичу песня очень понравилась. Он записал слова и часто дел ее сам. Кончалась песня так:

Vous avez pris Elsass et Lorraine,
Mais malgre vous nous resterons Fran?ais.
Vous avez pu germaniser nos plaines,
Mais notre coeur — vous ne l'aurez jamais.

В статье «Цаберн» Ленин цитирует это четверостишие в своем переводе:

Вы взяли наш Эльзас, нашу Лотарингию,
Вы можете германизировать наши поля,
Но вы никогда не овладеете
Нашим сердцем,— никогда!

Как созвучна была эта песня с настроением Ленина! «Надо было слышать,—вспоминает Крупская,—как победно звучали в его устах слова песни: «Mais notre coeur — vous ne l'aurez jamais!» В эти самые тяжелые годы эмиграции... он упорнее всего мечтал, мечтал, разговаривая с Монтегюсом, победно распевая эльзасскую песню» [60].

Мечтал, читая стихи Гюго, Потье, Верхарна.

Контакты с французскими социалистами

Владимиру Ильичу не пришлось лично встретиться ни с Марксом, ни с Энгельсом. Карл Маркс умер, когда Ленин был совсем еще юным. Что касается Энгельса, то Владимир Ильич мечтал встретиться с ним во время своей первой заграничной поездки летом 1895 года, но встреча эта не могла состояться, потому что Энгельс был уже тяжело болен, а вскоре и умер. Однако в том же 1895 году Ленину удалось повидаться с Полем Лафаргом—одним из ближайших соратников Маркса и Энгельса, которого он ценил больше всех французских социалистов того времени. Встреча эта состоялась, вероятно, в доме Лафаргов в предместье Парижа «Le Perreux» *.

Летом 1909 года Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной вновь поехал к Лафаргу — на этот раз в местечко Дравейль, в двух десятках километров от Парижа. Договаривался о встрече с Лафаргами Шарль Раппопорт[61].

Поль и Лаура тепло встретили гостей. Владимир Ильич оживленно беседовал с Лафаргом по философским вопросам, о своей книге «Материализм и эмпириокритицизм», а Лаура пригласила Надежду Константиновну в парк. Во время прогулки они говорили об участии женщин в революционном движении России.

Посещение Лафаргов произвело на Владимира Ильича и его жену неизгладимое впечатление. Много лет спустя Крупская писала об этой встрече: «Лафарги встретили нас очень любезно. Владимир стал разговаривать с Лафаргом о своей философской книжке, а Лаура Лафарг повела меня гулять по парку. Я очень волновалась —- дочь ведь это Маркса была передо мной; жадно вглядывалась я в ее лицо, в ее чертах искала невольно черты Маркса». Когда

* Это предположение о место встречи было высказано впуком К. Маркса — Э. Лонге в 1948 году в бесеце с сотрудником НМЛ при ЦК КПСС И. А. Бах.

Надежда Константиновна и Лаура вернулись в дом, Ленин с Лафаргом продолжали серьезный философский разговор. «Скоро он докажет, насколько искренни его философские убеждения»,— сказала Лаура. И они переглянулись.

Смысл этих слов стал понятен Крупской только два года спустя: в 1911 году супругу Лафарг покончили жизнь самоубийством *. Их смерть произвела на Ленина очень тяжелое впечатление[62].

Известие о самоубийстве Лафаргов потрясло Ленина прежде всего своей неоправданностью: Лафарг полностью сохранил и ясность ума, и трудоспособность, и весь свой бичующий талант борца против оппортунизма.

Когда у Владимира Ильича спросили о его отношении к этому горестному событию, он высказал следующую мысль: «...Социалист принадлежит не себе, а партии. Если он может хотя бы чем-нибудь еще быть полезным рабочему классу, хотя бы написать статью или воззвание, он не имеет права на самоубийство»[63]. Ленин сказал при этом, что не надо забывать, что рабочие партии гораздо беднее литературными силами, чем партии буржуазные.

За день до похорон Лафаргов в газете «Юманите» было напечатано объявление, что представители партий и организаций, желающие выступить с речами на похоронах, должны заявить об этом редакции. Владимир Ильич сам пошел вечером в редакцию и подал заявление. Сделать это было довольно трудно, так как перед домом собралась большая толпа. Ленин смог попасть в редакцию только поздно ночью[64].

Проводить в последний путь Лафаргов пришло около 20 тысяч человек. Под красными знаменами по 12 человек в ряд двинулись они за двумя гробами от улицы Тампль на кладбище Пер-Лашез. Среди парижских пролетариев можно было видеть большую группу русских политических эмигрантов и много польских социал-демократов. Впереди каждой группы несли красные венки и букеты. Оркестр XII округа играл траурный марш Шопена. Зал крематория на Пер-Лашез не мог, конечно, вместить всех. Траурный митинг состоялся под открытым небом на площадке перед зданием крематория. Ораторы говорили, поднявшись на ступени. Выступили 10 человек. После Жореса слово было предоставлено Владимиру Ильичу. Говорил он по-французски, речь перевела для него Инесса Арманд[65].

«Я беру слово,— сказал Ленин,— чтобы от имени РСДРП выразить чувство глубокой горести по поводу смерти Поля и Лауры Лафарг. Сознательные рабочие и все социал-демократы России еще в период подготовки русской революции научились глубоко уважать Лафарга, как одного из самых талантливых и глубоких распространителей идей марксизма...»

В своей 15-минутной речи Ленин нарисовал яркий образ Поля Лафарга, который внес не-

* В предсмертном письме Лафарг писал, что он сам заранее наметил время своего ухода из жизни и дал обет не преступать 70-летнтй возраст. «Здоровый телом и разумом,— писал он,— я убиваю себя прежде, чем безжалостная старость, отнимающая у меня одни за другими все радости и наслаждения бытия, физические и интеллектуальные мои силы, успеет парализовать мою энергию, сломать мою волю и превратить меня в тягость для самого себя и для других» («Humanite», 27.XI.1911, p. 1).

оценимыи вклад в дело пропаганды марксизма не только во Франции, но и в России, и выразил уверенность в том, что близится эпоха «революционных битв организованного и воспитанного в духе идей марксизма пролетариата, который свергнет господство буржуазии и установит коммунистический строй».

В заключение речи Владимир Ильич пророчески заявил: «...близится время торжества того дела, отстаиванию которого Лафарг посвятил свою жизнь» [66].

Это прозвучало как клятва будущего руководителя первой в мире социалистической революции в ответ на завещание старого марксиста *.

Глубокое уважение Ленина к Лафаргу особенно выделялось на фоне его критического отношения к лидерам французских социалистов. «Однажды,— вспоминает С. И. Гопнер,— по окончании доклада Ленина на собрании в помещении эмигрантской библиотеки (на проспекте Гобелен), я спросила Ленина, встречается ли он с руководителями Французской социалистической партии. Ленин сказал: «Нет. У меня нет с ними общего языка»». На вопрос, не участвует ли он в их теоретических дискуссиях, Владимир Ильич также ответил отрицательно. «Хотя в довоенный период еще трудно было предвидеть повальный переход лидеров Французской социалистической партии на позиции социал-шовинизма,— пишет С. И. Гопнер, — и Ленин еще не заклеймил их как изменников, как он это сделал в начале первой мировой войны, но бросалась в глаза отчужденность между Лениным и этими лидерами» [67].

С каждым годом руководящая роль во Французской социалистической партии все больше переходила к правому крылу. Естественно поэтому, что у Ленина с ее лидерами не могло быть общего языка. Отчужденность эта была взаимная. Это видно хотя бы из того, что газета французских социалистов «Юманите» за 1907—1912 годы не помещала ни статей Ленина ни отчетов о его публичных выступлениях, если не считать интервью корреспонденту газеты Э. Авенару 17 февраля (2 марта) 1907 года на тему «Тактика РСДРП во время избирательной кампании» [68] и краткого изложения речи Ленина на похоронах Лафаргов в 1911 году (всего около десятка строчек под заголовком «Гражданин Ленин...») [69].

Следует особо остановиться на отношении Ленина к Жану Жоресу. Было бы совершенно неправильно, антиисторично ограничиться только констатацией того факта, что Ленин во время своего пребывания в Париже с Жаном Жоресом не общался, как это делают сейчас некоторые французские историки, враждебно относящиеся к Ленину, например ренегат коммунистического движения Анни Крижель *.

* «Я умираю с радостной уверенностью, что предстоящее будущее, во имя которого я боролся 45 лет, восторжествует,— писал Поль Лафарг в своем предсмертном письме,—Да здравствует коммунизм! Да здравствует международный социализм!»

* Книги А. Крижель содержат нападки на ФКТТ, на КПСС и на все мировое коммунистическое движение. О ее статье, опубликованной в газете «Фигаро» в дни 100-летнего юбилея Ленина, говорилось «о Введении к данной работе.

Ленин очень высоко ценил борьбу Жореса за мир, против милитаризма, его повседневную мужественную борьбу в защиту демократии и народных свобод.

Великий республиканец и демократ Жан Жорес с горячим сочувствием встретил русскую революцию 1905 года. В своих статьях в «Юманите» он подчеркивал огромное значение для Европы революционной борьбы в России. Через несколько дней после «кровавого воскресенья» он выступил на митинге в Большом зале дворца Трокадеро. Л. А. Фогиева вспоминает, как 10-тысячная аудитория, наэлектризованная страстной речью Жореса против русского царя, в течение нескольких минут скандировала «Assasin Nicolas! Assasin Nicolas!» («Убийца Николай!») [70].

Страстно борется Жорес против предоставления французского займа Николаю-вешателю. Царское правительство, прекрасно отдававшее себе отчет в огромной гипнотической силе влияния слов Жореса на общественное мнение, пытаются подкупить его.

В 1906 году ему предлагают 200 тысяч франков за молчание. И Ленин в статье «Дума и утверждение бюджета» сразу же отмечает этот весьма знаменательный факт: «Подкуп распространенных европейских газет в пользу русских займов — «нормальное» явление. Даже Жоресу предлагали 200000 франков за отказ от кампании против русского займа: настолько ценит наше правительство «общественное мнение» даже тех слоев мелкой буржуазии во Франции, которые способны сочувствовать социализму» [71].

Позднее, когда Николай II собирался ехать во Францию, именно Жорес возглавляет ту «Демонстрацию народного негодования», о которой пишет Ленин в статье «Поездка царя в Европу и некоторых депутатов в Англию» [72].

Ленин плодотворно работал вместе с Жоресом в комиссии «Милитаризм и международные конфликты» на Штутгартском конгрессе II Интернационала в 1907 году, встречался с ним на заседаниях Международного социалистического бюро.

Владимир Ильич высоко ценил несравненный ораторский дар Жореса, которого справедливо называли величайшим трибуном Франции. Он советовал ученикам школы Лонжюмо пойти послушать Жореса в парламенте и сам неоднократно слушал его выступления.

Доминирующей темой выступлений Жореса, особенно в последние предвоенные годы, была борьба за мир против империалистического гнета и захватнических войн, против колониализма, цротив шовинизма. Это вызывало к нему ненависть империалистической буржуазии. Не только французская буржуазия боялась и ненавидела Жореса. Ленин отмечает, что, когда Жорес намеревался выступить от имени французского рабочего класса в Берлине на массовом собрании социал-демократических рабочих против шовинизма, германское правительство запретило это выступление [73].

В статье «Воинствующий милитаризм», написанной в 1908 году, Ленин отмечает справедливость упреков Жореса в адрес немецких социал-демократов. Однако в той же статье Ленин, отдав должное личному мужеству, чистоте побуждений и безукоризненной честности Жореса, критикует его ошибочный взгляд на

союз Англии и Франции с Россией как «гарантию мира» [74].

Критикуя ошибки Жореса, Ленин в то же время подчеркивал: «Кто хочет с диалектически-материалистической точки зрения оценить жоресизм, тот должен строго отделить субъективные мотивы и объективные исторические условия. Субъективно, Жорес хотел спасать республику, вступая для этого в союз с буржуазной демократией. Объективные условия этого «опыта» состояли в том, что республика во Франции была уже фактом и никакой серьезной опасности ей не грозило,— что рабочий класс имел полную возможность развития самостоятельной классовой политической организации и недостаточно пользовался этой возможностью под влиянием, отчасти, как раз обилия мишурных парламентских упражнений его вожаков,— что на деле перед рабочим классом объективно выдвигались уже историей задачи социалистического переворота, от которого *отманивали* пролетариат Мильераны посулом крохотных социальных реформ» [75]* .

* В связи с этим высказыванием Ленина можно привести слова крупнейшего советского исследователя жизни и деятельности Жана Жореса, А. З. Манфреда: «Глубоко антиисторичны попытки некоторых историков свести оценку Жореса к педантичному каталогизированию списков прегрешений Жореса перед ортодоксальным марксизмом, тем более что он таковым никогда себя не признавал. Сила Жореса не в его деятельности, как лидера правого крыла французского социализма, а в том, что он... сумел быть мужественным и бесстрашным борцом против открытых и тайных врагов демократии, верным сыном и горячим защитником французского народа, его интересов, стремлений и нужд. А его мученический конец поставил его имя па одно из почетнейших мест в исторической галерее героев и мучеников борющегося рабочего класса» («Исторический журнал», 1944, кн. 9, стр. 57).

Когдф пуля убийцы, подосланного реакционерами, ненавидевшими Жореса, оборвала его жизнь, вся русская колония политэмигрантов вышла проводить в последний путь великого сына Франции.

Год спустя после смерти Жореса Шарль Раппопорт издает книгу «Жан Жорес. Человек. Мыслитель. Социалист». В предисловии к книге Анатоль Франс называет Жореса «величайшим гением современности» и выражает надежду, что после войны «гений и творчество Жореса... послужат нам для руководства и вдохновения» [76].

В августе 1915 года Ленин, который жил тогда в Швейцарии, достает книгу Раппопорта о Жоресе. Но что-то мешает ему прочесть ее сразу, и он напоминает в одном из своих писем: «...верните, *прочитав,* Раппопорта: я отослал Вам, не успев прочесть» [77].

Жюля Геда — выдающегося деятеля французского социалистического движения — Ленин также очень ценил. В 1899 году он просит прислать ему в Шушенское только что вышедшую книгу Геда «Повседневная борьба за социализм».

В 1910 году он консультировался с Ж. Гедом на совещании левых социал-демократов — делегатов Копенгагенского конгресса по вопросу о резолюции о кооперативах[78].

Рекомендуя лучшую марксистскую литературу в конце своей статьи «Карл Маркс», Ленин

называет ряд работ Жюля Геда[79]. Это было в конце 1914 года. Но в том же году, когда разразилась первая мировая война, Гед занял неправильную позицию по вопросу об отношении пролетариата к войне. Он стал на позиции социал-шовинизма и вошел в буржуазное правительство. В своих выступлениях и статьях Гед пытался обосновать необходимость «национальной обороны». Суть этой теории заключалась, как известно, в следующем: «миролюбивая» Франция является жертвой агрессивной Германии и, следовательно, вынуждена защищаться. Пролетариат Франции в этой войне должен поддержать свою буржуазию. Теорией «национальной обороны» французские социалисты пытались замаскировать свою измену великому делу пролетарского интернационализма, измену социализму. Ленин писал в связи с этим: «Учитесь на примере всей жизни Геда, скажем мы рабочим, *кроме* его явной измены социализму в 1914 г. Может быть, найдутся личные или другие обстоятельства, смягчающие его вину, но речь идет вовсе не о виновности *лиц,* а о социалистическом значении *событий»* [80].

В своих работах Ленин неоднократно возвращался к вопросу об измене Геда, возвращался для того, чтобы подчеркнуть несовместимость этой измены со всей предыдущей деятельностью одного из самых вьедающихся и последовательных марксистов, ученика и соратника Маркса и Энгельса, друга Поля Лафарга[81].

Огромный интерес — интерес методологический — имело и имеет сегодня для всего международного рабочего и коммунистического движения высказывание Ленина о том, что «неправильно смотрят на дело те, кто ослепляет свое сознание и сознание рабочих вопросом, как быть с такими-то виднейшими авторитетами п Интернационала, с Гедом, Плехановым, Ка--ским и т.д. В действительности,— указывает Ленин, — тут нет никакого вопроса: если эти лица не поймут новых задач, им придется остаться в стороне или пребывать в плену у оппортунистов, в каком они находятся в данное время. Если эти лица освободятся из «плена», едва ли встретятся *политические* препятствия к их возвращению в лагерь революционеров. Во всяком случае нелепо заменять вопрос о борьбе течений и смене эпох рабочего движения вопросом о роли отдельных лиц» [82].

Ближайшим помощником Жюля Геда, а во время первой империалистической войны его секретарем был Шарль Дюма — журналист, член Социалистической партии Франции, депутат парламента. Он был связан с русскими политическими эмигрантами, жившими в Париже. Его статьи печатались в «Парижском вестнике», межпартийном органе русских эмигрантов, и в газете Бурцева «Avenir». В частности, в 1911 году Дюма обратился с призывом к французскому и международному пролетариату бороться за освобождение арестованных в 1907 г. членов II Государственной думы. Свои взгляды на войну Дюма выразил в брошюре «Какого мира мы желаем», вышедшей в Париже в 1915 году.

В работе «Крах II Интернационала» Ленин пишет: «Взгляды Геда в последнее время выразил едва ли не всего подробнее гедист Шарль Дюма в своей брошюрке: «Какого мира мы желаем». Этот «начальник кабинета Жюля Геда»,

подписавшийся так на заглавном листе брошюры, разумеется, «цитирует» прежние заявления социалистов в патриотическом духе (как цитирует подобные же заявления и немецкий социал-шовинист Давид в своей последней брошюре о защите отечества)...»[83]

Слова эти были написаны в 1915 году. Прошло два года. В России свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Шарль Дюма приезжает в декабре 1917 года в Петроград. Он посылает письмо Владимиру Ильичу с просьбой принять его[84].

Petrograd, 20 Dec. 1917.

Cher camarade Lenine!

Ma presence a Petrograd vous est certainement connue puisque les «Isvestia» l'ont annoncee. Je vous exprime le vif desir de vous saluer. Permettez moi de vous demander que la premiere visite que je vous ferai soit accordee seulement a l'ami auquel dans votre maison de Paris, vous avez fait autrefois, Madame Lenine et vous, un accueil fraternel dont il n'a pas perdue le souvenir.

Recevez cher camarade Lenine mes fraternelles salutations socialistes.

Ch. Dumas
Hotel de France

Петроград, 20 декабря 1917 г.

Дорогой товарищ Ленин!

Вам несомненно известно о моем пребывании в Петрограде, раз «Известия» сообщили о нем.

Я выражаю Вам свое живейшее желание приветствовать Вас. Разрешите мне просить, чтобы первый визит, который я Вам нанесу, рассматривался бы только как визит друга, которому в Вашем доме в Париже Вы некогда оказали — мадам Ленин и Вы — братский прием, воспоминания о котором никогда не изгладятся.

Примите, дорогой товарищ Ленин, мой братский социалистический привет.

Ш. Дюма
Гостиница «Франция» *

Ленин получил это письмо 21 декабря 1917 года (3 января 1918 года по новому стилю). И тот же день ответил ему. Писал Владимир Ильич тоже по-французски[85].

21/XII—1917. Cher citoyen Charles Dumas!

C'est avec le plus grand plaisir que nous pensons, moi et ma femme, au temps quand nous avons fait a Paris, rue Beaunier, votre connaissance. Nous vous sommes tres reconnaissants pour l'echange d'idees et pour information tres precieuse sur le mouvement socialiste en France...

Дорогой гражданин Шарль Дюма! — писал Владимир Ильич. — Мы с женой с большим удовольствием вспоминаем о том времени, когда мы познакомились с Вами в Париже, на улице Боньо. Мы очень благодарны Вам за обмен мыслями и за очень точную информацию о социалистическом движении во Франции...

А далее в письме говорилось следующее:

Je regrette beaucoup que les relations personnelles entre nous sont devenues impossibles quand les divergences politiques les plus profonds nous ont separes. J'ai lutte toujours pendant la guerre contre la tendance de «defense nationale». J'ai preche toujours la scission etant convaincu que cette tendance ruine absolument le socialisme.

II va sans dire que j'ecris ces lignes non pas comme membre du gouvernement mais comme une personne privee.

Veuiller agreer, cher citoyen, nos salutations, de ma part et de la part de ma femme, les plus distinguees.

Lenine

* Перевод наш. — Р. К.

Я очень сожалею, — писал Ленин,— что личные отношения между нами стали невозможными, после того как нас разделили столь глубокие политические разногласия. Я в течение всей войны боролся против тенденции «национальной обороны», я всегда выступал за раскол, будучи убежден, что эта тенденция совершенно разрушает социализм.

Само собой разумеется, что я пишу это письмо не как член правительства, а как частное лицо.

Примите, дорогой гражданин, наш привет и самые лучшие пожелания от меня и от моей жены.

Ленин[86]

Шарль Дюма был обескуражен, получив такой ответ. Ведь он был уверен, что Ленин примет его, и не один раз: недаром в своем письме он делает оговорку, как именно должен Ленин рассматривать его «первый визит». Однако люди, пославшие Дюма в Россию, очевидно, были крайне заинтересованы в его встрече с Лениным. Не случайно в Петроград приехал именно Дюма — один из очень немногих французских социалистов, с которым имел личный контакт Владимир Ильич *.

И Дюма пишет второе письмо Ленину, на этот раз строго официальное.

На это послание, обращенное к нему как главе правительства, председателю Совета Народных Комиссаров, Ленин вообще не ответил.

* Письмо Ленина Шарлю Дюма было опубликовано 6 марта 1959 года в литературном приложении к английской газете «Таймс». В предисловии к этой публикации, написанном Х. Абрамским, говорится: «Это письмо показывает Ленина с лучшей стороны: твердым в своих принципах, дружеским, но непреклонным в обращении и в то же время не забывающим прошлых услуг своих бывших друзей» («The Times Literary Supplement» (London), 6. III. 1959, p. 129).

Ведь он предупреждал Шарля Дюма, что пишет ему, отвечает на его письмо только как лицо частное, как человек, признательный ему его услугу в прошлом, а не как член правительства Председатель Совета Народных Комиссаров первого в мире социалистического государства Владимир Ильич Ленин не мог поддерживать никаких личных отношений с ренегатом, предавшим кровные интересы рабочего класса своей страны. Кроме того, Дюма был тесно связан с самим Клемансо — одним из организаторов вооруженной интервенции против Советской России.

Характерно, что, отказав в приеме Шарлю Дюма, Владимир Ильич спустя неделю (29 декабря 1917 года) принял другого француза — Жака Садуля. Капитан Садуль, член французской военной миссии в России, пытался отговорить правительство Франции от применения политики бойкота по отношению к Советской Республике. Попытка эта не удалась. Но Ленин о ней знал и ценил чувства, которыми руководствовался Садуль. Ленин долго беседовал с Садулем о необходимости для Советской России передышки и заключения сепаратного мира с Германией, о создании новой, социалистической армии.

Выступая на собрании партийных работников Москвы 27 ноября 1918 года, Ленин уже говорит о французском капитане Жаке Садуле как о человеке, который «присоединился к большевизму», признал нашу революцию. Ленин посоветовал Садулю опубликовать письма и информацию, которые тот посылал из России в Париж, будучи политическим наблюдателем французской военной миссии. Эти письма заин-

адресовали Ленина потому, что ойИ наглядно показывали, как честный французский социалист, соприкоснувшись с революционной действительностью, из добросовестного наблюдателя превратился в сторонника, а затем и активного борца революции *.

Кроме Шарля Дюма Ленин в Париже часто встречался с другим французским социалистом — Шарлем Раппопортом.

Раппопорт был выходцем из России. Он родился в 1865 году в Дуксти (Латвия). Уехал из России в Париж, спасаясь от репрессий; в 1899 году принял французское подданство и с тех пор жил во Франции (умер он в 1941 году)[87].

В своих ранних работах по философии и социологии Шарль Раппопорт выступал с ревизией марксистской философии, за что его резко критиковал П. Лафарг. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм», упомянув о том, что Лафарг еще в 1900 году полемизировал против кантианцев (к числу которых принадлежал тогда Шарль Раппопорт), приводит ледующее высказывание Лафарга: «Раппопорт ошибается, когда он уверяет, что для Маркса «существует тождество идеи и реальности», прежде всего мы не употребляем никогда подобной метафизической фразеологии. Идея так ;ке реальна, как объект, отражением которого в мозгу она является...»[88]

Раппопорт был тесно связан с русскими политическими эмигрантами. Он примыкал к группе меньшевиков-партийцев (плехановцев), сотрудничал в газете «Социал-Демократ», преподавал в школе в Лонжюмо и на Курсах социальных наук. Ленин поручал ему переводы с русского языка на французский (как уже упоминалось, он — по просьбе Ленина — переводил Программу и Устав РСДРП для МСБ, а также Отчет о деятельности РСДРП для Копенгагенского конгресса).

Ш. Раппопорт был сотрудником журнала «Le Socialisme», который выходил в Париже в 1907—1914 годах под редакцией Жюля Геда; он называл себя «литературным пролетарием». В 1911 году он посылал статьи в Петербург в газету «Звезда». Ленин ценил его как знатока французского рабочего движения. В письме ученикам фракционной каприйской школы от 30 августа 1909 года Ленин зовет их приехать в Париж, чтобы послушать лекции таких «нефракционных русских с.-д., выдающихся по знакомству с движением рабочего класса за границей», как Шарль Раппопорт. А год спустя — в письме в Центральный Комитет РСДРП — Ленин с удовлетворением констатирует: «Мы объединили вокруг ЦО и «Дискуссионного Листка» ряд *партийных* меньшевиков (Плеха-

* Письма Садуля, изданные им по совету Ленина, вышли в Париже под общим названием «Заметки о большевистской революции». Они зачитывались вслух на многих митингах и собраниях. А сам Садуль тем временем вступил во французскую коммунистическую группу, созданную в Москве. Он активно работал там наряду с такими проданными русской революции людьми, как Жанна Лябурб, и часто встречался с Лениным. «Однажды,— вспоминает Садуль,— Ленин с большой радостью обнаружил у меня экземпляр книги «Новая Армия» Жореса, которого он сам считал превосходным знатоком военных вопросов. Он заставил перевести большие отрывки из этой книги и передал их организаторам Красной Армии» (*J.Sadoul.* La naissance de l'URSS. Paris, 1946, p. 308).

нов, Раппопорт, Авдеев), с которыми у нас вполне налаживается чуждая всякой фракционности партийная работа, несмотря на все наши разногласия»[89].

В своих воспоминаниях о Ленине, написанных в 1924 году, Раппопорт рассказывает: «Я имел счастье работать с ним и под его руководством как «партиец», в центральном органе «Социал-Демократ»... в Париже и как председатель школьной комиссии (школы Лонжюмо, около Парижа). Я видел, как он добросовестно изучал историю революции в Национальной библиотеке; я часто и долго с ним беседовал... Как Сократ, он более старался узнавать, чем поучать других»[90].

Интересны отрывки из «Неизданных мемуаров» Шарля Раппопорта, которые Жан Фревиль цитирует в своей книге «Ленин в Париже» по машинописной рукописи, хранящейся во французской Национальной библиотеке (рукопись была выдана ему по специальному разрешению Фанни Вожейн-Рашгапорт, дочери покойного социалистического деятеля). В «Мемуарах» содержится мало данных о жизни Владимира Ильича в Париже. Но они дают возможность определить отношение Раппопорта к Ленину и содержат интересные суждения о нем.

Шарль Раппопорт, полностью поддерживавший некоторые начинания Ленина, не скрывает и того, что их разделяло. «Ленин, как подлинный русский революционер, никогда не остановится в пути»,— писал он. Свое собственное поведение он характеризует такими выражениями: «Разумом всю свою жизнь я оставался марксистом (с 1902 г.) и жоресистом в душе». «Я никогда не был большевиком душой и телом»[91]

Ленин не забыл об услугах, оказанных Раппопортом революционному делу, и о его участии в создании Французской коммунистической партии в 1920 году. Эти обстоятельства объясняют тот факт, что, когда в мае 1922 года после 35-летнего отсутствия на родине Раппопорт приехал в Россию, он был тепло встречен в Москве. «Ленин предложил официальному органу, газете «Известия», относиться ко мне как к ветерану социалистического движения»,— вспоминает Раппопорт. Однако их встреча не состоялась, так как Ленин заболел в тот самый день, когда намеревался принять Раппопорта. «Всю жизнь я жалел об этом несостоявшемся свидании»,— писал Раппопорт.

Знаком был Ленин и с другими французскими социалистами: Анжелой Руссель, членом постоянной административной комиссии Французской социалистической партии, которая по просьбе Владимира Ильича переводила на французский язык для Международного социалистического бюро доклад РСДРП Штутгартскому конгрессу II Интернационала; с Луи Робленом, депутатом от департамента Ньевр, который 11 января 1909 года дал Ленину рекомендательное письмо в Национальную библиотеку[92], и др.

Во время своего кратковременного пребывания в Ницце в марте 1909 года Ленин познакомился с Жаном Нувелем. В то время Нувель был секретарем социалистической организации Ниццы и корреспондентом «Юманите» (он оставался им до 1914 года). После съезда в Туре он вступил во Французскую коммунистическую

партию и был ее активным работником до самой смерти. Увлеченный русским революционным движением, Нувель выступил в 1911 году с планом помощи большевикам в их пропагандистской работе в России. Снабженный доверенностью в «надлежащей форме», которой акционерное общество поручало ему произвести изыскания в лесах Кутаисской губернии с целью покупки — разумеется, фиктивной — лесов, он весной 1912 года получает от русских властей просимую визу. Перед отъездом в Россию Нувель в апреле 1912 года посетил Ленина в Париже на улице Мари-Роз. Здесь он получил пакет от Ленина. Выполнив свою миссию, Нувель еще полгода пробыл на Кавказе, где его тепло приняли русские и грузинские большевики. Вернувшись осенью в Париж, он уже не застал там Ленина — Владимир Ильич переехал в Краков *.

У истоков Французской коммунистической партии

Переехав из Парижа в Краков, Владимир Ильич не переставал следить за развитием рабочего и социалистического движения во Франции.

Предательство лидеров социалистической партии Франции, вставших к началу мировой

* 22 апреля 1955 года (в день рождения Ленина) газета Ниццы «Патриот» опубликовала письмо Марии Нувель (вдовы французского революционера), в котором она рассказала об этом малоизвестном и редком случае участия француза в подпольной работе русских революционеров. Это письмо пересказывает Жан Фревиль в своей книге (см. *Ж. Фревиль.* Ленин в Париже, стр. 96—97).

империалистической воины на позиции социал-шовинизма и призвавших пролетариев поддержать «свою» буржуазию в этой войне, вызывает гнев Ленина. Работа «Социализм и война» переводится по инициативе Владимира Ильича на французский язык и распространяется во Франции: французские рабочие должны знать всю правду о войне!

В январе 1916 года во Франции были изданы резолюции Циммервальдской левой. Приезд французских левых социалистов на Кинтальскую конференцию Ленин расценивал как отголосок протеста масс, нараставшего во Франции против империалистической резни. Он пи-

сал в 1916 году, что империалистическую войну вела «не Франция демократическая и революционная, не Франция 1792, не Франция 1848 гг. и не Франция Коммуны», а «Франция буржуазная, Франция реакционная»[93].

Ленин призывал пролетариат всех стран, втянутых в мировую бойню, бороться против войны. «Я верю в французский революционный пролетариат,— писал он 10 февраля 1916 года.— Он подтолкнет и французскую оппозицию»[94]. Это обращение Ленина к французским товарищам («О задачах оппозиции во Франции») было опубликовано отдельной листовкой на французском языке и получило широкое распространение среди рабочих под заглавием «Sur la tache de l'opposition en France».

Один французский рабочий сказал, прочтя письмо Ленина: «Я думал, что социализм мертв, но теперь я вижу, что он живет, и весть об этом живом социализме я понесу в массы»[95].

Именно они, французские рабочие, к которым обращался Ленин через головы предавших их вождей, отказывались изготовлять военное снаряжение, предназначенное для антисоветской интервенции. Именно они отказывались грузить это снаряжение на суда, направлявшиеся в Россию. Именно они первыми заявили: «Руки прочь от Советской России!» Отблеск великого пожара, начавшегося в 1917 году в России, упал на французскую землю, и Франция — страна замечательных революционных традиций — развернула свои собственные красные знамена. Но это отнюдь не был «экспорт революции»: зерно упало на подготовленную почву.

На многолюдных митингах рабочие горячо одобряли ленинскую политику. Многие из выступавших подчеркивали, что русские большевики под руководством Ленина продолжают дело, начатое в 1871 году коммунарами Парижа. Участники митингов буквально не давали говорить тем ораторам, которые пытались осуждать Октябрьскую революцию. Так было, например, с правыми социалистами Пьером Лавалем и Пьером Реноделем, которые пробовали клеветать на Ленина и большевиков на митинге 12 января 1919 года в Париже в помещении Зимнего цирка. Анализируя сообщения французской печати об этом собрании, Владимир Ильич писал: «И во Франции, как мы видим, имеются сочувствующие большевистскому движению. Французские массы, это, может быть, одни из самых опытных, политически самых воспитанных, самых живых и отзывчивых масс. Они не позволят оратору на народном собрании взять ни одной фальшивой ноты, — его остановят. Хорошо еще, что, при французском темпераменте, его не стащили с трибуны!» И Ленин делает знаменательный вывод: «французский пролетариат за нас»[96].

В защиту Советской России боролись замечательные мастера культуры, гордость французской нации — Ромен Роллан, Анатоль Франс, Анри Барбюс, Раймон Лефевр, Поль Вайян-Кутюрье, Поль Ланжевен, Жан-Ришар Блок и др. Молодой революционный поэт Поль Вайян-Кутюрье пишет новые слова на мотив известной песни «Привет вам, солдаты 17-го полка» (которую в период своего пребывания в Париже так любил петь Ленин). Он славил в ней моряков, исполняющих свой интернацио-

нальный долг. «Привет вам, черноморские моряки» — так называлась эта песня, получившая большое распространение во Франции[97].

Созданная Барбюсом в конце 1917 года республиканская ассоциация бывших фронтовиков ведет активную борьбу против клеветы на Советскую Республику. Ленин высоко ценил ее деятельность. «Надеюсь,— писал он,— что ваша организация «des anciens combattants» сохранилась и растет и крепнет не только численно, но и духовно, в смысле углубления и расширения борьбы против империалистической войны. Борьбе против такой войны стоит посвятить свою жизнь, в этой борьбе надо быть беспощадным, все софизмы в ее защиту надо преследовать до самых последних уголков»[98].

Многие французы отдали свою жизнь, защищая общечеловеческую правду на русской земле. Среди них в ореоле мученической смерти сверкает имя Жанны Лябурб — дочери французского крестьянина, пламенного оратора, страстной пропагандистки ленинских идей *.

В феврале 1919 года в Одессе из казармы в казарму, где были расквартированы войска интервентов, передавалась весть: приехала француженка. Приехала из Москвы, от Ленина. Приехала говорить с теми, кого буржуазия послала душить русскую революцию.

- Как ее имя?

— О, у нее настоящее французское имя! Ее зовут Жанна.

— Ее зовут так же, как ту, которую любовь к Родине привела на костер в Руане...

И Жанна Лябурб бросилась в бой. Ее целью было восстановление истины. Ее оружием — слово. Она рассказывает своим соотечественникам о Ленине, которого часто видела.

Вечером 1 марта 1919 года офицеры из французской контрразведки арестовали Жанну. После допроса и зверских пыток она была расстреляна белогвардейцами. Мужественную дочь великой Франции хоронила рабочая Одесса. «Вы жертвою пали в борьбе роковой» — рыдали над ней звуки русского революционного траурного марша. «Мы знаем, — сказал Ленин, выступая на VII Всероссийском съезде Советов 5 декабря 1919 года, — что имя француженки, тов. Жанны Лябурб, которая поехала работать в коммунистическом духе среди французских рабочих и солдат и была расстреляна в Одессе, — это имя стало известно всему французскому пролетариату и стало лозунгом борьбы...»[99]

Год спустя Ленин восторженно отзывается о французских моряках, которые подняли восстание на Черном море, «не желая быть палачами русских рабочих и крестьян»[100].

Во Франции усиливается революционное крыло в профсоюзах. Во время встречи в Москве с Гастоном Монмуссо и Пьером Семаром Ленин интересуется, каким образом рабочее

* 19 августа 1918 года Жанна Лябурб обратилась к Ленину с просьбой о создании коммунистической группы интернационалистов в Москве. Ленин согласился. 4 сентября 1Ш8 года Ж. Лябурб избирается секретарем Французской коммунистической группы. Эта группа входила в Федерацию иностранных коммунистических групп при ЦК РКП (б). Состав группы: Инесса Арманд, Жак Садуль, Роберт Пети, Мария-Луиза Пети и другие, всего около 20 человек (*L Zak*. Lenine et Paction du groupe cqmmuniste francais aupres du Parti bolchevik (1918—1920).—«Cahiers du communisme». Paris, 1970, N 7—8).

движение Франции избавляется от анархо-синдикализма, опутывавшего его в те годы, когда он жил в Париже[101].

Самым важным итогом подъема рабочего движения, всколыхнувшего всю Францию после 1917 года, было создание Французской коммунистической партии, которая, как писал Морис Торез, «образовалась в период мощного подъема борьбы масс в результате развития новых идей во Франции, происходившего под влиянием социалистической революции в России и идей В. И. Ленина. Ее появление явилось результатом исторического развития национального рабочего движения, лучшие традиции которого она продолжает, давая им новое и более высокое содержание»[102].

Ленин, внимательно следивший за развитием процессов, происходивших во французском рабочем движении, своими советами, высказанными в статьях, письмах и при личных встречах с представителями революционных сил Франции оказал огромную помощь в консолидации сил, приведшей в конечном счете к созданию ФКП.

В связи с подготовкой к очередному съезду французских социалистов Ленин пишет «Заметки публициста», где разоблачает центристов (сторонников Жана Лонге), прикрывающих свой реформизм революционной фразой о «диктатуре пролетариата»[103].

На Страсбургском съезде развернулась острая борьба между сторонниками присоединения к III Интернационалу, с одной стороны, и правыми реформистами типа Ренодeля и центристами — с другой. Подавляющим большинством голосов съезд принял решение о выходе из II Интернационала и поручил руководству партии начать переговоры с ответственными органами III Интернационала. Делегатами для поездки в Москву были утверждены директор «Юманите» М. Кашен и генеральный секретарь партии Л. Фроссар *.

Общение с Лениным произвело на Кашена огромное впечатление. Перед отъездом Кашена и Фроссара из Москвы им было вручено письмо Президиума II конгресса Коминтерна от 29 июля 1920 года «Всем членам Французскоп социалистической партии, всем сознательным пролетариям Франции». Среди подписавших это письмо был В. И. Ленин. «Не может быть,— говорилось в этом документе,— чтобы революционный рабочий класс Франции с его изумительными революционными традициями, с его культурностью, с его готовностью к самопожертвованию, с его прекрасным боевым темпераментом, не создал могучей коммунистической партии в ту эпоху, когда издыхание буржуазного строя явно началось»[104].

В декабре 1920 года съезд в Туре большинством голосов (3208 мандатов из 4731) постановил присоединиться к III Интернационалу. Так родилась Французская коммунистическая партия. Интересно, что правые кричали «Да здравствует Жорес!», а левые — «Да здравствуют Жорес и Ленин!»

Ветеран партии, известный писатель и историк Жан Фревиль писал в 1970 году в связи с 50-летием ФКП: «В течение долгих битв, которые Французская коммунистическая партия

* В 20-е годы Фроссар, как известно, стал оппортунистом.

вела за улучшение положения пролетариата, в защиту мира, за хлеб для трудящихся, за национальную независимость, за демократические свободы и социальные завоевания партия сохранила пламя дней, в которые она родилась»[105]*.

Процесс становления Французской коммунистической партии шел медленно и трудно. «Преобразование старого типа европейской парламентской, на деле реформистской и лишь слегка подкрашенной в революционный цвет партии в новый *тип* партии, в действительно революционную, действительно коммунистическую партию, это — вещь чрезвычайно трудная, — указывал Ленин. — Пример Франции показывает эту трудность, пожалуй, всего нагляднее»[106].

С неослабевающим вниманием следил Ленин за развитием партии, помогал советами, письмами, выступлениями с трибуны Коминтерна[107].

За полвека Французская коммунистическая партия превратилась в великую национальную силу — силу, без которой невозможен ныне какой-либо прогресс на пути к новому обществу к экономической и социальной демократии во Франции. Достойные наследники коммунаров вступили в славное 100-летие Парижской коммуны как мощная коммунистическая партия рабочего класса, идущая во главе борьбы всех трудящихся Франции за мир, национальную независимость и социальный прогресс.

Эти успехи стали возможны благодаря тому, что Французская коммунистическая партия всегда руководствовалась ленинскими принципами стратегии и тактики. Об этом свидетельствует тот знаменательный факт, что прием в партию в 1970 юбилейном году проводился по решению Политбюро ФКП под лозунгом «50 лет верности ленинизму».

* Говоря об огромном влиянии Октябрьской революции на возникновение Компартии Франции, Фревиль резко критикует книгу ренегата коммунисгического движения Анни Крижель (историка, бывшего члена ФКП) «О возникновении французского коммунизма», где «умаляется», по словам Фревиля, значение таких «первостепенных факторов», как влияние высоких идеалов русской революции на массы французских трудящихся, воздействие ее политических и экономических факторов, впечатление масс от героического восстания моряков на Черном море. «Странный способ писать историю», — замечает по этому поводу Фревиль.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

На смерть Ленина

В морозный январский день 1924 года мир был потрясен известием о смерти Ленина. Глубокой скорбью отозвалась эта весть в сердцах трудящихся Франции.

В своей автобиографической книге «Сын народа» Морис Торез писал: «Безмерная скорбь охватила всех нас. Международный пролетариат и его борцы внезапно осиротели. Нет больше Ленина!»[1]

В течение целой недели нескончаемым потоком французские рабочие проходили, склонив головы, перед портретом Владимира Ильича, выставленным в помещении Центрального Комитета Компартии Франции.

Скорбная весть о смерти Ленина пришла в дни, когда в Лионе заседал 3-й съезд Коммунистической партии Франции (20—23 января 1924 года). Съезд обратился ко всем трудящимся Франции с воззванием: «Умер человек, который жил только для рабочего класса и отдал без остатка все живые силы своего разума и сердца служению международному пролетариату. Ленина не стало. Его имя, память о нем, его пример останутся как горящий во мраке факел, который никогда не погаснет. С именем Ленина на устах, с его образом в сердце пролетариат будет продолжать борьбу не отступая ни на один день с намеченного им пути»[2]. Съезд Коммунистической партии Франции послал телеграмму советским коммунистам: «французские коммунисты клянутся остаться верными учению Ленина и его примеру»[3].

Съезд послал делегацию в Москву на похороны Владимира Ильича.

В воскресенье 27 января трудящиеся Франции тоже провожали в последний путь Владимира Ильича. В предместье Парижа Сен-Дени состоялась траурная манифестация. В ней приняли участие десятки тысяч человек: рабочие Парижа и делегации от всех департаментов Франции. Перед зданием мэрии на красном постаменте, в окружении лавровых венков был установлен бюст Ленина. Более двух часов перед ним проходили участники процессии. Весь тротуар перед мэрией был покрыт красными гвоздиками — скромным даром простых сердец Ленину.

После двух минут глубокого молчания толпа запела «Интернационал». Среди участников грандиозного шествия был и Пьер Дегейтер — автор музыки этого пролетарского гимна. А те, кто не мог прийти в Сен-Дени, тоже отметили скорбный час: в момент, когда в Москве происходили похороны Ленина, на многих фабриках и заводах Франции рабочие прекратили работу. Они думали о Ленине...

Марсель Кашен, один из основателей Компартии Франции, писал: «В воскресенье 50 тысяч парижских пролетариев достойным обра-

зом почтили память Великого Усопшего. Мыслями все они были в Москве, святом городе мировой революции»[4].

Характеризуя роль Ленина в истории человечества, Марсель Кашен сказал: «Борец, который ушел от нас, оставил в истории человечества имя, достойное стать в ряду наиболее великих. Он соединял в своем лице самые выдающиеся и редчайшие качества ученого и человека действия...»[5]

Французский поэт коммунист Поль Вайян-Кутюрье писал, что Ленин — это человек, который нес на своих плечах новый мир[6].

Выдающуюся роль Ленина в истории человечества признавали не только коммунисты. Многие видные политические и общественные деятели Франции, весьма далекие от ленинских идей, писали в те дни прочувствованные слова о Владимире Ильиче. Так, например, Эдуард Эррио (в 1924 году он был лидером радикальной партии) заявил: «Нет нужды указывать, как далек я был от ленинского учения, но я всегда восхищался его исключительными дарованиями государственного человека, его решительностью, энергией и действительно энциклопедической образованностью. Я уверен, что если бы он жил, то он бы еще многое сделал для своей страны, ибо это был человек, который умел оценивать всякое положение и находить выход из него»[7].

Член французского сената, один из первых буржуазных политиков, выступивших за восстановление дипломатических отношений Франции с Россией, Де-Монзи писал в связи со смертью Ленина: «Его неумолимая, жестокая логика скрывала, по-видимому, очень нежное сердце, ибо история человечества не знает примера, чтобы народ оплакивал вождя, любовь которого он бы не чувствовал. Русский народ скорбел уже о болезни Ленина. Я помню, с каким уважением относились в Советской России к врачам, лечившим Ленина. Я помню, как Чичерин говорил о Ленине с такой же нежностью, как и люди из народа. Я не берусь судить Ленина. Я склоняюсь перед редким явлением человеческой природы...»[8]

«Ленин был гением действия,— писал профессор Сорбонны вице-президент Лиги защиты прав человека Виктор Баш. — Мы не можем принять террора русской революции, как не можем принять террора французской революции. Я все же восхищаюсь Лениным, как единственной крупной личностью, которую дала нам история после мировой войны»[9]. Здесь очень интересна для нас параллель между русской и французской революциями. Буржуазный демократ, профессор В. Баш, говоря о «терроре», имеет в виду якобинцев — тех самых якобинцев, решительностью которых так восхищался Ленин.

Ленин часто сравнивал большевиков с якобинцами. Об этом вспоминает в 1924 году Жак Садуль, который был тогда членом ЦК Французской компартии. Вот что он писал: «Как Ленин выразился в разговоре со мной в мае 1921 г.: «Рабочие-якобинцы более проницательны, более тверды, чем буржуазные якобинцы...» Ленин мертв, но ленинизм бессмертен. Лучшие ученики Ленина живут. Его преданные помощники, тысячи и тысячи пролетариев, выращенные его гением, крупнейшие и скромнейшие его сотрудники, миллионы горя-

чих ленинистов в старом и новом мире упорно и страстно продолжают его дело. Они несомненно доведут его до конца»[10].

Как личное горе воспринял смерть Ленина замечательный французский писатель Анрц Барбюс — автор книги «Огонь», которой, по свидетельству Крупской, Владимир Ильич во время мировой войны придавал громадное значение. «Эта книжка была так созвучна с его тогдашним настроением»[11],— вспоминала впоследствии Крупская.

Когда Ленин умер, редакция «Известий ЦИК СССР» обратилась к Барбюсу (как и ко многим другим писателям) с призывом сказать слово над могилой Ленина. Ответ Барбюса датирован 7 февраля 1924 года. Написано письмо на бланке Республиканской ассоциации участников и жертв войны.

«Дорогой товарищ,— писал Барбюс.— Я не ответил сразу на вашу просьбу высказаться о Ленине, потому что не осмеливался это сделать. Когда просто произносишь его имя, кажется, что одним этим ужо сказано так много, что невозможно осмелиться добавить какие-нибудь определения. Я еще слишком во власти той глубокой скорби, которая охватила меня при известии об исчезновении этого великого человека. Ленин представляется мне одной из наиболее совершенных личностей, когда-либо существовавших... Нельзя переоценить заслуги того, кто сумел таким образом выявить и направить решающую силу масс»[12].

«Ленин — величайший человек действия нашего века и самый бескорыстный»[13],— писал Ромен Роллан, потрясенный безвременной кончиной вождя русской революции.

в письме Роллана корреспонденту газеты Известия» в Берлине от 1 февраля 1924 года мы читаем: «Я необычайно ценю великие личности и питаю к Ленину чувство живейшего восхищения. Я не знаю более могучей личности в Европе этого века. Он так глубоко направил руль своей воли в хаотический океан мягкотелого человечества, что еще долго его след не исчезнет в волнах, и отныне корабль, наперекор бурям, направляется на всех парусах вперед, к Новому Миру. Никогда еще после Наполеона европейская история не знала воли такой закалки. Никогда еще со своих героических времен европейские религии не знали апостола столь несокрушимой веры. И никогда еще человеческая деятельность не выдвигала властителя дум, вождя столь абсолютного бескорыстия. Еще при жизни он вылил свою моральную фигуру в бронзу, которая переживет века»[14].

Франция чтит память Ленина

После того как в России свершилась социалистическая революция и Ленин стал главой первого в мире государства рабочих и крестьян, трудящиеся Франции стали называть его именем улицы, бульвары, площади, скверы. Так появилась улица Ленина в парижском предместье Дранси, бульвар Ленина в предместье Парижа Олней су Буа. В маленьком шахтерском городке на юге Франции мост через реку Гордон (одного из притоков Роны) носит имя Ленина. Его именем рабочие называют свои клубы, стадионы, местные ячейки

компартии. И это не только дань уважения и любви к великому вождю, но и память о тех годах, которые он прожил во Франции, будучи политическим эмигрантом.

Места, связанные с его пребыванием, дороги сердцу каждого француза. На улице Мари-Роз (дом 4), на улице Бонье (дом 24), на маленьком домике в Лонжюмо, где Ленин и Крупская снимали квартиру летом 1911 года установлены мемориальные доски. В 1970 году мемориальная доска открыта и в деревне Бомбон (департамент Сены и Марны), где Ленин отдыхал с семьей летом 1909 года.

В апреле 1945 года Французской коммунистической партии удалось приобрести бывшую квартиру Владимира Ильича в доме № 4 на улице Мари-Роз. Здесь был организован музей Ленина. Из старой обстановки, конечно, уже ничего не осталось. Но это неважно!.. Ведь именно здесь, в этих крошечных комнатках, прошли три самых, по его собственному признанию, тяжелых года из трудной эмигрантской жизни (всего Владимир Ильич вынужден был прожить в эмиграции около 15 лет). Здесь, в этих стенах, он жил, думал, писал, встречался с товарищами по партии.

На стенах музея фотографии Ленина. В застекленных рамках — исторические документы, связанные с периодом пребывания во Франции: фотокопия письма Ленина директору Парижской Национальной библиотеки с просьбой о выдаче ему читательского билета; первый номер «Рабочей газеты»; фотография дома №99 на улице Алезия, где проходила V конференция РСДРП; портрет Поля Лафарга; снимки дома в Лонжюмо, где жил Ленин, и

мастерской, в которой проходили занятия школы, и многие другие волнующие исторические документы.

Очень интересны дошедшие до нас воспоминания соседей Ленина по улице Мари-Роз. Консьержка этого дома, мадам Ру, говорила что всегда считала Ленина «опасным» человеком. «Подумайте,— восклицала она,— у него не было никаких человеческих слабостей! Он не пил, не курил — в библиотеку, на собрания и домой!» А старичок-фотограф — сосед Ленина — в беседе с советскими журналистами, приезжавшими в Париж в 1939 году, вспоминал: «...когда, бывало, с ним разговаривали, вам всегда могло казаться, что вы учитель, а он ваш ученик. Так он вас слушал, просто и скромно. Только, бывало, улыбнется и довольно-таки лукаво...» [15]

Умение слушать, скромность и обаяние привлекали к Ленину сердца простых людей в Париже так же, как и всюду, где он когда-либо бывал.

Профессор Мальтерр продолятет жить в доме № 4 по улице Мари-Роз. Это у его отца — букиниста брал Владимир Ильич книги полрека назад. Когда в Париже в 1963 году шли съемки фильма о пребывании Ленина во Франции Мальтерр рассказывал: «Вечером он возьмет большую кипу, целый груз человеческих премудростей, а утром возвратит. Неужели прочитали? — удивлялся мой отец.— И даже проштудировал,— отвечал господин Ульянов» [16].

— А я чинил Ленину дверной замок,— вспоминает старик-слесарь Жюль Эстекье.— Какой же это был прекрасный человек! [17]

До нас дошли воспоминания старичка-официанта кафе «Дю Льон». «В нашем кафе был шахматный клуб,— рассказывал он,— и Ленин часто приходил сыграть в шахматы. Я хорошо его помпю. Невысокого роста, огромный лысеющий лоб, слегка прищуренные глаза... Заразительно смеялся... Мне и в голову не могло прийти, что этот человек сделается со временем таким же знаменитым, как Наполеон, а то я рассмотрел бы его более внимательно... Должен еще сказать, что это был человек большой доброты: у него всегда в кармане находилась горсть конфет для ребят» [18].

О любви Ленина к детям вспоминает и старый крестьянин из деревни Бомбон Раймон

Лабарр: «О, если бы я знал, что через несколько лет после отъезда Ленина из нашей деревни весь мир будет повторять его имя, я многое запомнил бы. Единственное, что могу сказать вам, он очень любил крестьянских ребятишек, часто играл с ними» [19].

Имя Ленина пользуется во Франции самой широкой известностью и любовью. Вместе с трудящимися других стран миллионы французов видят в нем символ борьбы за светлое будущее, за свободу и счастье человечества. Широкие круги передовой Франции гордятся тем, что Ленин жил в их стране.

В январе 1964 года Парижский монетный двор выпустил памятную медаль, посвященную Ленину. На лицевой стороне медали — портрет Владимира Ильича. На оборотной стороне изображено земное полушарие, покрытое книгами со словом «Ленин» на многих языках — символ всемирного распространения ленинских идей. В беседе с корреспондентом московской газеты «Известия» старый мастер Андре Блок, создавший медаль, сказал: «У граверов такая уж работа: сидишь, постукиваешь молотком, а сам размышляешь. Вот и работая над ленинским портретом, я думал о многом: о величии Ленина, о нашей эпохе, которую без него и представить невозможно...» [20]

Произведения Владимира Ильича приковывают к себе внимание все большего и большего числа французов. В 1936 году в Париже были изданы под редакцией Анри Барбюса «Письма Ленина родным» [21].

Вскоре после окончания второй мировой войны французские коммунисты издали сборник под названием «Ленин, основатель социалистического государства, которое спасло мир». В связи с 30-летием со дня смерти Ленина Французская компартия издала сборник «Ленин и франция» [22].

Большими тиражами издаются и переиздаются ленинские труды: «Что делать?», «Крах II Интернационала», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и др.; вышли Избранные произведения Ленина в четырех томах; завершено издание на французском языке Собрания сочинений Ленина.

Определенным этапом в разработке французскими коммунистами ленинского теоретического наследия явились лекции, прочитанные в коммунистическом «Новом университете» и опубликованные в 1966 году: «Эпоха и личность Ленина» (Ж. Коньо); «Дальнейшая разработка марксистской теории после Ленина и кризис буржуазной мысли» (Ж. Коньо); выступление известного философа коммуниста Люсьена Сэва о работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»; доклад директора Института Мориса Тореза Виктора Жоаннеса о развитии Лениным исторического материализма в 1914—1917 годах и др. [23]

Темой «Ленин и Франция», изучением влияния ленинских идей на французское рабочее движение занимались такие видные деятели французского и международного рабочего движения, как Морис Торез, Жак Дюкло, Жорж Коньо.

В статье «Ленин и Франция» М. Торез писал о значении ленинской работы «О тезисах по аграрному вопросу Французской коммунисти-

ческой партий»: «Весь последующий ход истории доказал, насколько Ленин был тогда прав. Концентрация капитала в сельском хозяйстве, ограбление трудящихся крестьян в нашей стране происходит непрерывно. Руководствуясь учением Ленина, XV съезд ФКП выразил решимость французских коммунистов защитить «трудящееся крестьянство, главного союзника рабочего класса... против промышленных монополий, против крупных посредников и земельных собственников, против всех, кто его разоряет и экспроприирует»»[24].

Ж. Коньо посвятил свою книгу анализу влияния Октябрьской революции на развитие современного французского рабочего движения[25].

Книга Ж. Дюкло «Октябрь 17-го года и Франция» имеет следующее посвящение: «В знак величайшего уважения и признательности великому Ленину, славной Коммунистической партии Советского Союза и всем, кто боролся за победу Октябрьской социалистической революции 1917 года, открывая новую эру в истории человечества»[26].

В своих недавно опубликованных мемуарах Жак Дюкло — видный деятель международного коммунистического и рабочего движения, член Политбюро ФКП — рассказывает о влиянии на него Великой Октябрьской социалистической революции, вспоминает о восстании французских моряков на Черном море, о подвиге Жанны Лябурб. Глубоко и проникновенно пишет он о Ленине, «гиганте мысли и действия, который жил для социалистической революции»[27]. Дюкло отмечает, что рождение ФКП было результатом влияния ленинского учения, ленинских идей и означало соединение французского рабочего движения с ленинизмом.

К 100-летию со дня рождения Ленина были изданы два тома книги Жоржа Коньо «Ленин всегда с нами», популяризирующей жизнь и деятельность Ленина и его учение (т. 1. Этапы героической жизни; т. 2. Исторические судьбы ленинизма). Вышло новое издание книги Ж. Фревиля «Ленин в Париже» и альбом, состоящий из 145 фотографий с предисловием А. И. Микояна «Живой Ленин». Распространение литературы о Ленине было объявлено почетной задачей партийных организаций ФКП в 1970 году[28].

Журналы и газеты, издаваемые французскими коммунистами, посвятили ленинскому юбилею любовно подготовленные номера: центральный орган Французской коммунистической партии газета «Humtanite» посвятила специальный номер своего воскресного выпуска «Humianite-dimanche» (19 апреля 1970 года) жизни и деятельности Ленина; вышли «ленинские» номера еженедельника партии («France-nouvell'e») и теоретического и политического журнала ЦК ФКП «Cahiers du commiunisme»; орган Института Мориса Тореза («Cahiers de l'lnstitut M. Thorez») был посвящен Ленину — ученому и политическому деятелю; орган экономического отдела ЦК ФКП ежемесячный журнал «Economie et politique» особое внимание уделил ленинской теории империализма и ее современному развитию[29].

В послании Центрального Комитета Французской коммунистической партии «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленипа», направленном Коммунистической партии Советского

Союза, подчеркивалось могучее плодотворное влияние ленинских идей на французское рабочее движение[30].

Теоретический орган Компартии Франции «Cahiers du communisme» опубликовал в связи с юбилеем статьи о Ленине видных французских марксистов Р. Гийо («Ленин и интернационализм сегодня»), К. Прево («О борьбе Ленина против оппортунизма справа и «слева»), М. Симон («Вклад В. И. Ленина в марксизм»), Ж. Коньо («Ленин, каким он был. Из биографии Ленина»). Интересные материалы опубликованы в ходе подготовки и проведения ленинского юбилея в органе Института Мориса Тореза — среди них статья Жака Дюкло «Ленин и развитие французского рабочего движения» и Жоржа Коньо «Ленинизм — наше наследие» **.

В 1969—1970 годах в связи со 100-летием Ленина в Институте Мориса Тореза был прочитан цикл докладов. Многие из них были опубликованы в виде отдельных брошюр, в том числе «Ленин и политическая наука» (выступление Жоржа Коньо в октябре 1969 года), доклад Лео Фигера «Ленин и социал-демократия, ее природа и историческая роль», доклад Мишель Симон «Ленин и философия» и др.[32]

Огромным успехом пользовалась выставка «Ленин», открытая 20 мая 1970 года в одном из самых лучших выставочных залов Парижа «Гранд-Пале». На этой выставке, подготовленной Центральным музеем В. И. Ленина в Москве, внимание посетителей привлек бюст Ленина из красного мрамора, выполненный французским скульптором Н. Л. Аронсоном.

Не будет преувеличением сказать, что 100-летие со дня рождения Ленина оказалось в центре внимания общественной жизни Франции. Об этом говорит успех тех торжественных манифестаций, которые были организованы по всей стране обществом «Франция — СССР», Коммунистической партией Франции и другими организациями.

29 марта 1970 года группа фашистских молодчиков, пытаясь сорвать празднование юбилея Ленина, ворвалась в его музей-квартиру на улице Мари-Роз и учинила там погром. В ответ на этот акт вандализма более тысячи парижан, среди которых было немало молодежи, собрались — по призыву ФКП — на маленькой,

узкой улочке Мари-Роз, чтобы высказать свой протест и отдать почести Ленину. Все парижские газеты поместили материалы об этой волнующей манифестации любви и гнева. Вылазка фашистов дала обратный результат...

Очень много сделало в дни юбилея общество «Франция — СССР». Это ассоциация очень широкого состава: в нее входят люди с различными политическими, идеологическими и философскими воззрениями (не только коммунисты) . Основная задача общества — дальнейшее расширение взаимопонимания между народами Франции и Советского Союза. В этой связи руководители общества, особенно один из его президентов, член Политбюро ФКП Ролан Леруа, неоднократно подчеркивали в своих выступлениях, что «шире познакомиться с жизнью и идеями Ленина, которые пронизывают всю современную советскую действительность, — это значит найти самые важные ключи к пониманию СССР, его народа, его проблем» [33].

В год ленинского юбилея общество «Франция — СССР» организовало более 400 манифестаций различного характера, десятки лекций, прочитанных как для широкой аудитории, так и специально для молодежи, лекции в школах и других учебных заведениях, лекции, прочитанные руководителями национальных, департаментских и местных отделений общества, а также лекции известных историков [34].

Под знаком юбилея Ленина общество организовало во многих городах фестивали советских фильмов, выступления артистов Большого театра, концертные турне самодеятельных коллективов из Перми и Свердловска, выступления которых собирали тысячную аудиторию. Передвижную выставку книг, газет, гравюр и фотографий, организованную обществом, с большим интересом осматривали французы более чем в 20 городах. Кроме того, многие местные отделения общества организовали своими силами выставки о Ленине.

Были организованы филателистические выставки, распространялась памятная медаль «Ленин». Более 1100 французов участвовало в 1970 году в путешествии по Советскому Союзу, в том числе по ленинским местам Москвы и Ленинграда.

Именно общество «Франция — СССР» выступило инициатором организации Международной встречи обществ дружбы и культурных связей с Советским Союзом — представителей тех европейских стран, где жил в эмиграции пли приезжал хотя бы на непродолжительное время Ленин. Эта знаменательная встреча состоялась в Женеве в начале апреля 1970 года [35].

Печатный орган общества «Франция — СССР» в 1970 году помещал материалы о Ленине (статьи видных историков, воспоминания о Ленине, отрывки из ленинских произведений и т. п.) и выпустил специальный «ленинский номер» [36].

Через свои организации и через своих членов общество «Франция — СССР» неоднократно обращалось в местные муниципалитеты с просьбой назвать улицы, площади, бульвары, стадионы, мосты именем Ленина. Многие из подобных просьб были удовлетворены. Так, например, в мае 1969 года в городе Амбазак (де-

партамент Верхняя Вьенна) именем Ленина названа главная площадь (это было во время предвыборной кампании Жака Дюкло, которого коммунисты Франции выдвинули на пост президента страны). Имя Ленина носит главная улица Иври (предместье Парижа), одна из главных улиц парижского пригорода Гаржле-Гонесс и др.

В соответствии с планом сотрудничества обществ дружбы «СССР — Франция» и «Франция — СССР» 4—5 июня 1970 года состоялась встреча советских и французских историков на тему «Ленин и Франция». Коллоквиум этот проходил в Париже в Институте славяноведения. Ролан Леруа подчеркнул в своем вступительном слове тот широкий резонанс, который получило во Франции празднование 100-летия со дня рождения Ленина. В ответном слове известный журналист Г. А. Жуков, руководитель советской делегации, рассказал о ленинских принципах мирного сосуществования, которые легли в основу советской внешней политики.

С докладом о жизни и деятельности В. И. Ленина во Франции в период его парижской эмиграции выступала автор данной книги — сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Особое внимание в докладе было обращено на связь Ленина с французским рабочим движением той эпохи. Па коллоквиуме выступали известный французский историк Жан Брюа (об отношении Ленина к французскому революционному прошлому) и профессор Лабрусс (об изучении во Франции наследия Ленина и истории Октябрьской революции) [37].

Активное участие в работе советско-французского коллоквиума «Ленин и Франция» приняли сотрудники Института Мориса Тореза. А несколько месяцев спустя (31 октября, 1 и 2 ноября 1970 года) этот Институт провел коллоквиум, посвященный 50-летию Французской коммунистической партии и решающему вкладу Ленина во французское рабочее движение. Советскую делегацию возглавлял директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС академик П. Н. Федосеев, выступивший с большим докладом[38]. Открывал коллоквиум Жан Фревиль — ветеран ФКП, ближайший сотрудник Мориса Тореза. В докладах советских и французских ученых на этих коллоквиумах

еще и еще раз ярко и убедительно прозвучало, что ленинизм живет в деятельности Французской коммунистической партии. Он живет в рабочем классе, среди лучшей части интеллигенции и молодежи. Он — в стремлении рабочего класса к единству своих рядов, в усилении тенденции к сплочению всех демократических сил, борющихся против засилья монополий и порождаемого ими авторитарного режима.

Требуя сегодня восстановления и обновления демократии, Французская компартия не забывает заветов Ленина, который писал по поводу борьбы за демократические права: «Было бы коренной ошибкой думать, что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции, или заслонить, затенить ее и т. п. Напротив, как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию» [39].

Идеи Ленина живут и будут жить в революционной деятельности Французской коммунистической партии, в ее тактике и стратегии. Памятуя заветы Ленина, ФКП ведет борьбу как против правого оппортунизма, который не хочет вести наступление на позиции крупного капитала, так и против левачества, гошизма (как называют его во Франции), который граничит с анархизмом и отрицает связь между борьбой за демократию и борьбой за социализм.

Французские коммунисты помнят слова Ленина о преемственности в великой борьбе пролетариев всех стран за социализм: «... мы те-

перь ясно видим, как пойдет далеко развитие революции; русский начал — немец, француз, англичанин доделает, и социализм победит»[40].

Именно потому, что историческая миссия рабочего класса представляет сейчас излюбленную мишень для нападок и правых и «левых» оппортунистов, обращение к Ленину, распространение ленинских идей, пропаганда марксизма-ленинизма являются сегодня настоятельной необходимостью для французских коммунистов.

Влияние Ленина на умы и сердца французов растет с каждым годом. Факел, поднятый Лениным, неугасим. Свет его освещает путь всем народам, в том числе и французскому, к миру, счастью, свободе и полной национальной независимости, путь к социализму.

Уехав из Франции — великой страны, давшей ему приют на три с половиной года, Ленин оставил там частицу своего сердца. После Октябрьской революции Ленин неоднократно подчеркивал необходимость мирного сосуществования и установления культурных и торговых связей между Советским Союзом и Францией. «Всякое сближение с Францией для нас чрезвычайно желательно...»[41] — говорил он в октябре 1922 года.

И революционная Франция тоже не забыла великого русского, который ходил по улицам Парижа и снимал шляпу перед Стеной коммунаров на кладбище Пер-Лашез. Залог тому — пробитое пулями, пропитанное кровью знамя Парижской коммуны, которое хранится в Музее Ленина в Москве как священнейшая реликвия, как олицетворение вечно живой связи между революционной Францией и страной, давшей миру Ленина.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ

1 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 41, стр. 10.

2 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 232.

3 «Ленин и международное рабочее движение». М., 1969 (автор III и IV глав, охватывающих 1908—1912 годы, М. И. Пшедецкий); *Н. В. Нелидов* и *П. В. Барчугов.* Ленинская школа в Лонжюмо. М., 1967; *А. П. Якушина.* Заграничные организации РСДРП (1005-1917). М., 1967.

4 *Р. Ю. Каганова.* Славное знамя Коммуны.— «Вопросы истории КПСС», 1964, № 8; Еще раз об ответственности художника.— «Вопросы истории КПСС», 1965, № 1; Ленин в Париже.— «Новая и новейшая история», 1969, № 1; Ленин в Париже.—«Новое время», 1969, № 12; Очерк о жизни и деятельности В. И. Ленина во Франции (послесловие к альбому «Когда Ленин жил в Париже». М., 1969); Ленин и французские социалисты.— «Французский ежегодник» за 1970 год Института всеобщей истории АН СССР; Когда Ленин жил в Париже.— «За рубежом», 1970, № 12; О мемуарах Жака Дюкло.— «Новая и новейшая история», 1969, № 6; Когда Ленин жил в Париже.— «Литературная газета», 25 февраля 1969, № 6; О книге Ж. Фревиля «Ночь кончилась в Туре».— «Новая и новейшая история», 1971, № 3; Выступает Владимир Ильич (Из истории рефератов В. И. Левина парижского периода).— «Наука и жизнь», 1971, № 4, и Другие статьи.

На французском языке за 1962—1970 годы опубликованы 28 статей, в том числе в еженедельнике ЦК ФКП «Франс Нувель» («France Nouvelle») статья «Ленин, Октябрьская революция и Франция» (1962,

№ 889); в журнале «Этюд совьетак» («Etudes sovietiques»), издающемся в Париже, статьи «Ленин во Франции» (1962, № 169), «Октябрьская революция и Франция» (1962, № 176), «Ленин и французское рабочее движение» (1963, № 181), «Ленин и Поль Лафарг» (1965, № 205), «Мы обвиняем» (1967, № 227), «Ленин и Ромен Роллан» (1967, № 229), «Оратор — Ленин» (1968, № 241), «Ленин и французские интернационалисты» (1989, № 250).

5 *Freville*. Lenine a Paris. Paris, 1968. В советском издании: *Жан Фревилъ*. Ленин в Париже. Под редакцией Р. Ю. Кагановой. М., 1969.

6 «Quand Lenine yivait a Paris». Paris, 1967. В советском издании: «Когда Ленин жил в Париже». М., 1969.

7 «Воспоминания о В. И. Лениво», т. 2. М., 1969, стр. 255-н256.

8 *В. И. Ленин*. ПСС, т. 48, стр. 295.

9 *L. Fischer*. The Life of Lenin. New York, 1964, p. 78. (Курсив ваш.— *Р. К.)*

10 *В. И. Ленин*. ПСС, т. 55, стр. 71.

11 *B. D. Wolfe*. The bridge and the abyss. The troubled friendship of Maxim Gorky and V. I. Lenin. New York, 1967; *B. D. Wolfe*. Lenin and Inessa Armand.— «Slavic Review». Washington, 1963, vol. XXII, N 1, p. 96—114.

Глава первая

1 *В. И. Ленин*. ПСС, т. 55, стр. 9.

2 «Красный архив», т. I (62), 1934, стр. 79.

3 Ленинский сборник IV, стр. 119, 135.

4 *В. И. Ленин*. ПСС, т. 7, стр. 107-116.

5 «Красный архив», т. I (62), 1934, стр. 153—154.

6 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 207.

7 *Л. Фотиева*. Из жизни Ленина. М., 1959, стр. 22.

8 *А. П. Якушина*. Заграничные организации РСДРП (1905-1917 гг.). М., 1967, стр. 46.

9 *В. И. Ленин*. ПСС, т. 47, стр. 200. См. также т. 48, стр. 65 и т. 55, стр. 259—260, 317.

10 «Памяти Ленина». Сборник Музея революции СССР № 6. М., 1934, стр. 81—83 (глава из воспоминаний В. А. Бреслава под названием «Занятия В. И. Ленина с еврейскими рабочими в Париже»).

11 Воспоминания Д. 3. Мануильского («О Ленине». М., 1963, стр. 107—108); А. С. Гречнева-Чернова (там же, стр. 99); И. М. Полонского (там же, стр. 141); Т. Ф. Людвинской («Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 289); С. И. Гопнер (там же, стр. 295—296); Н. А. Семашко («Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1. М., 1956, стр. 455); О. А. Пятницкого («Избранные воспоминания и статьи». М., 1969, стр. 179—182); А. С. Шаповалова («В изгнании». М.—Л., 1927, стр. 118—119, 159—161); И. М. Владимирова («Ленин в Женеве и Париже». Харьков, 1924, стр- 51—52, 57—59); В- А- Бреслава («Памяти Ленина». Сборник Музея революции СССР, № 6, стр. 78) и др.

12 *О. А. Пятницкий*. Избранные воспоминания и статьи, стр. 176—178.

" ЦПА ИМЛ, ф. 341, он. 1, д. 21406.

14 Я. *К. Крупская*. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1968. стр. 166.

15 ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 2, д. 19, стр. 30.

16 *Н. К. Крупская*. Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 166.

17 «Протоколы совещания расширепной редакции «Пролетария»». М., 1934, стр. 137. 197, 264. См. также «Вопросы истории КПСС», 1966, № 11, стр. 67.

18 *В. И. Ленин*. ПСС, т. 47, стр. 120—121.

19 *В. И. Ленин*. ПСС, т. 16, стр. 420.

20 *П. К. Крупская*. Воспоминания о В. И. Лепипе, стр. 166; «Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917 гг.». М.. 1969, с m 182.

21 *В. И. Ленин*. ПСС, т. 55, стр. 247.

22 *И. М. Владимиров*. Лепип в Жепеве и Париже, стр. 51.

23 *В. И. Ленин*. ПСС, т. 47, стр. 303; *П. К. Крупская*. Воспоминания о В. И. Ленине, сто 166.

24 *Н. К. Крупская*. Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 166. См. также *В. И. Ленин*. ПСС, т. 47, стр. 213; т. 55, с m 306, 354.

25 *В. И. Ленин*. ПСС, т. 47, стр. 169.

26 Там же. стр. 170.

27 *В. И. Ленин*. ПСС, т. 55, стр. 264.

28 *П. К. Крупская*. Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 167.

29 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 247, 257,

30 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1. М., 1968 стр. 77—78.

31 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 273.

32 «Lettres de Lenine a sa famille, presentees par Henri Barbusse». Paris, 1936, p. 15—16.

33 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 55, стр. 303, 305.

34 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 304. См. также *С. Опоре* (Франция). В. И. Ленин и французские библиотеки (Выступление на XXXVI сессии Международной федерации библиотечных ассоциаций. Сентябрь 1970 г. Москва), стр. 1—3; *Ж. Фревиль.* Ленин в Париже, стр. 105, 186—187.

35 «Исторический архив», 1959, № 1, стр. 39.

36 «Прожектор», 1927, № 1 (95), стр. 16—17.

37 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 223-224, 228.

38 «История КПСС», т. 2. М., 1966, стр. 250-259; «В. И. Ленин. Биография», стр. 195—196.

39 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 45.

40 «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» (далее — «КПСС в резолюциях...»), т. i. М., 1970, стр. 249.

41 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 354-365.

42 «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 260—264.

43 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 148.

44 Вопрос о блоке большевиков с меньшевиками-партийцами освещен во втором томе «Истории КПСС» (стр. 263—269). См. также *Г. В. Князева.* К (вопросу о ленинской тактике блока большевиков с меньшевиками-партийцами. — Труды Ленинградского инженерно-экономического института. Вып. 42. Л., 1962, стр. 24—60.

45 *А. М. Буйко.* Лепинцы против отзовистов. — «Об Ильиче. Воспоминания питерцев». Л., 1970, стр. 200—204.

46 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 418.

47 «Памяти Ленина». Сборник Музея революции СССР, № 6, стр. 79.

48 *А. Чаплин* (Великобритания). В. И. Ленин и Библиотека Британского музея (Выступление на XXXVI сессии Международной федерации библиотечных ассоциаций. Сентябрь 1970. Мот.ква), стр. 5.

49 *В. И. Ленин.* ПСС. т. 55. стр. 255.

т Там же, стр. 278, 279, 284, 289. См. также «К истории появления в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»».— «Пролетарская революция», 1930, № 1.

si *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 179.

52 *Р. А. Ермолаева и А- Я- Манусевич-* Ленин и польское рабочее движение. М., 1971, стр. 216—217.

53 «О В. И. Ленине. Воспоминания." 1900—1922». Ш, 1963, стр. 113—115.

54 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 176.

55 «Вопросы философии», 1957, № 3, стр. 123.

56 «О В. И. Ленине. Воспоминания. 1900—1922», стр. 15.

57 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, д. 273.

68 *Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленипе, стр. 168.

59 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 55, стр. 277.

80 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 3.

6l Там же. стр. 42.

82 См. «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 285—286.

83 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 37.

84 «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 276—277.

85 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 39—40.

88 *Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 168.

87 Там же, стр. 173.

88 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 203—204.

69 Подробно эти вопросы освещены в кн.: «Борьба партии большевиков против троцкизма (1903—1917)». М.. 1968: «Борьба В. И. Ленина и Коммунистической партии Советского Союза против троцкизма». М., 1970.

70 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 188.

7l Там же, стр. 241.

72 О работе январского Пленума подробно см. «Истотжя КПСС», т. 2, стр. 296—303.

73 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 260.

74 *В. И. Ленин.* ПСС. т. 47, стр. 249.

75 *Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 168.

78 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, стр. 192.

77 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 74.

78 ЦПА ИМЛ, ф. 29, оп. 1, у, д. 35827.

79 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 320.

80 *Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 180.

81 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 415.

82 ЦПА ИМЛ, ф. 28, оп. 4, д. 34429.

83 ЦПА ИМЛ, ф. 29, оп. 5, д. 37747.
84 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, сгр. 75.
85 ЦПА ИМЛ, ф. 29, оп. 5, д. 43104.
86 «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 303.
87 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 285.
88 «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 309.
89 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 21, стр. 6—7.
90 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 232; цит. по: «История КПСС», т. 2, стр. 369—370.
91 «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 313—321- «История КПСС», т. 2, сгр. 352—355.
92 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 40.
93 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 306
94 «КПСС в резолюциях...», т. II, стр. 340—341.
95 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 44.
98 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 49, стр. 340.
97 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 81.

Глава вторая

1 *И. Ф. Попов.* Один день с Лениным. М, 1953 стр. 27—30.
2 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 264, 270.
3 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 55, стр. 317.
4 Там же, стр. 322.
5 Там же, стр. 323.
6 Там же. стр. XXXI.
7 «О В. И. Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы», стр. 108.
8 *В. П. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 58.
9 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 21Ю—218.
10 ЦПА ИМЛ, ф. 29, оп. 6, д. 33807.
11 «Пролетарская революция», 1925, № 8 (43), стр. 123.
12 ЦПА ИМЛ, ф. 377, он. 13, д. 36540.
13 «Пролетарская революция», 1928, № 9 (80), стр. 169.
14 ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 2, д. 139, стр. 34, 35.
15 ЦПА ИМЛ, ф. 28, оп. 4, д. 34219.
16 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, д. 273. См. также *Б. Ф. Федотов.* Из истории втородумекой с.-д. фракции.— «Вопросы истории КПСС». 1966, № 6.
17 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, д. 285.
18 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, д. 274; *Г. К. Орджоникидзе.* Статьи и речи, т. 1. М., 1956, стр. 1—2.
is *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 44.
20 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 55, стр. 287—288. См. также *К В. Шахназарова.* Некоторые стороны работы Большевистского центра.— «Вопросы истории КПСС», 1960, м 4, стр. 71—73.
" 2i *в. И. Ленин.* ПСС, т. 21, стр. 181.
22 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 362—363, прим. 44.
23 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 47.
г4 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 279.
25 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 8.
26 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, д. 280.
27 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 28-i29.
28 Гам же, стр. 61.
29 Там же, стр. 13.
30 *Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 188—189.
31 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 84.
32 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 218.
33 Брошюра имеется в фонде архивного хранения библиотеки ИМЛ.
34 ЦПА ИМЛ, ф. 351, оп. 1, д. 78.
35 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, д. 276.
36 *И. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 150.
37 *О. А. Пятницкий.* Избранные воспоминания и статьи, стр. 159.
38 ЦПА ИМЛ, ф. 338, оп. 1, д. 36249.
39 *О. А. Пятницкий.* Избранные воспоминания и статьи, стр. 176—177; ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1582, л. 4, 6.
40 «История СССР», 1965, № 5, стр. 119.
41 «Исторический архив», 1960, № 1, стр. 168, 170.
42 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 123—124.
43 *М. Пианзола.* Ленин в Швейцарии. М., 1958, стр. 47.
44 «Социал-Демократ», 1910, № 10, стр. 8; № И, стр. 12.
45 «Исторический архив», 1959, № 1, стр. 44.
46 «Исторический архив», 1957, № 1, стр. 7—8.
47 «Исторический архив», 1960, № 2, стр. 15.
48 «О В. И. Ленине. Воспоминания. 1S00—1922 годы», стр. 94.
49 ЦПА ИМЛ, ф. 28, оп. 2 и, д. 19203.
50 ЦПА ИМЛ, ф. 29, оп. 5, д. 37746.
ЦПА ИМЛ, ф. 29, оп. 5, д. 20894.

52 ЦПА ИМЛ, ф. 29, он. 5, д. 20878.
53 ЦПА ИМЛ, ф. 29, ой. 1 н, д. 43128.
54 ЦПА ИМЛ, ф. 29, от. 5, д. 43104.
55 ЦПА ИМЛ, ф. 29, оп. 1 у, д. 35826.
56 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 277.
57 ЦПА ИМЛ, ф. 14, од. 1, д. 133.
68 *Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине стр. 197-^198.
59 Гам же, стр. 198.
60 ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 2, ц. 19, стр. 37.
61 «Пролетарская революция», 1928, № 9, стр. 146.
62 «Вопросы истории КПСС», 1966, № 4, стр. 69.
63 *Н. К. Крупская. О* Ленине. Сборник статей и выступлений. Изд. 2-е, доп. М., 1965, стр. 88.
64 *М. И. Ульянова.* О Ленине. М., 1964, стр. 103 106, 110.
65 ЦПА ИМЛ, ф. 72, оп. 3, д. 629.
66 «О В. И. Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы», стр. 114.
67 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 223.
68 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 84—85.
69 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 645; см. также *И. Эренбург.* Люди, годы, жизнь. М., 1961, стр. 97—102.
70 *Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 184.
71 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 2194.
72 Там же), стр. 287.
73 «О В. И. Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы», стр. 140.
74 Там же, стр. 137, 189.
75 Там же, стр. 94.
76 Об этой встрече упоминает Крупская (Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 191). Дата встречи установлена В. Ю. Самедовым в его публикации письма Г. К. Орджоникидзе («История СССР», 1965, № 5, стр. Ш—119).
77 *Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 174. См. также *С. Лифшиц.* Партийные университеты яодполья. М., 1929.
78 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 219, 220.
79 Гам же, стр. 240—241.
80 Там же, стр. 252.
81 *Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 175—176.
82 «Вопросы истории КПСС», 1966, № 4, стр. 72.
83 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 5—6. См. также «Пролетарская революция», 1920, № 3, стр. 109—1)44.
84 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 413. См. также *Ц. В. Ершков.* Новые сведения о деятельности В И. Ленина за границей (1910-^1(911 гг.).—'«Вопросы истории КПСС», 1966, № 4.
85 ЦПА ИМЛ, ф. 338, оп. 1, д. 36235, л. 1 (на облояже мандата печать Николаевского комитета РСДРП).
86 ЦПА ИМЛ, ф. 338, оп. 1, д. 36234, л. 19-20.
87 Там же, л. 22—23. См. также «Исторический архив», 1962, № 5, стр. 45; *Н. В. Нелидов, П. В. Варну гов.* Ленинская школа в Лонжюмо, стр. 46—47.
88 ЦПА ИМЛ, ф. 338, оп. 2, д. 20944.
89 «Каторга и ссылка»!, 1934, кн. 1(110), стр. 162.
90 *А. И. Иванова.* Встречи в Лонжюмо.— «Дон», 1958, № 4, стр. 23.
91 Ж. *Фревиль.* Ленин в Париже, стр. 230.
92 //. *С. Велостоцкий.* Встречи с Лениным.— «Южный Урал», 1958, № 1, стр. 6; *Н. Н. Колесникова.* По дорогам подполья. Баку, 1966, стр. 303.
93 Цит. по: «Исторический архив», 1962, № 5, стр. 49.
94 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 200.
95 ЦПА ИМЛ, ф. 37, оп. 2, д. 35659, л. 34.
96 ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 252, л. 10.
97 *Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Левине, стр. 193.
98 *G. Katkov.* Russia 1917. The February Revolution. London, 1967, p. XXVI.
. " *D. Shub.* Lenin, a biography. N. Y., 1948, p. 87.
100 *L. Schapiro.* The Communist Party of the Soviet Union. N. Y., 1960, p. 160; *L. Schapiro.* The Communist Party of the Soviet Union. Second edition, revised and enlarged. London, 1970, p. 72—142.

Глава третья

1 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 200.
2 ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 134, л. 18.
3 «Исторический архив», 1955, № 2, стр. 18.
4 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 102.
5 ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 132, л. 20 об.
6 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 244.

7 ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 1 у, д. 36396.
8 «Исторический архив», 1955, № 2, стр. 3.
9 ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 127, л. 21.
10 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 645.
11 В одесской газете «Вечерние известия» 21 января 1929 года Одесским иотпартом опубдиковаиа первая часть письма и расшифровано имя автора.
12 ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 133, л. 4.
13 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 645.
14 Там же, стр. 445.
15 ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1909 г., д. 5, ч. 14, л. 20 об.—21.
16 ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 224, л. 19 об.
17 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, сир. 647.
18 ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 133, л. 9.
19 ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 133, л. 10.
20 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 192.
21 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 647—649. См. также *О. Аникст.* Воспоминания о Ленине.— «О Ленине». Воспоминания, кн. IV. М.—Л., 1925, стр. 87—88.
22 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 415.
23 Там же, стр. 649; ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 1 у, д. 36396, л. 5.
24 ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 127, л. 34.
25 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 69, 606.
26 Там же, стр. 68, 71.
27 Там же, стр. 427, 606, 608.
28 Там же, отр. 173.
29 «О В. И. Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы», стр. 90.
30 Цит. по: «В. И. Ленин. Биография». М., 1070. стр. 202; ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 133, л. 25.
31 «О В. И. Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы», стр. 106.
32 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 278—279.
33 «Исторический архив», 1955, № 2, стр. 23—24.
34 «В. И. Ленин. Биохроника», т. 2, стр. 536.
35 «Памяти Ленина». Сборник Музея революции СССР, 1934, № 6, стр. 83.
36 ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 134, л. 12.
37 «В. И. Ленин. Биохроника», т. 2, стр. 541, 546.
38 Там же, стр. 568, 585; «Парижский вестник», 1910, № 6, стр. 5.
39 «В- И. Ленин. Биохроника», т. 2, стр. 591.
«о ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 135, л. 7—8.
41 Там же, л. 13.
42 Там же, л. 3 (выписка М. И. Ульяновой из письма неизвестного автора из Парижа в Россию).
« *В. И. Ленин.* ПСС, т. 55, стр. 319.
44 ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 135, л. 15; «В. И. Ленин. Биохроника», т. 2, стр. 654, 656.
« *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 413, 566; См. также «Парижский вестник», 1911, N° 7; «Исторический архив», 1955, № 2, стр. 6, 10-11.
46 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 568.
47 ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 135, л. 21.
43 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 329. См. также стр. 574—576.
49 Там же, стр. 372.
5° *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, сир. 39, 365.
51 «Парижский вестник», 19М, № 44, стр. 4; ЦПА ИМЛ, ф. 14, он. 1, д. 135, л. 43.
и Опубликовано в статье: *Р. Ю. Каганоеа.* Выступает Владимир Ильич.— «Наука и жизнь», 1971, Л? 4, стр. 22.
53 Там же.
64 Там же, стр. 22, 23.
м *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 39.
56 ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 135, л. 40-41.
67 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 238.
58 ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 135, л. 30 (выписка М. И. Ульяновой из письма неизвестного).
59 Опубликовано в статье: *Р. Ю. Каганоеа.* Выступает Владимир Ильич.— «Наука и жизнь», 1(971, № 4, стр. 23.
60 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 128.
61 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 606.
62 ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 133, л. 19.
О Д. И. Часовникове см. *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 25.
83 ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1910, д. 5, ч. 1, л. 86-86 об.; *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 576.
64 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 414 (план реферата).
65 Там ж", стр. 409.
86 ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 133, л. 19.
67 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 396.
68 «Парижский вестник», 1911, № 48, стр. 4.
69 *В И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 133, 136-137.

70 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 21, стр. 480.
71 «В. И. Ленин. Биохроника», т. 2, стр. 643—644.
72 Объявление о митинге было помещено в газете «Будущее» (14 апреля 1912 г., стр. 4), издававшейся Вл. Бурцевым.
73 «О В. И. Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы», стр. 141—142.
74 Там же, стр. 142.
75 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 21, стр. 657-658.
76 ЦПА НМЛ, ф. 14, он. 1, д. 136, л. 20—23. Выписка М. И. Ульяновой из письма неизвестного автора из Парижа в Россию от И мая 1912 года.
77 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 21, стр. 346.
78 *Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И- Ленине, стр. 231; *В. А. Деготь.* Под знаменем большевизма. М., 1927, стр. 86.
79 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 251—252,
80 Там же, стр. 252.
81 *Н. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 231; ЦПА НМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 142.
82 ЦПА НМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 138, л. 3.
83 Там же, л. 6.
84 *В. Д. Ленин.* ПСС, т. 23, стр. 316.
85 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 24, стр. 113—150; т. 25. стр. 255—320.
86 ЦПА НМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 137, л. 39-40.
87 Там же.
88 ЦПА НМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 132, л. 30 об.
89 *А. Ф. Ильин-Женевский.* Один день с Лениным. М.-Л., 1925, стр. 14—15.
90 «Красная нива», 1927, № 45, стр. 44.
91 *Н. А. Семашко.* В. И. Ленин (наброски).—«Молодая гвардия». М., 1924, № 2—3, стр. 451—456.
92 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 279.
93 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, стр. 608—609.
94 «Красная нива», 1927, № 45, стр. 45.

Глава четвертая

1 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 24—25.
2 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 62.
3 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 24.
4 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 13.
s *В. И. Ленин.* ПСС, т. 26, стр. 263.
6 Гам же.
1 В. П. Ленин. ПСС, т. 20, стр. 62.
в *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 115—116. См. также т }6, стр. 183—191.
в *В. И. Ленин.* ПСС. т. 19. стр. 142.
ю *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 66—67.
" Там же, стр. 306.
12 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 98—99.
is *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 327—328.
14 *И. Ф. Попов.* Один день с Лениным. М., 1963, стр. 42—43.
is *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 233.
,6 Цит. по: *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 235.
" *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17. стр. 239—240.
18 Цит. по: *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 236.
19 Там же. стр. 237.
20 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 165—166.
21 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 238.
22 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 25—26, 48, 174—183, 202—205, 233—243; т. 19, стр. 53—54. 184—189 345-354; т. 20. стр. 13-14, 62-69, 228-233, 306, 387-388: т. 21. стр. 317—318 и яр.
23 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19. стр. 186.
24 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 39, стр. 193.
25 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, сто. 186.
26 *И. Ф. Попов.* Один день с Лениным, стр. 92—93.
27 Цит. по: *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 187. См. также СТТ. 126 и 607.
28 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 188.
29 Там же. стр. '809.
30 *Р. А. Ермолаева и А. Я. Манусевич.* Левин и польское рабочее движение, стр. 39—43, 126—130 152. 153. 168-171', 174-175-
31 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47. стр. 181.
32 ЦПА НМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 966, л. 1—2.
33 «Исторический архив», 1962. № 5, стр. 44.
34 ТПА ИМЛ, ф. 14. оп. 1, д. 135, л. 40—41.
35 *В И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 574; ЦПА. ИМЛ, ф. 14. оп. 1, д. 135. л. 40—41.
36 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 44, стр. 422.
37 Эта тема подробно освещена в монографии Я. И. Крутиковой «Из истории борьбы Ленина поо тип оппортунизма на международной арене». М,

38 Цит. по: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2. М., 1967. стр. 306.

39 *Р. А. Ермолаева и А. Я. Манусевич.* Ловил и польское рабочее движение, стр. 169—171'.
40 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 16, стр. 72—74.
41 Я. *К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Лениво стр. 139.
42 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 179.
43 Там же, стр. 231.
44 Там же, стр. 188.
45 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 248.
46 «О Ленине. Воспоминания зарубежных совре монников». М., 1962, стр. 102.
47 *Я. К. Крупская.* Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 181.
48 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 240, 256, 260.
49 Там же, стр. 259, 260, 261.
50 Там же, стр. 261—262.
51 Там же, стр. 263—264.
52 Там же, стр. 264, 265; ЦПАИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 894, л. 1; «В. И. Ленин. Биохроника», т. 2, стр. 560—561.
53 Ленинский сборник XXV, стр. 299.
54 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 258.
55 ЦПА НМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 908, л. 1—2; *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 616.
56 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, стр. 192.
57 *Там* же.
68 *И. М. Майский.* Воспоминания советского посла, т. 1. М., 1964, стр. 344.
59 Ленинский сборник XIV, стр. 22.
60 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 354.
61 ЦПАИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 134, л. 5. План реферата «Международный социалистический конгресс в Копенгагене и его значение» см. *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 428.
62 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 296—297.
63 Там же, стр. 269.
64 *Р. А. Ермолаева* и *А. Я. Манусевич.* Ленин и польское рабочее движение, стр. 250—252.
65 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 358, 375—376. См. также стр. 355.
86 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20. стр. 562, 567- т 21 стр. 34—36; т. 47, стр. 235—237: т. 48, стр.' 30—31; см. также «Сониал-Демократ» №11,26 февраля 191<0г.
67 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 359—360 (прим. 233).
68 *И. Ф. Попов.* Один день с Левиным, стр. 52—53.
69 *Л. Мартов.* Спасители или упраздяигели? (Кто я как разрушал РСДРП). Изд. «Голоса Социал-Демократа». Париж, 1911, стр. 18—21.
го *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 38.
71 Цит. по: *Р. А. Ермолаева* и *А. Я. Манусевич.* Ленин и польское рабочее движение, стр. 266.
п В. Я. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 652.
73 «Воспоминания о В. И. Ленине»', т. 2, стр. 178—179.
74 ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 219, л. 3.
ге *В. И. Ленин.* ПСС, т. 21, стр. 409.
78 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 50.
77 Там же, стр. 55.
78 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 21, стр. 252.
79 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 55.
80 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 21, стр. 215—216; см. также т. 48, стр. 57.
81 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 48, стр. 60.
82 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 168-172, 182—183, 189-191, 205, 207, 209-210, 286—287.
83 Там же, стр. 170—171.
84 Там же, стр. 286.
85 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 54, 55.
86 «Correspondence entre Lenine et Camille Huysmans (1905—1914)». Documents recueillis et presentes par G. *Haupt.* Paris — La Haye, 2963.
87 «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 21.

Глава пятая

1 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 5, отр. 276.
2 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 32, стр. 307.
3 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 9, стр. 308.
4 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 32, стр. 306.
5 *Н. К. Крупская.* О Ленине. Сборник статей, изд. 2. М., 1965, стр. 107—108.
6 Там же, стр. 93.
7 «Иностранная литература», 1957, № 4, стр. 7—17. См. также *В. А. Дунаевский.* Парижская Коммуна в трудах В. И. Ленина. М., 1970.
8 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 9, стр. 347—348.
9 Там же, стр. 330.
10 *Н. И. Иванов.* В. И. Ленин — редактор русского издания «Гражданской войны во Франции».— «Вопросы истории КПСС», 1964, № 6.

11 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 14, стр. 378—379.
12 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 146.
13 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 221, 222.
14 *П. Н. Лепешинский.* Вокруг Ильича. М., 1926, стр. 183.
15 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 90.
16 Там же, стр. 79.
17 Там же, стр. 114, 115.
18 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 9, стр. 328—330.
19 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 16, стр. 452—453.
20 ЦПАИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 132, л. 30—31.
21 «Каторга и ссылка», 1924, № 3 (10), стр. 26.
22 «О В. И. Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы», стр. 109—110.
23 «Каторга и ссылка», 1924, № 3 (10), стр. 26.
24 «О В. И. Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы», стр. 106.
25 *И. И. Панкратов.* Встреча в Париже.—«Московская правда», 21 января 1960 г.
26 *В. А. Бреслав.* О В. И. Ленине. (Беглые воспоминания). М., 1934, стр. 35—36.
27 *Н. К. Крупская.* О Ленине. Сборник статей, изд. 2, стр. 155.
28 Изложение этой речи Ленина было опубликовано 21 июля 1920 года в газете «Деревенская правда» (Петроград).
29 «Гражданская поэзия Франции» (В переводах Павла Антокольского). М., 1955, стр. *24&(Поль Вайян-Кутюрье.* Несем к Стене Пер-Лашез оружие нашей победы).
30 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 111; «Вопросы истории КПСС», 1964, № 8, стр. 89—91.
31 ЦПАИМЛ, ф. 14, оп. 1, д. 135, л. 22-23.
32 «О В. И. Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы», стр. 109.
33 «Когда Ленин жил в Париже». Альбом, стр. 179.
34 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 181.
35 Там же, стр. 23.
36 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, стр. 355.
37 «Когда Ленин жил в Париже». Альбом, стр. 68; *Ж. Фревиль.* Ленин в Париже, стр. 102—103
38 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 55, стр. 282, 284.
39 «В. И. Ленин. Биохроника», т. 2. стр. 510.
40 «О В. И. Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы» стр. 108—109.

441 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, стр. 356 и 607.
42 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 289.
« *Ж. Фревиль.* Левин в Париже, стр. 143—144. См также «Когда Ленин жил в Париже». Альбом, стр. 172.
44 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, стр. 355.
45 Там же, стр. 355, 608, 607.
4в ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, д. 279.
47 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 69.
48 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, стр. 355—356.
49 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 290.
5° «О В.И.Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы», стр. 96.
51 «Парижский вестник», 1910, № 26, стр. 3.
52 См. «Парижский вестник», 1911, N; 20, стр. 6; «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, стр. 371.
53 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, стр. 607.
54 *Н. К. Крупская.* О Ленине. Сборник статей, изд. 2, стр. 22, 93.
s5 *Т. Ф. Людвинская.* Великий, близкий, простой, стр. 13.
56 «Советская музыка», 1970, № 4, стр. 70.
57 *Н. К. Крупская.* О Ленине. Сборник статей, изд. 2, стр. 93.
58 «О В. И. Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы», стр. 99.
59 «Гражданская поэзия Франции» (В переводах Павла Антокольского), стр. 241.
60 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 24, стр. 184; *Н. К. Крупская.* О Ленине. Сборник статей, изд. 3, стр. 94.
61 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, стр. 355. См. также *Ж. Фревиль.* Ленин в Париже, стр. 240.
62 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, стр. 356—357. 371.
63 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 301.
64 Там же.
65 «Humanite», 4. XII. 1911, p. 12. См. также *Л. Арагон.* Базельские колокола. М., 1936, стр. 237 — 241; «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, стр. 371—372.
66 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 20, стр. 387, 388.
6/ «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2. стр. 301.
т. 47, стр. 110—111 (письмо Ленина Э. Авемарк).
В. И. Ленин. ПСС, т. 15, стр. 12Э-18. См. также

69 «Humanite», 4. XII. 1911.

70 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2, стр. 155

71 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 15, стр. 164.

72 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 54.

73 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 17, стр. 203.

74 Там же, стр. 194—195.

75 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 10, стр. 25.

76 Цит. по: *Ш. Раппопорт.* Жан Жорес. Гомель 1921, стр. III.

77 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 49, стр. 123, 132.

78 «В. И. Ленин. Биохроника», т. 1, стр. 223—224- *В. И. Ленин.* ПСС, т. 19, стр. 353.

79 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 26, стр. 91.

80 Там же, стр. 124.

81 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 30, стр. 263—264 и др.

82 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 26, стр. 256.

83 Там же, стр. 214.

84 «Lettres de correspondents etrangers a Lenine». Moscou, 1969, p. 50.

85 Ibid., p. 51; *В. И. Ленин.* ПСС, т. 50, стр. 20—21.

86 *В. И. Ленин-* ПСС, т. 50, стр. 20—21.

87 *Ж. Фревиль.* Ленин в Париже, стр. 175—178 214—215.

88 Цит. по: *В. И. Ленин.* ПСС, т. 18, стр. 211—212.

89 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 254. См. также т. 47, стр. 181, 201, 207; т. 48, стр. 24-

90 «Политики и писатели Запада и Востока о Ленине». М., 1924, стр. 38.

91 Цит. по: *Ж. Фревиль.* Ленин в Париже, стр. 215.

92 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 47, стр. 171—172, 304.

93 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 30, стр. 263.

94 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 27, стр. 239.

95 «Коммунистический Интернационал», 1936, № 3, стр. 55.

96 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 37, стр. 517.

97 *Л. М. Зап.* Славные традиции солидарности. М., 1962, стр. 88—89. См. также *Л. М. Зап.* Ленин и французские интернационалисты в 1918—1919 гг.— «Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции». М., 1967, стр. 169—178.

98 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 45, стр. 299.

»9 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 39, стр. 390—391.

100 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 42, стр. 4.

101 «Воспоминания о В. И. Ленине», т. *5,* стр. 488—491.

ї2 Цит. по: «Вопросы истории КПСС», 1970, № 12, стр. 90.

юз *В. И. Ленин.* ПСС, т. 40, стр. 129—139.

ї4 «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал». М., 1970, стр. 213.

ї5 /. *Freville.* La nuit finit a Tours. Naissance u parti communiste francais. Paris, 1970, p. 237.

ї6 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 44, стр. 420.

ї7 *В. И. Ленин.* ПСО, т. 44, стр. 23—33, 274—'2S1; т 51, стр. 229; т. 43, стр. 134—135; т. 42, стр. 253—254; т. 41, стр. 274, 295, 297, 442—447; *г.* 40, стр. 269; т. 39, стр. 251—252 и др. См. также «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 5, стр. 347; «Коммунистический Интернационал». Краткий исторический очерк. М., 1969, стр. 119—120.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

1 *М. Торез.* Сын народа. М., 1950, стр. 42.

2 Parti Communiste. Section Franchise de l'Internationale Communiste. 3-е Congres National. Adresses et resolutions. Paris, 1924, p. 17.

3 Ibid., p. 20.

4 Цит. по: «Политики и писатели Запада и Востока о Ленине». М., 1924, стр. 36 (факсимиле автографа).

5 Цит. по титульному листу кн.: *P. Vaillant-Couturier.* Un Grand Disparu. Lenine. Paris, [1924].

6 «Политики и писатели Запада и Востока о Ленине», стр. 35.

7 Там же, стр. 43.

8 Там же, стр. 42.

9 Там же, стр. 43.

10 Там же, стр. 38.

11 *Н. К. Крупская.* О Ленине. Сборник статей, изд. 2, стр. 94.

12 «Политики и писатели Запада и Востока о Ленине», стр. 47—48 (факсимиле автографа). Перевод наш.—Р. *К.*

13 Там же, стр. 49 (факсимиле автографа).

14 *Remain Rotland.* Quinze ans de Combat (1919—1934). Paris, 1935, p. 65 (Sur la mort de Lenine). Перетд наш. — *Р. К.*

15 Цит. по: «Огонек», 1939, № 2, стр. 3.

16 Цит. по: «Советская Россия», 13 ноября 1963 г. стр. 4.

17 Там же.

18 «Глазами человечества». М., 1957, стр. 188—189.

19 Цит. по: «Советская Россия», 13 ноября 11963 г., стр. 4.

20 Цит. по: «Известия», 20 января 1964 г., стр. 5.

21 «Lettres de Lenine a sa famille, presentees par Henri Barbusse». Paris, 1936.

22 *M. Thorez* [e. a.] Lenine, fondateur de l'etat socialiste qui a sauve le monde. Paris, 1946; «Lenine et la France». Edite par le Parti communiste francais. Paris, 1954.

23 *G. Cogniot.* L'epoque et la personnalite de Lenine. — «Les Cahiers de l'Universite nouvelle». Paris, 1966, N 501; *G. Cogniot.* L'enrichessement de la theorie marxiste depuis Lenine et la crise de la pensee bourgeoise.— «Les Cahiers de l'Universite nouvelle». Paris, 1966, N 517; *L. Sive.* «Materialisme et empiriocriticisme». Paris, 1966, N 502; *V. Joannes.* 1914—1917: Lenine et le developpement du materialisme historique. — «Les Cahiers de l'Universite nouvelle». Paris, 1966, N 506.

24 *M. Thorez.* Lenine et la France. Supplement aux «Cahiers du communisme», avril 1960, p. 23; см.гагоке *М. Торез.* Ленин и Франция. — «Вопросы истории», 1960, № 6.

25 *G. Cogniot.* La revolution d'Octobre et la France. Paris, 1966.

26 /. *Duclos.* Octobre 17 vu de France. Paris, 1967.

27 /. *Duclos.* Memoires, t. 2. Paris, p. 408.

28 *G. Cogniot.* Presence de Lenine. Pref. de W. Rochet, t. 1—2. Paris, 1970; t. 1. La trame d'une vie heroique; t. 2. Les destinees historiques du leninisme; /. *Freville.* Lenine a Paris. Paris, 1970; «Lenine vivant». Pief. de A. Mikoyan. 145 photos. Paris, 1970; «La vie du Parti». Paris, 1970, N 3, p. 30—31.

29 «Humanite — Dimanche», 19.IV.1970; «France nouvelle», 15.IV.1970; «Cahiers du communisme», 1970, N 4; «Cahiers de l'lnstitut Maurice Thorez», 1970, N 17; «Economie et politique», 1970, N 189.

30 «Pour le centainaire de Lenine». Message au Parti communiste de l'Union Sovietique 20 avril 1970. — «Cahiers du communisme». Paris, 1970, N 5, p. 121—122.

si *R. Guyot.* Lenine et l'internationalisme aujourd'hui.— «Cahiers du Communisme». Paris, 1970, N 4, p. 61—72; *Q Prevost.* Lenine sur l'opportunisme et sa variante gauchiste.— «Cahiers du communisme». Paris, 1970, N 4, p. 49—61; *M. Simon.* Ce que Lenine a apporte au marxisme.— «Cahiers du communisme». Paris, 1970, N 4, p. 41—52; *G. Cogniot.* Lenine tel qu'il fut. Elements d'une biographic— «Cahiers du Communisme». Paris, 1970, N 4, p. 32—40; /. *Duclos.* Lenine et l'evolution du mouvement ouvrier frangais.— «Cahiers de l'lnstitut M. Thorez». Paris, 1970, N 16, p. 44—60; *G. Cogniot.* Le Leninisme, notre heritage.— «Cahiers de l'Institute Maurice Thorez». Paris, 1970, N 17, p. 9—22.

32 *G. Cogniot.* Lenine et la science politique. Paris, 1969; *L. Figueres.* Lenine et la social-democratie, sa nature et son role historiques. Paris, 1969 (multigr.); *M. Simon.* Lenine et la philosophie. Paris, 1970 (Les inferences de L'lnstitut M. Thorez, 1970, № 17). Rotaprint.

33 Из выступления Р. Леруа 22 июня 1970 года в Москве в Октябрьском зале Дома Союзов на международной встрече представителей советской общественности и активистов зарубежных обществ дружбы с СССР, посвященной 100-летию со дня рождения Ленина.

34 Там же,

35 «Geneve: presence europeene de Lenine». Resolution de la rencontre Internationale de Geneve.— «France — URSS». Paris, 1970, N 25, p. 11.

38 «France — URSS», 1970, N 23.

37 Отчет о коллоквиуме «Ленин и Франция» см. в газете «Юманите» от 5 июня 1970 г.

38 *P. ' Fedosseev.* Lenine et la voie historique du PCF.—«La nouvelle critique». Paris, 1970, N 39, p. 25—27; *П. Н. Федосеев.* В. И. Ленин и исторический путь Французской коммунистической партии.—«Новая и новейшая история», 1971, № 2, стр. 3—17.

39 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 27, стр. 253.

40 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 35, стр. 279.

41 *В. И. Ленин.* ПСС, т. 45, стр. 237.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ № 1

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПАРИЖСКОЙ ГРУППЫ БОЛЬШЕВИКОВ в 1908—1912 годах

Установление персонального состава парижской группы большевиков с декабря 1908 по июнь 1912 года — один из тех сложных вопросов, с которыми сталкивается исследователь парижского периода жизни и деятельности Ленина.

Воспоминания членов группы — особенно А. Алина, А. С. Шаповалова и Б. А. Бреслава — дают о персональном составе группы весьма противоречивые сведения. Это вызвано многими обстоятельствами. Назовем некоторые из них.

Большинство членов группы жили в эмиграции в Париже и были известны своим товарищам (в том числе и авторам будущих мемуаров) не под своими настоящими фамилиями, а под подпольными кличками. Причем некоторые из них носили одно и то же имя (партийную кличку). Например, под именем «Семен» в Париже жили и работали А. Н. Голуб, И. И. Шварц и С. М. Семков («Сема»).

Состав группы был весьма текучий. В разные периоды (на протяжении декабря 1908 — июня 1912 года) в группе состояло от 35 до 45 человек. Причем одни из них уехали раньше — по заданию Ленина — на подпольную работу в Россию (как, например, И. И. Шварц и Б. А. Бреслав летом 1911 года). Другие, наоборот, только в 1911 году, отбыв срок тюремного заключения в России, эмигрировали за границу и приехали в Париж (как Т. Ф. Людвинская). И естественно, что приехавшие позже не включают в свои воспоминания о годах, проведенных в парижской эмиграции, имена тех, кого они там уже не застали.

Существуют и другие причины (в том числе субъективного характера), в результате которых состав группы и деятельность отдельных ее участников изображались неверно.

Всего опубликовано более 15 воспоминаний (в форме книг или статей), вышедших из-под пера бывших членов парижской группы большевиков, работавших в Париже одновременно с Лениным. Наряду с самым главным из мемуарных источников такого рода — воспоминаниями Н. К. Крупской — следует назвать интересные воспоминания Н. А. Семашко, С. И. Гопнер, И. М. Полонского, Т. Ф. Людвинской, Л. Н. Сталь, Б. А. Бреслава, А. С. Гречнева-Чернова.

На основании тщательного сличения текстов воспоминаний с архивными документами Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС автору удалось восстановить состав парижской группы большевиков в период с декабря 1908 по июнь 1912 года и написать краткую справку о каждом из ее членов. Картотека, составленная в результате этой предварительной работы, была показана в 1964—1966 годах бывшим активным деятелям парижской группы С. И. Гопнер, Т. Ф. Людвинской, И. М. Полонскому и А. Н. Голубу.

Каждому из них был задан один и тот же вопрос: действительно ли все эти люди состояли членами парижской группы большевиков в период пребывания В. И. Ленина во Франции (декабрь 1908 — июнь 1912 года)?

Ниже приводится список лиц (в алфавитном порядке), относительно которых С. И. Гопнер, И. М. Полонский, Т. Ф. Людвинская и А. Н. Голуб дали положительный ответ: «Да, являлись».

На первом месте в списке указана настоящая фамилия (например, Семашко, Н. А.; Гопнер, С. И.), затем — в скобках — фамилия или имя, под которыми данный человек жил в Париже (Александров; Наташа). Исключение сделано для тех, кто оставил себе свой дореволюционный псевдоним как фамилию и после 1917 года (М. К. Владимиров, Ю. М. Стеклов и др.). В этих случаях на первом месте будет стоять псевдоним (например, Владимиров, М. К.), а на втором в скобках — настоящая фамилия (Шейнфинкель, М. К.).

Данный список в советской исторической литературе публикуется впервые.

Алин, Алексей;
Арманд, Инесса Федоровна;
Беленький, Абрам Яковлевич;
Беленький, Григорий Яковлевич («Гриша»);
Бреслав, Борис Абрамович («Захар»);
Бритман, Анатолий Владимирович (Антонов, Казаков, Свиягин, Попов);
Владимиров, Мирон Константинович (Шейнфинкель, М. К., «Лева»);
Владимирский, Михаил Федорович (Камский);
Голуб, Александр Наумович («Семен»);
Гопнер, Серафима Ильинична («Наташа»);
Гречнев-Чернов, Андрей Семенович;
Давыдов, Михаил (Давиташвили, М. Н., Эдишеров);
Деготь, Владимир Александрович;
Дубровинский, Иннокентий Федорович (Иннокентий, Инок);
Житомирский, Яков Абрамович (Отцов);
Зиновьев, Григорий Евсеевич (Радомысльский, Г. Е., «Григорий»);
Каменев, Лев Борисович (Розенфельд, Л. В.);
Котаярешю, Дмитрии Михайлович (Михайленко);
Котов, Григорий Николаевич;
Крупская, Надежда Константиновна;
Лилина, Злата Ионовна («Зина»);
Любимов, Алексей Иванович (Зоммер, М.; «Марк»);
Людвинская, Татьяна Федоровна;
Манпев, Василий Николаевич;
Моисеев, Сергей Измаилович («Илья», «Зефир»);
Морозов, Михаил Владимирович;
Морозова, Александра Владиславовна;
Полонский, Иосиф Матвеевич («Степан»);
Раскин, Исаак («Исаак — Кривой»);
Сапожков, Николай Иванович (Кузнецов, Николай Васильевич);
Семашко, Николай Александрович (Александров);
Семков, Семен Моисеевич («Сёма»);
Сковно, Абрам Андреевич («Абрам»);
Сталь, Людмила Николаевна (Заславская, Р. П., «Людмила»);
Стеклов, Юрий Михайлович (Нахамкис);
Таратута, Виктор Константинович («Виктор»);
Шаповалов, Александр Сидорович;
Шаповалова, Лидия Романовна;
Шварц, Исаак Израилевич («Семен»);
Шпагин, Алексей Алексеевич.

После Октябрьской революции многие бывшие члены парижской группы большевиков находились на ответственной партийной и советской работе: Н. К. Крупская, Н. А. Семашко, И. Ф. Арманд, М. К. Владимиров, М. Ф. Владимирский, С. И. Гопнер, Т. Ф. Людвинская, И. М. Полонский, Л. Н. Сталь, И. И. Шварц и др.

Таков был состав парижской группы большевиков при Ленине. Вскоре после отъезда Владимира Ильича в июне 1912 года в Краков в Париж приехали Е. Д. Белоцерковский, С. М. Диманштейн, В. Н. Мещеряков, С. И. Назаров, Н. И. Плюснина, И. П. Товстуха и др. Но они уже Ленина в Париже не застали.

Документ № 2

ИЗ ПИСЬМА Н. К. КРУПСКОЙ С. Н. РАВИЧ ИЗ ПАРИЖА В ЖЕНЕВУ от 22 февраля 1911 года

(ЦПА ИМЛ, ф. 29, оп. 6, д. 20899)

«Дорогой товарищ! Посылаю 20 адресов для конвертов». Далее следует список, который озаглавлен так: «Адреса для «Рабочей газеты»».

1. Баку — Балаханы. 175 участок бр. Ашурбековых г-ну Али Алибекову.
2. Баку — Балаханы. Романинский промысел Ш. Ассадулаева г-ну фельдшеру.
3. Житомир, Волынской губ. Б. Бердичевская, фотографу г. Ренбранту.
4. Казань. Главный почтамт. Аркадию Иван. г. Батуеву.
5. Одесса. Садовый пер. Его превосходительству Николаю Александровичу Батуеву (профессору Университета) для Сергея Дмитриевича Морозова.
6. Ростов н/Дону. Контора цементного завода «Союз». Ивану Евдокимовичу Яковенко.

7. Ростов н/Дону. Б. Садовая. Аптека Дубовского. Александру Лернеру.

8. Саратов. Московская ул., между Ильинской и Вол., дом Николаевых, Комиссионная контора Киреева.

9. М. Юзовка, Екатеринославской губ. Садовая ул., д. № 4, г. Лобжанскому (Штейгеру).

10. г. Канск, Енисейской губ. и уезда. О. И. Каптеревой, до востребования.

11. с. Балаков, Самарской губ., Саратовская ул., близ Вольской, Ивану Петровичу Ромашову (соб. д.)

12. Ст. Клюквенная, Сибирской ж. д. Канского уезда. Григорию Николаевичу Котову до востребования.

13. С. Петербург. Нарвская застава. Вечерние курсы. Ушаковская ул., д. 12. Агаповой.

14. Сольвычегодск, Волог. губ. Петру Мих. Серафимову.

15. Тверь. Трехсвятская ул., угол Садовой, дом Макарова, С. К. Гаврилову.

16. Сызрань. Железнодор. врачу Павлу Ив. Умнову.

17. Баргузин, Забайкальской области. Магазин С. М. Рабиновича для Антона.

18. Богучансн*ое почт. отд. Енисейского уезда, Богучаны. Зеленскому.

19. Завод Лысьва, Пермской губ. и уезда, лавка Общества Потребителей. Татьяне Павловне Нечаевой.

20. Турипск, Тобольской губ. зубному врачу Софии Ильинишне Поповой.

Документ № 3

ИЗ ПИСЬМА Н. К. КРУПСКОЙ С. Н. РАВИЧ от **15 февраля 1912** года ИЗ ПАРИЖА В ЖЕНЕВУ

(ЦПА ИМЯ, ф. 17, оп. 1, д. 1218)

Из имеющихся у Вас адресов отменяются
№ 138 Тюмень — Махряновой,
№ 139 Двинск — Перельман,
№ 141 Харьков — Балашович,
№ 144 Москва — Розенфельд
Вместо них посылаю другие:

№ 138 Енисейская губерния. Енисейский уезд, деревня Сиромолотово, Кежемское почтовое отделение, гражданину Соломону Богуславскому.

№ 139 Москва, Гончарная ул. Редакция «Семья и школа». Ю. Э. Быковской.

№ 141 Киев. Крещатик, фабрика Маршака, И. Смертевко.

№ 144 Россия. Западная Сибирь, г. Томск. Технологический институт, физический корпус, профессору Петру Борисовичу Вейнбергу...

Хорошо бы разослать посылаемую брошюру о петиционной кампании в 5—7 дней, потому что на днях выйдет «Рабочая газета», а затем Центральный Орган.

Документ № 4

ОБЪЯВЛЕНИЕ О РЕФЕРАТЕ В. И. ЛЕНИНА «СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ»

(В. И. Ленин. ПСС, т. 17, стр. 445.
См. также «Исторический архив»,
1955, № 2, стр. 8)

2-я Парижская группа содействия РСДРП
В среду 10 февраля 1909 г.

Salle des Societes Savantes 8, rue Danton, 8.

в 81/2 час. вечера
состоится реферат
Н. **Ленина**
на тему:
Современное положение России

I. Как изменяется абсолютизм. Плутократическая или буржуазная монархия?

II. 3-я Гос. дума и «парламентские средства борьбы». Нечто о революционной фразе у «социалистов-революционеров».

III. Шовинизм кадетов и шатания трудовиков.

IV. О безумных людях, которые хотят «переть туда, где были разбиты».

V. Как надо создавать социал-демократическое использование парламентаризма в России.

VI. Наиболее активные или наиболее дряблые покидают ряды социал-демократии? Череванин как литературный и социальный тип.

VII. Чему учит опыт немецких социал-демократов при исключительном законе.

VIII. Пролетариат и мещанская интеллигенция в праздники и в будни истории.

Плата зо *вход 5, 3, 2 и 1 фр.*
На хоры — 50 сант.

Документ № 5

ОБЪЯВЛЕНИЕ О РЕФЕРАТЕ В. И. ЛЕНИНА «РЕЛИГИЯ И РАБОЧАЯ ПАРТИЯ»

(«Когда Ленин жил в Париже». Альбом. М., 1969, стр. 171)

Российская социал-демократическая рабочая партия
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Клуб редакции «Пролетарий»
В пятницу, 21-го мая 1909 года

в зале на *rue de Bretagne, 49.*

Тов. Ленин

Прочтет реферат на тему:

«Религия и рабочая партия»

По окончании реферата свободная дискуссия.

Начало в 81/2 ч. вечера

Плата за вход 50 и 15 с. Вход свободный для всех.

Рабочая типография

Документ № 6

ОБЪЯВЛЕНИЕ О РЕФЕРАТЕ В. И. ЛЕНИНА «ИДЕОЛОГИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ЛИБЕРАЛИЗМА»

(В. И. Ленин. ПСС, т. 19, стр. 427. См. также «Исторический архив», 1955, № 2, стр. 10)

В пятницу 26-го ноября 1909 года

в зале *«des Societes Savantes» 8, rue Danton, 8*

Н. Ленин

прочтет реферат на тему

«Идеология контрреволюционного либерализма (Успех «Вех» и его общественное значение)»

Содержание

I. С какой философией воюют «Вехи» и думские речи кадета Караулова.

II. Белинский и Чернышевский, уничтоженные «Вехами».

III. За что ненавидят либералы «интеллигентскую» русскую революцию и ее французский «достаточно продолжительный» образчик?

IV. «Вехи» и «левые» в России. Кадеты и октябристы. «Святое дело» русской буржуазии.

V. Что выиграла демократическая революция в России, потеряв своих либерально-буржуазных «союзников»?

VI. «Вехи» и речи Милюкова на предвыборных собраниях в Петербурге. Как критиковал Милюков на этих собраниях нелегальную революционную газету.

Начало в 8|/2 час. веч.
Плата за вход 5, 3, 2 и 1 фр., галерея 50 сант.

Рабочая типография

17, Rue de Fr — Bourgeois, Paris

Документ № 7

ИЗ ПИСЬМА В. В. АДОРАТСКОГО ЖЕНЕ ИЗ ПАРИЖА от 19 января 1911 года О РЕФЕРАТЕ В И. ЛЕНИНА «Л. Н. ТОЛСТОЙ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО»

(ЦПА ИМЛ, ф. 14, он. 1, д. 135, л. 7-8)

Вчера был на публичной лекции Ленина о Толстом. Было очень интересно. Ленин развивал ту мысль, что вовсе у Толстого не .было перелома, кризиса, что вовсе не было того развития, какое обычно представляется: сначала-дё Толстой был беллетристом, а потом ударился в религию и сделался религиозным и философским мыслителем. Ленин, показал цитатами из ранних произведений Толстого, что с самого начала Толстой был тем же самым Толстым, каким он был в 80-х годах и каким он остался до конца своей жизни. Именно резким и последовательным критиком современного капиталистического порядка, беспощадным отрицателем связанной с ним культуры и науки, но критиком, стоящим на точке зрения крепостнического общества, следовательно, критиком современности с реакционной точки зрения.

В статье «Люцерн», относящейся к 1857 г., что он пишет о западной культуре? Ведь это точь-в-точь та же самая точка зрения, которая развивается им в его последних произведениях. Он рассказывает там о нищем, который пол **и** играл перед одним из самых богатых отелей в Люцерне. И ни один из сидевшей там массы людей не дал этому нищему певцу ни гроша. Толстой добавляет, что этот факт был бы немыслим в деревне, и не только в русской, но **и** во всякой деревне, т. е. в обществе людей, живущих еще не в капиталистических отношениях, а в крепостнических...

В критике своей, в своем отрицательном отношении к так называемой буржуазной или капиталистической культуре Толстой прав. Только выводы из этой критики он делал реакционные, потому что он стоит сам на реакционной точке зрения. Для него хорошая жизнь — мужицкая, хорошие понятия — мужицкие...

В критике своей капиталистических отношений Толстой последователен и блестящ, потому что он великий талант и обладает крупным умом...

Документ № 8

СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ «ПАРИЖСКИЙ ВЕСТНИК» О РЕФЕРАТЕ В. И. ЛЕНИНА «Л. Н. ТОЛСТОЙ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО», СОСТОЯВШЕМСЯ 18 января 1911 года

(«Парижский вестник», 1911, № 3, стр. 3)

Референт поставил себе задачей — оставляя без рассмотрения Толстого как философа и художника, выяснить с марксистской точки зрения те исторические условия, на почве которых сложились основные черты учения Толстого, дать оценку его главным идеям и, наконец, разобрать те суждения, которые были высказаны за последнее время в русской прессе по поводу Толстого... Вопреки господствовавшему взгляду, в духовном развитии великого моралиста докладчик не видит каких-либо важных, существенных перемен, и все его произведения, от самых ранних и кончая позднейшими, проникнуты, по мнению референта, одними и теми же основными идеями. Эти идеи, эти главные мотивы «отражают» исторические условия, существовавшие на Руси в переходный период, начиная с 1861 и по 1905 г., когда пало крепостное право и начал складываться какой-то новый, но еще неясный Толстому уклад жизни. Толстой не понимал этих новых отношений, и в своей критике их он обращался и звал людей к старым идеалам, которые сложились в атмосфере русского барства, тульской деревни, под впечатлением неподвижности всего вообще Востока, к которому принадлежала, в частности, и Россия первой половины XIX столетия. Отсюда — отжившие реакционные идеалы и учение Толстого, его религия с верой в трансцендентного бога, его проповедь всеобщей любви, непротивления злу, нравственного самоусовершенствования, воздержания и целомудрия, его сплош-

ное отрицание культуры и прогресса, его отвращение к материализму и т. д. Единственным исключением из этой общей реакционной позиции Толстого является его лозунг «свободная земля», принимая который он «как живой человек» уступал непосредственным впечатлениям от жизни окружавшего его крестьянства. Но и здесь он не является сторонником рабочего социализма, становясь на точку зрения признания собственности на средства и орудия производства крестьянина и отвергая артельный порядок ведения хозяйства.

Между тем русская пресса в массе своей, не исключая и некоторых с.-д. и с.-р. изданий, превозносила Толстого, не замечая реакционности и вреда его идеалов, превозносила даже как раз за эти идеалы, называя его «совестью России», восхищаясь перед его учением о непротивлении и т. п.

Документ № 9

ПЛАН ЛЕКЦИИ В. И. ЛЕНИНА ПО КУРСУ «НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» ЛЕКЦИЯ IV

(плав написан ранее 9 февраля 1911 года)
(В. И. Ленин. ПСС, т. 20, стр. 413,
текст на стеклографе)

Российская социал-демократическая
рабочая партия
Курсы социальных наук

Ленин. Начала политической экономии

Лекция IV

1. Сущность капиталистического способа производства по сравнению с другими способами производства, исторически предшествующими ему.

2. Сходство в наличности классового угнетения и различия в формах и условиях классовой борьбы.

3. Борьба рабочего с капиталистом из-за длины рабочего дня. Условия продажи товара «рабочая сила». Производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости.

4. «Нормальные» условия потребления товара «рабочая сила» определяются борьбой рабочего с капиталистом.

5. Стачечная борьба, профессиональные союзы и фабричное законодательство в истории борьбы за сокращение рабочего дня.

6. Некоторые итоги полувекового периода новейшей истории (XIX—XX век) в деле сокращения рабочего дня. «Сводка» Каутского. Ничтожность «социального прогресса».

Организационная комиссия курсов

Документ № 10

ГАЗЕТА «ПАРИЖСКИЙ ВЕСТНИК» О РЕФЕРАТЕ В. И. ЛЕНИНА «СТОЛЫПИН И РЕВОЛЮЦИЯ»

(«Парижский вестник», 1911, № 44, стр. 4)

Во вторник 31 октября Н. Ленин прочел реферат на тему «Столыпин и революция», привлекший довольно многочисленную аудиторию. Вне зависимости от личных достоинств и способностей Столыпина, которые, по словам референта, стоят не особенно высоко, он (референт) пытался выяснить историческую роль Столыпина в связи с задачами и интересами правящего класса (объединенного дворянства), верным выразителем которых и являлся бывший премьер. Объединенное дворянство, будучи не в состоянии удержать власть в своих руках, пыталось за весь период так называемой контрреволюции найти себе союзника в лице отдельных групп либеральной буржуазии. Вся политика Столыпина начиная с 1906 года, все колебания правительства, разговоры о кадетском министерстве, переговоры с мирнообновлтенцами, продолжительный роман с октябристами — все эти шаги говорят об упорном желании крепостнически-помещичьего правительства сохранить хоть частично свою власть, разделив ее с одной из групп буржуазии. Такова была цель столыпинской «аграрной реформы», к этому сводится и избирательный закон третьего июня, отдавший всю Россию во власть дворянства и крупной буржуазии. Как же отнеслась

буржуазия в лице представляющих ее политических партий самых разнообразных оттенков к попытка правительства создать буржуазно-помещичий блок? Все буржуазные партии, начиная с кадетов и кончая октябристами, проявили определенную антидемократическую тенденцию; их стремления сводились к тому, чтобы создать нужный им компромисс между правительством и одной из буржуазных групп, компромисс, сводящийся в конечном счете к сохранению и укреплению монархического строя. На ряде удачно подобранных примеров референт вскрывает в исторической последовательности характер политики либеральной буржуазии, которую «высокая степет, классовой борьбы заставила повернуть к Столыпину».

Оратор останавливается и на общественной идеологии, созданной столыпинской эпохой. Характерным выражением идеологии левого крыла либеральной буржуазии — кадетов может послужить сборник «Вехи». Ненависть к интеллигенции, секте изуверов, прививающих — и довольно успешно — свой политический радикализм народным массам,— вот что объединяет между собой почтенных авторов этого сборника. В этой ненависти к интеллигенции, за которой скрывается ненависть и к идущей за ней демократии в целом, заключается апология столыпинского режима, в основе которого, по мнению референта, лежал принцип сохранения старого строя на почве более или менее широкого компромисса с буржуазией. Несмотря на полную готовность обоих союзников — объединенного дворянства и отдельных групп буржуазии—создать буржуазно помещичий блок, их попытку, а следовательно, и всю пятилетнюю политику Столыпина надо считать неудачной. Причины этой неудачи надо искать в социальной косности «объединенного дворянства». Начиная с переговоров о кадетском министерстве, переговоров, закончившихся разрывом, в оппозицию правительству Столыпина переходили, считая с левого фланга к правому, одна за другой группы либеральной буржуазии. Конец политической деятельности Столыпина совпадает с переходом в оппозицию и октябристов. Таковы итоги столыпинской политики, пользуясь которыми референт делает вывод о необходимости защиты и подчеркивания идеи надвигающейся русской революции.

Документ № 11

ОБЪЯВЛЕНИЕ О РЕФЕРАТЕ В. И ЛЕНИНА «МАНИФЕСТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ»

(В. И. Ленин. ПСС, т. 20, стр. 414. См. также «Исторический архив», 1955, № 2, стр. 12)

Российская соц.-дем. рабочая партия
(Кружок «Рабочей газеты»)
В понедельник 27-го ноября с. г.

Salle de l'Alcazar, 190, Avenue dc Choisy

состоится реферат

Н. Ленина

«Манифест либеральной рабочей партии»

1. Почему статья Н. Рожкова в № 9—10 «Нашей Зари» заслуживает такого названия и самого внимательного разбора? Возможность разобрать вопрос о двух линиях рабочего движения и «двух партиях» вне всякого «конфликтного» материала, вне «склоки».

2. Тип «социал-демократа дней свободы». Буржуазные демократы в марксистском наряде. Рожков как образец; в его статье сплошная подмена марксизма либерализмом.

3. Роль крепостников в современной России с точки зрения либералов (Рожков) и марксистов. «Декабрьские резолюции» (1908 г.) РСДРП.

4. Отношение демократии к решению (столыпинскому) аграрной проблемы «путем компромисса между разными группами буржуазии».

5. Предстоит ли России «торжество весьма умеренного буржуазного прогрессизма»?

6. Сравнение современной РОССИИ И III Думы с Францией 60-х годов XIX века, с Законодательным корпусом и с Пруссией 80-х годов.

7. Превратились ли «старые» лозунги в «мертвые слова»?

8. Почему основываемое Рожковым «Общество защиты интересов рабочего класса» есть общество ли-

беральной защиты по-либеральному понимаемых интересов рабочего класса?

9. Пропорция: Ю. Ларин относится к рабочему съезду, как Н. Рожков относится к легальной ликвидаторской партии.

Начало ровно в 9 час. вечера

Билеты 3, 1 фр. и 50 сант.

Документ № 12

ИЗ ПИСЬМА И. М. ПОЛОНСКОГО, БЫВШЕГО ЧЛЕНА ПАРИЖСКОЙ ГРУППЫ БОЛЬШЕВИКОВ, АВТОРУ КНИГИ Р. Ю. КАГАНОВОЙ

от 18 февраля 1966 года

Вас озадачил тот факт, что Бурцев в своей газете «Avenir», издававшейся в 1912 г. в Париже, в своем отчете о собрании-митинге, посвященном столетию Герцена, не упоминает о выступлении В. И. Ленина... В этом отчете не значится не только Владимир Ильич, но там также отсутствует и Г. В. Плеханов, там также нет и Мартова, а между тем все они не только присутствовали, но и выступали.

Бурцев по своей политической физиономии стоял примерно на грани левых кадетов и правых эсеров. Правда, он оказал большую услугу революционному движению, разоблачая многих предателей революции и провокаторов. Но, мне кажется, Вы не найдете ни в одном периодическом издании эсеров правдивое отражение деятельности РСДРП, а тем более выступлений Владимира Ильича, который всегда, если по содержанию своего выступления он касался эсеровской идеологии, как никто иной, их смертельно разил.

Вникните в обстоятельства данной речи Ленина. На этой трибуне присутствуют представители всех революционных течений России, присутствуют представители II Интернационала, присутствует актив всей эмиграции, и это происходит после Пражской конференции, когда меньшевики-ликвидаторы были исключены из партии, а это усилило накал борьбы против большевиков и, конечно, главным образом против Владимира Ильича. В этой обстановке Ленин в своей речи, показывая силу революционной мысли и деятельности Герцена, говорит: «Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем, он поднял знамя революции!»

Я ограничусь только этой цитатой. Это, да и **вся** речь его пронизана гневом против эсеровского и меньшевистского политиканства в поисках сделки **с** буржуазией... во всей речи эсеры-народники, как и меньшевики, как и Плеханов со своей философией, что «не надо было браться за оружие», получают уничтожающую критику перед лицом развития сил русской революции. Разве можно рассчитывать, что эсеры или даже меньшевики в какой бы то ни было форме будут печатно направлять читателя к ярким пропагандистским мыслям Владимира Ильича. Для меня, который и сегодня еще чувствует дыхание борьбы того далекого периода, в том, что газета Бурцева не упоминает Ленина... ничего неожиданного нет.

Но давайте подойдем к выяснению этого факта еще с другой стороны. Надежда Константиновна в своих воспоминаниях отмечает, что Владимир Ильич всегда придавал важное значение эмигрантской массе, он всегда, когда время ему позволяло, выступал с докладами, рефератами перед этой массой. Представьте себе, что в Париже, где живет Ленин, имеет место такое важное событие с точки зрения международного отображения и выражения освободительного движения России, да еще в связи с юбилеем такого блестящего представителя революционной мысли, как Герцен... И Владимир Ильич останется в стороне? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы представить себе, что подобное невозможно было.

Полонский
18 февраля 1966 г.

Документ № 13

ОБЪЯВЛЕНИЕ О РЕФЕРАТЕ В. И. ЛЕНИНА «РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ РОССИЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА»

(В. И. Ленин. ПСС, т. 21, стр. 488.
См. также «Когда Ленин жил в Париже».
Альбом, стр. 206)

Парижская секция 3. О. РСДРП
В четверг 13 июня 1912 г.
в зале *Alcazar, 190, Avenue de Choisy, 190*
состоится реферат
тов. Ленина
на тему
Революционный подъем российского пролетариата

1. Ленские события и первое мая в России. Массовые стачки и их роль.

2. Закономерность революционного подъема, его предтечи и его перспективы.

3. Значение массовой стачки в современных революциях. Опыт 1905 года.

4. Либерализм и демократия перед лицом новой революции.

5. Почему кадеты объявили войну «революционным настроениям» и осудили мысль о «надобности в новой революции в России»?

6. Новая обстановка теперешнего революционного подъема. Политические партии, **III** Дума, выборы. Крестьянство и новая демократическая интеллигенция.

7. «Свобода коалиций» и лозунги народной революции — борьба за республику, за 8-часовой рабочий день, за конфискацию всей помещичьей земли.

Начало ровно в 81/2 час. веч.
*Цена за вход 50 с. и **1** фр.*

Кооперативная типография «Идеал»,
rue Vavin, 14, Paris

Документ № 14

ОБЪЯВЛЕНИЕ О РЕФЕРАТЕ В. И ЛЕНИНА «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС»

(«Когда Ленин жил в Париже».
Альбом, стр. 227)

Комитет Заграничной Организации Росс.
Социал-Демократической Рабочей Партии.
В пятницу 23-го января 1914 года

184, Boulevard Saint Germain, 184.

Metro St. Germain

Большой зал Societe de Geographie
товарищ Н. Ленин
прочтет реферат на тему:
Национальный **вопрос**

Начало ровно в 8 1/2 час. вечера
Плата за вход: 5 фр., 3 фр., 1 фр., 50 с.
Кооперативная типография «Идеал»
14, rue Vavin, Paris